

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КАФЕДРА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАУЧНОГО ТЕКСТА

958753

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1981

1. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СТИЛЯ НАУЧНОЙ ПРОЗЫ

В.Л. НАЕР

К ОПИСАНИЮ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛЕВОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА. ВОПРОСЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ

На протяжении десятилетий проблема функциональных стилей (ФС) не перестает привлекать внимание лингвистов. Дискуссия по вопросам стилистики (в центре которой стоял именно вопрос о функциональных стилях), проведенная четверть века тому назад на страницах журнала "Вопросы языкознания"¹, заострила внимание лингвистов на этой проблеме, пробудила к ней всеобщий интерес (хотя, как известно, вопросами функциональной дифференциации языка ученые занимались и ранее, особенно в СССР и Чехословакии) и подтвердила права гражданства ФС как лингвистической категории. Вместе с тем дискуссия явилась мощным стимулом для дальнейших размышлений в области функциональной стилистики и построения теории ФС, хотя, конечно, сама она не могла решить все вопросы вычленения, классификации и описания ФС конкретных языков. Как до дискуссии, так и непосредственно после нее разрабатывались классификации ФС, в основе которых лежали преимущественно экстралингвистические признаки; система же языковых средств, характерная для того или иного стиля, как правило, лишь только декларировалась, но подробно и комплексно не описывалась. Номенклатура ФС в различных классификационных системах была в значительной мере различной, а внутри отдельных систем наблюдалась некоторая таксономическая неоднородность.

В настоящее время проблема функциональных стилей находится в центре внимания лингвостилистики, и не только лингвостилистики: вопросы языковой вариативности — а именно к их числу относится учение о ФС — важны и актуальны и с общелингвистической точки зрения; не случайно они привлекают внимание специалистов в самых различных отраслях науки о языке. За прошедшие после дискуссии два с половиной десятилетия теория ФС заметно обогатилась и углубилась, чему способствовали не только труды ряда выдающихся советских ученых, но и многочисленные диссертации и статьи, прямо или косвенно связанные с проблематикой ФС; и можно с уверенностью сказать, что сейчас мы имеем более определенное и адекватное представление о сложном лингвостилистическом объекте, именуемом — в самом широком плане — функциональным стилем.

○

¹ ВЯ, 1954, № 1-6; 1955, № 1.

Вместе с тем, однако, проблема ФС в целом и тем более в ее частных аспектах еще далека от окончательного и исчерпывающего разрешения, если таковое вообще возможно. По-прежнему спорным остается целый ряд вопросов: является ли ФС системой, особенно замкнутой? можно ли выделить ФС как в письменном, так и в устном варианте языка? следует ли говорить о стилях языка или о стилях речи либо о тех и других? что представляет собой понятие функции в применении к ФС? каковы критерии выделения ФС? сколько в том или ином языке стилей и что это за стили? и др. Однозначных ответов на эти вопросы в лингвистической литературе нет (возможно, и быть не может); более того, все еще наблюдается заметная пестрота взглядов. Видимо, с достаточной уверенностью можно говорить лишь о том, что ФС являются безусловной и объективной языковой реальностью, что они представляют собой достаточно упорядоченные разновидности функционирования языка, социально обусловленные и социально осознанные, и что одни стили отличаются от других некоторой системой признаков — их функцией, определенным набором и своеобразной организацией языковых средств.

Впрочем, и само понятие "функциональный стиль" внушает некоторым исследователям сомнения и опасения. О.А. Лаптева, например, имея в виду "функциональные разновидности" литературного языка, замечает: «Поскольку устанавливающийся тип соотношений неодинаков в разных функциональных разновидностях — и он не может быть одинаков в силу внеязыковых и исторических причин, — единый для всех типов термин "функциональный стиль" не в состоянии отразить их особенности». И далее: "Целесообразно было бы в данном случае ограничиться описательным, а не терминологическим словом (разновидность, область, сфера и под.)"². Опасения эти, в сущности, не столь уж серьезны; а предположенный выход из положения малоутешителен: чем "функциональная разновидность" лучше и точнее "функционального стиля"? Скорее, это еще более общее понятие; к тому же, попадая в научный контекст, "описательное слово" "разновидность" тут же (в силу известной тенденции к терминологизации общеупотребительной лексики в научном стиле) приобретает свойства термина. Между тем представляется, что все сомнения возникают здесь не столько относительно сущности самого явления, сколько именно вокруг термина. Однако ФС это и есть не что иное, как функциональная разновидность литературного языка. Снятие же термина "функциональный стиль", отказ от термина "стиль" вообще, замена термина "описательным словом" — все это отнюдь не помогает уточнению объекта исследования, а, напротив, отбрасывает дело изучения стилистической дифференциации языка назад, зачеркивая тем самым большой пройденный наукой путь, на котором было немало и достижений. Есть все основания утверждать, что ФС — это разновидность литературного языка (именно в литературном языке, и прежде всего в его письменном варианте, способны развиваться такие разновидности),

² Лаптева О.А. Современная русская публичная речь в свете теории стиля. — ВЯ, 1978, № 1, с. 24.

вызванная к жизни социальными потребностями, т.е. выполняющая определенную функцию.

Следует при этом также иметь в виду, что ФС представляет собой именно разновидность литературного языка, т.е. сам этот язык, но лишь употребляемый с некоторым креном в какую-то одну сторону, что приводит к выдвиганию на передний план одних элементов языка и затухиванию других (при почти неизменном равновесии третьих), предполагает некоторую их перегруппировку и не более. Так, научный стиль, например, английского языка, несмотря на все его своеобразие, это не какой-то особый язык, это все тот же английский язык, примененный лишь к нуждам науки, что и определяет некоторую специфику его употребления, — язык тот же, употребление иное; и предпосылки такого употребления заложены в языке.

С другой стороны, ФС, по тем же соображениям, едва ли целесообразно рассматривать как часть литературного языка, как это иногда делают. По Ю.М. Скребневу, например, "стиль данного подъязыка" — это "абсолютно специфическая область" данного подъязыка, "совокупность свойственных лишь данному подъязыку единиц"³, "абсолютно специфических конститuentов данного субъязыка"⁴. Стиль при таком подходе низводится до уровня простого набора каких-то уникальных стилистически маркированных языковых средств, абсолютно присущих данной стилистической разновидности и абсолютно не присущих всем другим.

Опыт стилистического анализа убеждает, однако, в том, что таких специфических языковых средств в любом стиле относительно небольшое количество; они, конечно, есть, и они сообщают стилю определенную специфическую окраску и диагностируют данный стиль, но подавляющее большинство языковых средств в любом стиле — это общие неспецифические средства, и специфика стиля в значительной степени складывается из частотных характеристик и своеобразия организации таких языковых средств. Забвение этого, казалось бы, очевидного факта приводит к сомнительным выводам, в частности и к таким, которые на первый взгляд могут показаться выводами противоположного характера, но в конечном счете сводятся все к той же проблеме маркированности. Полагают, например, что специальная терминология не является характеристической чертой, ведущим признаком научного стиля, так как в его пределах она стилистически не маркирована⁵.

Между тем стилистически маркированные элементы, столь существенные в рамках текста, при идентификации и характеристике ФС не могут быть признаны достаточными. Совершенно очевидно, что имеются различия в использовании таких языковых средств, которые обнаруживаются в любом функциональном стиле; и коль скоро качества этих язы-

³ Скребнев Ю.М. Некоторые понятия стилистики в свете дихотомии "язык-речь". — Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М. Тореза, 1973, вып. 73, с. 83.

⁴ Скребнев Ю.М. Очерки теории стилистики. Горький, 1975, с. 40.

⁵ Ср., например: Винокур Т.Г. Об изучении функциональных стилей русского языка советской эпохи. — В кн.: Развитие функциональных стилей современного русского языка. М., "Наука", 1968, с. 5.

ковых средств остаются неизменными, различия эти должны носить функциональный и количественный характер. Последовательный учет количественных (частотных) характеристик общеупотребительных языковых единиц имеет принципиальное значение для построения системы ФС⁶ и их описания в сфере любого литературного языка. Конечно, для стилистического исследования важен сам факт, например, существенного преобладания того или иного языкового явления в данном стиле по сравнению с другими, а не фетишизация цифровых данных и абсолютизация математических формул, большей частью не способствующих прояснению объекта исследования, а иногда и затемняющих его. Количественные данные всегда нуждаются в содержательной интерпретации. Вместе с тем любые подсчеты имеют смысл лишь тогда, когда учитываются хотя бы наиболее общие и элементарные закономерности статистики при отборе и обработке исследуемого языкового материала. Цифры, как известно, обладают магической силой воздействия, и подкрепленные цифровыми данными положения выглядят весьма впечатляюще. Однако не всякий цифровой материал имеет ценность: нередко появляются работы, изобилующие таблицами, содержащими ненадежные, нерелевантные и, что особенно прискорбно, несущественные цифровые данные.

Функциональный стиль принято рассматривать, если иметь в виду его языковую основу, как систему средств выражения. Такой подход был обоснован В.В. Виноградовым еще в середине 40-х годов⁷. Конечно, система должна здесь, видимо, пониматься лишь как некая совокупность явлений (языковых фактов), более или менее организованная, по крайней мере не хаотичная, как некоторая взаимообусловленность языковых элементов в рамках того или иного стиля. А, как справедливо замечает Р.А. Будагов, "языковые категории обычно не вмещаются в жесткие рамки той или иной системы (структуры)"⁸. Но так или иначе, будем ли мы рассматривать ФС как функционально обусловленную и внутренне объединенную систему или совокупность языковых средств, для каждого стиля открытыми остаются вопросы: что это за языковые средства? как они внутренне объединены? каковы их взаимоотношения? К сожалению, и по сей день попытки описать какой-либо из ФС английского языка с достаточной полнотой и во всей его многосторонности, выявить его отличительные признаки, тщательно описать совокупность (систему) средств выражения все еще очень немногочисленны, а необходимость таких исследований, видимо, не вызывает сомнений.

С другой стороны, уточнение общей системы стилей конкретного литературного языка, исходя из уже накопленного опыта наблюдений над отдельными стилями и обобщения положений и фактов, содержащихся в работах, посвященных исследованию того или иного признака какого-либо ФС или группы признаков, представляется также необходи-

⁶ Ср.: Шайкевич А.Я. Опыт статистического выделения функциональных стилей. — ВЯ, 1963, № 3.

⁷ См.: Виноградов В.В. О задачах истории русского литературного языка, преимущественно XVII—XIX веков. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1946, № 3.

⁸ Будагов Р.А. Система и антисистема в науке о языке. — ВЯ, 1978, № 4, с. 6.

мым. При этом речь может идти лишь о системе ФС определенного языка⁹, ибо при всей универсальности ФС как лингвистического явления попытки построения какой-то единой, наднациональной, глобальной системы ФС, видимо, не целесообразны, если вообще не лишены смысла¹⁰.

Отдельные ФС английского языка не раз оказывались предметом внимания исследователей, неоднократно описывались отдельные ФС английского языка и их совокупность. Как известно, существует немало классификаций ФС, взаимопересекающихся, частично покрывающих друг друга, но все-таки различных, отличающихся одна от другой либо самим подходом (лингвистический — экстралингвистический), либо сферой приложения функциональной дифференциации (письменная — устная речь), либо чаще — их номенклатурой. Оставляя сейчас в стороне вопрос о правомерности того или иного ФС, отметим лишь, что различия (иногда значительные) при описании одного и того же объекта объясняются, конечно, не произволом авторов отдельных классификаций, а, видимо, их различными исходными позициями, различным углом зрения, различным уровнем наблюдений. Все это, конечно, не означает, что объект не может быть адекватно познан и описан. Напротив, многообразие взглядов и теоретических построений, основанных на компетентных наблюдениях, а тем более подтвержденных надежными статистическими данными, способствует наиболее углубленному и разностороннему уяснению сущности объекта, а также движению научной мысли. Все это в полной мере относится и к теории ФС.

Накопленный уже значительный исследовательский материал и опыт его осмысления, а также имеющиеся многообразные схемы построения системы ФС английского языка позволяют сделать некоторые обобщения и уточнения:

1. Под ФС следует понимать не вообще всякую разновидность функционирования языка (нефункционирующих разновидностей в живом языке не существует), а разновидности языка, вызванные к жизни функцией языкового общения, т.е. некоторой обобщенной, типизированной целью коммуникации, ограниченной определенной, достаточно четко очерченной сферой деятельности, которая и лежит в основе их дифференциации. Существуют разновидности, в основе дифференциации которых лежат, например, локальные, профессиональные, ситуативные факторы, различия в социальном статусе, возрасте, поле и т.п.¹¹ Такие разновид-

⁹ Это не исключает возможности совпадения номенклатуры ФС в разных языках, поскольку аналогичные социальные нужды общения порождают и в принципе аналогичные формы языковой вариативности. Не исключает это и влияния одного языка на формирование стилей (например, научного) другого. Ср.: Ярцева В.Н. Межъязыковые контакты и стилистическая система языка. — В кн.: Проблемы общего и германского языкознания. М., 1978, с. 23.

¹⁰ Ср. также: Кумахова З.Ю., Кумахов М.А. К проблеме классификации функциональных стилей в языках различных типов. — ВЯ, 1978, № 1, с. 3.

¹¹ Известно, что такой расширительный подход к идентификации и классификации форм языковой вариативности составляет сущность широко распространенного в англо-американской лингвистической литературе термина register, который, кстати, в транслитерированном виде (регистр) стал нередко — и неправомерно — употребляться как синоним ФС. С другой стороны, термин functional

ности функционирования языка не могут быть признаны функциональными стилями, так как в основе их дифференциации лежит не функция, а иные факторы.

2. Универсальный характер ФС как лингвистического явления, по крайней мере для развитых литературных языков, по-видимому, не вызывает сомнений. При этом, однако, функционально-стилевая система каждого языка носит определенно выраженный национальный характер, и перенесение конкретных признаков одной национальной системы на другую далеко не всегда уместно и безопасно.

3. ФС может быть представлен как модель отбора и объединения языковых средств, воплощенная в системе различительных признаков (параметров), при этом сама модель, естественно, характеризуется достаточной степенью абстракции.

4. Представляется оправданным и целесообразным, вслед за И.Р. Гальпериным¹², четко противопоставить устный и письменный типы (варианты) языка как ситуативно обусловленные разновидности языка, зависящие от условий общения. На современной стадии исследовательской работы, видимо, следует признать, что дифференциация функциональных стилей бесспорно имеет место в письменном варианте языка. То, что нередко называют разговорным функциональным стилем, по существу совпадает в своих границах с устным вариантом языка и оказывается в оппозиции не к отдельным ФС, а ко всему письменному варианту. Впрочем, вопрос этот, судя по всему, продолжает оставаться спорным. Спорными считают и некоторые другие вопросы классификации ФС английского языка, например вопрос о стилистическом статусе языка английской газеты¹³.

Исходя в основном из классификации ФС английского языка, предложенной И.Р. Гальпериным¹⁴, и несколько расширив ее и дополнив с учетом некоторых исследований советских и зарубежных авторов, будем считать, что система ФС английского языка включает следующие стили: официально-документальный, научный, профессионально-технический, газетный, публицистический, стиль художественной литературы, религиозный.

Выделение профессионально-технического стиля как самостоятельной функционально-стилистической разновидности английского языка целесообразно и оправданно, так как разнообразные профессионально-технические материалы, в том числе и военные, обычно включаемые в стиль официально-деловых документов, достаточно четко ему противопостав-

---

style (в общем малоупотребительный в английской и американской лингвистике) используется, например, Хендриком, наполняясь однако, по существу тем же содержанием, что и register (ср.: *Hendricks W.O. Grammars of style and styles of grammar. Amsterdam - New York - Oxford, 1976*).

¹² См.: *Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М., 1958, с. 27; Он же. К проблеме дифференциации стилей речи. - В кн.: Проблемы современной филологии. М., 1965; Galperin I.R. Stylistics. М., 1977.*

¹³ См. об этом: *Наер В.Л. Конспект лекций по стилистике английского языка (Спецкурс "Язык английской газеты как функциональный стиль")*. М., 1976.

¹⁴ *Galperin I.R. Stylistics.*

лены по ряду существенных лингвистических параметров, прежде всего — синтаксических¹⁵. Не могут они быть отнесены и к научному стилю. Обманчивая близость профессионально-технического стиля к двум другим связана прежде всего с обилием специальной лексики (термины, номенклатура) во всех трех стилях. Профессионально-технический стиль характеризуется и своей особой целевой установкой (функцией): сообщить конкретные и предельно четкие сведения об определенных устройствах, функциональных системах, различного рода технических (в самом широком смысле этого слова) операциях, о характере, направленности и последовательности действий, которые должны быть предприняты и т.п., научить, проинструктировать.

Религиозный стиль английского языка также, видимо, обладает всеми характеристиками ФС: это особая разновидность английского литературного языка, используемая в специфической сфере общения, имеющая четкую целевую (функциональную) направленность внедрения или проявления религиозного сознания посредством интенсивного эмоционального воздействия или волеизъявления и характеризующаяся определенной системой языковых средств. По всей вероятности, для современного состояния английского языка и соответствующего общества эта стилистическая разновидность далеко еще не стала реликтовой, ибо религиозная пропаганда, несмотря на бурное развитие средств светской буржуазной пропаганды, на распространение просвещения, научных знаний и прогрессивных идей, видимо, не намерена еще сдавать свои позиции¹⁶.

Все эти ФС, будучи формами вариативности литературного английского языка, сами по себе являются инвариантными подсистемами, в свою очередь допускающими дальнейшую стилистическую дифференциацию на уровне подстилей ("жанров"); поэтому крайне существенно и необходимо избегать смешения этих по сути неравнозначных языковых явлений, находящихся в родо-видовых отношениях. Следует при этом иметь в виду, что если сами ФС вычленяются на основе различий в функции, то в основе дифференциации подстилей и жанров, при сохранении общей функции — это их объединяет, — лежат разнообразие факторы, такие, как более узкая сфера деятельности, особая форма такой деятельности или традиционные способы ее оформления, частные (подчиненные общей функции) коммуникативно-целевые различия и др.

Представляется возможным (не претендуя ни на оригинальность, ни на исчерпывающий характер классификации) предложить следующую систему внутрителивой дифференциации: о ф и ц и а л ь н о - д о к у м е н т а л ь н ы й стиль — язык законов, судебно-правовых и других юридических документов, дипломатических документов, договоров, соглашений, нот, коммерческой и другой деловой переписки, официальных постановлений и распоряжений, отчетов и сообщений, заявлений и деклара-

¹⁵ См., например: *Вольская И.С.* Дифференциальные признаки официально-делового стиля на синтаксическом уровне. Автореф. канд. дис. М., 1966.

¹⁶ О религиозном стиле английского языка (языке религии) см., например: *Crystal D., Davy D.* Investigating English style. London, 1969 (chap. 6); *Robinson I.* The survival of English. Essays in criticism of language. Cambridge, Cambridge University Press, 1973 (chap. 2).

ций; н а у ч н ы й с т и л ь — язык монографий и диссертаций, научных статей (этот жанр научной литературы, в свою очередь, характеризуется стилистической неоднородностью), научных докладов, рефератов, рецензий, лекций, учебников, научно-популярной литературы и популярных докладов и лекций по научным проблемам. Внутрителиевые различия наблюдаются здесь также и в плане разграничения естественных и гуманитарных наук, однако источником этих различий является скорее содержание, нежели форма функционирования¹⁷; п р о ф е с с и о н а л ь н о т е х н и ч е с к и й с т и л ь — язык технических и других инструкций и указаний, технических спецификаций и прочей технической документации, военных уставов, наставлений, приказов; г а з е т н ы й с т и л ь — язык краткой газетной информации, информационных статей, отчетов (парламентских и иных), газетных объявлений и рекламы, передовых статей и других газетных комментариев, тематических статей (features); п у б л и ц и с т и ч е с к и й с т и л ь — язык журнальной публицистики — статей, репортажей, фельетонов, памфлетов, язык социально-политических эссе, публичных выступлений; с т и л ь х у д о ж е с т в е н н о й л и т е р а т у р ы — язык поэзии, художественной прозы, драмы (общезвестно, что эти три подстиля характеризуются жанровым многообразием); р е л и г и о з н ы й с т и л ь — язык библии, молитвенника, религиозных проповедей.

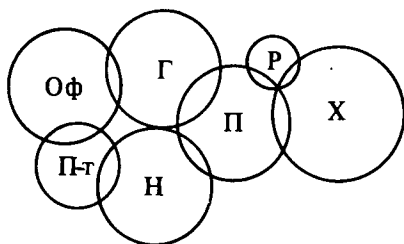
Надо полагасть, этим не исчерпывается жанрово-стилевое разнообразие форм функционирования литературного английского языка, ибо все углубляющаяся специализация человеческой деятельности неизбежно влечет за собой дальнейшую дифференциацию форм языкового общения. С другой стороны, однако, наряду с очевидной тенденцией к дифференциации наблюдается противоположная тенденция — к интеграции; подобное явление уже отмечалось исследователями русского языка¹⁸.

Процессы стилевой дифференциации и интеграции сосуществуют в некоем диалектическом единстве, и развитие стилевой системы современного английского языка (как, видимо, и многих других) протекает как бы в форме борьбы противоположностей. Если, например, в XVI—XVII вв. имело место ярко выраженное функционально-стилистическое расслоение английского языка (складывались, например, ФС науки и газеты), то теперь наряду со все более углубляющейся дифференциацией наблюдается сближение стилей, происходит интеграция второго порядка. Этим, надо думать, объясняется в какой-то мере и то обстоятельство, что границы между стилями оказываются размытыми, что некоторые подчиненные жанрово-стилевые образования тяготеют и к одному и к другому стилю и вследствие этого в разных классификациях оказываются принадлежностью разных стилей. Все дело в том, что между ФС нет жестких, непреходимых границ, что они тесно соприкасаются друг с другом, как бы вклиниваются друг в друга, частично друг друга

¹⁷ Подробно о дифференциации научного стиля английского языка см.: *Разинкина Н.М.* Развитие языка английской научной литературы (лингвостилистическое исследование). М., "Наука", 1978.

¹⁸ См.: *Винокур Т.Г.* Указ. соч., с. 8; *Лангева О.А.* Указ. соч., с. 18.

покрывают. И эти отношения между стилями находятся в движении, они не даны раз и навсегда, так как стилевая система английского (как, по всей видимости, и всякого другого) литературного языка, хотя и представляет собой довольно устойчивое образование, не является жесткой, окостенелой, она живет, находясь в состоянии подвижного равновесия. Поэтому не следует представлять ФС английского языка как обособленные сущности; даже в схематическом изображении их взаимосвязь и взаимопроникновение должны быть четко очерчены, к примеру, как показано на схеме.

Оф – официально-документальный, Н – научный, П-т – профессионально-технический, Г – газетный, П – публицистический, Х – стиль художественной литературы, Р – религиозный.

Но тенденция к интеграции этим, конечно, не исчерпывается. Дело, видимо, не только в заметном соприкосновении и даже взаимопроникновении стилей, в том, что они как бы накладываются друг на друга. Дело в наметившемся движении к огрублению всей стилевой системы. Вырисовываются три обширные сферы, в рамках которых развиваются и функционируют группы стилей. Это – сфера профессионально-деловой коммуникации, сфера массовой коммуникации и сфера художественной коммуникации. Эти глобальные сферы стилистической системы языка можно было бы назвать мегастильями, противопоставив их макростильям (ФС) и микростильям (подстили, жанры), а всю стилевую систему английского литературного языка представить (с неизбежной схематичностью) в виде таблицы (см. с. 12).

Конечно, как и всякая схема, эта схема условна; она лишь намечает три кардинальных направления в развитии и современном состоянии стилевой системы английского языка и иллюстрирует указанные интеграционные тенденции. Три мегастилья, впитавшие в себя группы макростилей, естественно объединяющихся на основе некоторых общих признаков (а речь здесь идет не столько о дифференциации мегастилей, сколько именно об интеграции макростилей в мегастиле), не изолируются, однако, друг от друга; как видно из схемы, имеются тесные связи между макростильями различной мегастилевой принадлежности (ср. официально-документальный стиль ↔ газетный стиль; научный стиль ↔ публицистический стиль и др.). Вместе с тем каждый из мегастилей характеризуется некоторыми, только ему присущими признаками. Так,

Мегастиль	Макростиль	Микростиль
I. Профессионально-деловая коммуникация	1. Официально-документальный 2. Профессионально-технический 3. Научный	Формы внутрителиевой дифференциации каждого из ФС (см. с. 9–10)
II. Массовая коммуникация	4. Газетный 5. Публицистический 6. Религиозный*	
III. Художественная коммуникация	7. Стиль художественной литературы	

* Религиозный стиль, конечно, занимает особое место: тематически он совершенно обособлен, сфера его приложения суживается (в то время как сфера действия всех прочих разновидностей массовой коммуникации — письменной и устной — все расширяется), его социальная значимость в современном обществе быстро убывает, а влияние на судьбы развития английского языка давно себя исчерпало. Однако он близок другим разновидностям данного мегастиля своей принципиальной обращенностью к массовому читателю и особенно слушателю, своей целевой установкой массивированного, преимущественно эмоционального воздействия и использованием соответствующих языковых средств.

профессионально-деловая коммуникация рассчитана на рациональную, интеллектуальную форму воздействия, она предполагает сообщение фактов и четко сформулированных идей и характеризуется фактуальной точностью; эта мегастилевая разновидность функционирует в сравнительно ограниченной сфере и, как правило, адресована, в сущности, ограниченному кругу лиц. Массовая коммуникация, по самому определению, рассчитана на чрезвычайно широкую, массовую аудиторию; она имеет дело с сообщением фактов и идей, не столько точных (или точно сформулированных), сколько ярких, впечатляющих, и главная ее цель — идеологическое воздействие на общественное, а в конечном счете и на каждое индивидуальное мнение — достигается посредством обращения не только к разуму, но и к чувствам адресата и лишь через них к рассудку, а нередко рассудочное начало и вовсе подавляется эмоциональным. Художественная коммуникация имеет дело с обобщенно-художественными фактами, ей присуща художественная точность, ее характеризует эмоционально-эстетическая форма воздействия, а адресована она каждому индивидуальному читателю в отдельности и предполагает его личное сопереживание и сопричастность.

Все три мегастиля в принципе сосуществуют на равных правах, хотя массовая коммуникация в современном обществе, особенно поскольку это касается рядового носителя языка, по-видимому, подавляет все прочие формы¹⁹. Что же касается макростилей (ФС), то, как представляется, здесь можно выделить три ФС, роль которых в современном развитии английского языка оказывается наиболее существенной и определяющей, — это стиль художественной литературы, научный стиль

¹⁹ Здесь не рассматривались устные формы массовой коммуникации, роль которых в современном мире чрезвычайно велика как с социальной точки зрения, так и в плане их влияния на развитие языка.

(такowymi их уже давно считают) и стиль газеты. Особо следует отметить последний. Подобно тому как массовая коммуникация захлестывает другие сферы, так и являющийся ее важнейшей разновидностью газетный стиль оказывает огромное и непреодолимое (хотя и не всегда желательное) влияние на ряд других стилей. Общеизвестна тесная связь газетного и публицистического стилей (нередко их объединяют воедино); есть разные мнения относительно примата того или другого, но в настоящее время, когда старые, классические формы публицистики испытывают всевозрастающее давление ежедневной прессы, влияние газетного стиля представляется очевидным. Даже религиозный стиль английского языка не избежал, по-видимому, такого влияния: по словам Изна Робинсона²⁰, язык Новой английской библии (The New English Bible), опубликованной в 1961 г., пожалуй, в большей степени газетный, чем язык передовых статей газеты "Гардиан"; и даже если здесь и есть некоторое преувеличение, сама по себе мысль о проникновении газетного стиля в язык религии весьма симптоматична.

Но влияние языка английской газеты на другие стили сказывается и за пределами сферы массовой коммуникации. Его испытывают, например, некоторые разновидности официально-документального стиля (дипломатические документы — договоры и соглашения, особенно их преамбулы; декларации, официальные заявления), научного стиля (в сфере общественных наук, особенно связанных с общественно-политической тематикой) и др. Имеет место взаимовлияние и других ФС как внутри, так и за пределами одного мегастиля, что, в частности, сказывается на отнесении микростилей к тому или иному ФС. Дифференциация микростилей наименее четка, и их система внутри каждого ФС даже на синхронном срезе (или по крайней мере на обозримом отрезке времени), видимо, не является закрытой и вполне устойчивой.

Система же ФС английского языка на современном этапе развития представляет собой достаточно четко очерченную картину: это совокупность функционально обусловленных форм языковой вариативности, устойчивых в своем ядре и вместе с тем подвижных на периферии, имеющих достаточно определенные очертания и в то же время лишенных жестких границ, — живых форм функционирования языка, тщательное изучение и описание которых является важнейшей задачей лингвостилистики.

Е.С. ТРОЯНСКАЯ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕКСИКИ СТИЛЯ НЕМЕЦКОЙ НАУЧНОЙ РЕЧИ

Лексика является, как известно, самой подвижной и изменчивой частью языка, чутко реагирующей на любые изменения, происходящие в обществе. Естественно поэтому, что и для функциональных стилей, отражающих различные исторически сложившиеся общественные потребности, прежде всего характерны особые способы отбора слов.

²⁰ *Robinson I. Op. cit., p. 22.*

В настоящей статье делается попытка дать характеристику лексики стиля научной речи в двух аспектах: в функционально-стилистическом и в качественном, в том числе в экспрессивно-стилистическом аспекте. Будет сделана также попытка объяснить замеченные закономерности с позиции действия различных экстралингвистических факторов. Решение поставленных задач в значительной мере облегчается наличием двух фундаментальных работ, касающихся лексики функциональных стилей, а именно работы С.Д. Береснева¹, описывающей лексику стиля научной речи, и работ В.Д. Девкина² по разговорной лексике. Последние дали возможность провести сравнение и тем самым помогли глубже проникнуть в суть проблемы.

Настоящее исследование базируется на анализе частотного словаря научной лексики с общим объемом выборки, равным $\approx 400\ 000$ словоупотреблений (по 12 000 словоупотреблений из 34 научных дисциплин негуманитарного профиля: автоматика, астрономия, биология, биохимия, ботаника, высшая нервная деятельность, гельминтология, генетика, география, геология, горное дело, кибернетика, лесоведение, математика, машиноведение, металлургия, механика, микробиология, неорганическая химия, общая физика, океанология, органическая химия, почвоведение, сельское хозяйство, теория информации, транспорт, физиология, физиология растений, физическая химия, цитология, электроника, электрохимия, энергетика, ядерная физика)³. В 400 000 словоупотреблений не входили узкие термины каждой из 34 научных дисциплин. В общем это составило около 1000 страниц текста по 2500 печатных знаков.

Объем выборки в работе С.Д. Береснева⁴ составлял 668 000 словоупотреблений по 4 научным дисциплинам (зоотехника — 152, ветеринария — 151, медицина — 178, математика — 187·тыс. словоупотреблений). Если учесть, что у Береснева расписывались и узкие термины, то объем выборки в обоих исследованиях отличается незначительно. Несмотря на некоторую разницу в объеме выборки, а главное — в количестве привлеченных для анализа научных дисциплин, результаты нашего анализа и анализа, проведенного Бересневым, в основных чертах совпадают, что подтверждает высказанную Бересневым мысль, что частотный словарь как один из видов моделей (несмотря на его схематичность и неспособность отразить одновременно все стороны "бытия текста") все же объективно отражает самое существенное, что характеризует лексический

¹ Береснев С.Д. Исследование лексики немецких научных текстов с позиции полужанра научной речи. Докт. дис. Свердловск, 1973.

² Девкин В.Д. Немецкая разговорная лексика. М., 1973; *Он же*. Проблемы немецкой разговорной речи (лексика и синтаксис). Докт. дис. М., 1974.

³ Указанная работа готовится к печати коллективом авторов — преподавателей секций немецкого языка кафедр иностранных языков системы АН СССР (руководитель — Р.Г. Синев). Поскольку автор данной статьи принимал участие в составлении картотеки слов по двум научным дисциплинам, то ему была предоставлена возможность использовать материал до его опубликования в печати.

⁴ Береснев С.Д. Указ. соч., с. 7.

уровень языка, применяемого в данной сфере общения, обладая достаточно большой объяснительной способностью⁵.

Материал, имеющийся в нашем распоряжении, позволяет уточнить и далее разработать стилистическую стратификацию лексики научной литературы и, как представляется, ближе подойти к объяснению причин наблюдаемых явлений.

Функционально-стилистика характеристика лексики научного стиля

В настоящее время очевидным является уже тот факт, что основу любого стиля составляет межстилевой (или внестилиевой) лексический фонд. Так, В.Д. Девкин указывает: «Вся "разговорность" существует только с опорой на нейтральное. Как всякое "оформительское" явление она не самодовлеюща, а подчиненна, до известной степени факультативна. Это постоянное равнение на нейтральное и даже зависимость от него чувствуется во всем — большом и малом»⁶. С.Д. Береснев, давая свою стратификацию, прежде всего указывает на лексику, "применяемую во всех функциональных стилях и вообще во всех сферах общения. Она нейтральна как в отношении стиля, так и в отношении автора, или, что то же, у нее нет какой-либо функциональной стилевой окраски. Этот слой можно назвать межстилевым лексическим фондом"⁷.

Наш анализ также подтвердил, что основу лексики стиля научной речи составляет в н е с т и л е в о й (м е ж с т и л е в о й) л е к с и ч е с к и й ф о н д (60–70% всей лексики). Второй большой пласт стиля научной речи составляют, естественно, т е р м и н ы (20–30%), небольшой прослойкой присутствует "к н и ж н а я" лексика. Существует и еще одна лексическая прослойка, находящаяся на грани между терминами и внестилиевым лексическим фондом, которую мы условно назвали "п о л у т е р м и н а м и". В проанализированном материале полностью отсутствовала лексика, относящаяся к разговорному стилю (с пометами в общих словарях "разговорное", "бранное", "грубое", "диалектизм", "ироническое", "ласкательное", "неодобрительное", "презрительное", "пренебрежительное"). Остановимся теперь на каждом из выделенных нами слоев более подробно.

Термины и "полутермины"

Общеизвестно, что достаточно большой слой лексики научного стиля составляют термины (частотный словарь, на котором базируется наше исследование, их не фиксировал). Известно также, что единого общепринятого определения термина не существует⁸. Мы склонны в этом

⁵ Береснев С.Д. Указ. соч., с. 146.

⁶ Девкин В.Д. Немечкая разговорная лексика, с. 26.

⁷ См.: Береснев С.Д. Указ. соч., с. 357–358. Л. Гофман подразделяет всю лексику научного стиля на три слоя: общий, общенаучный и терминологический (*Hoffmann L. Kommunikationsmittel Fachsprache. Eine Einführung. Berlin, 1976, S. 295.*)

⁸ Как правильно указывает Л. Гофман, мы стоим сейчас перед парадоксальным фактом: бесконечное число функционирующих в науке терминов имеет дефиниции, а само понятие термина этой дефиниции не имеет (*Hoffmann L. Op. cit.,*

вопросе присоединиться к мнению В.Д. Девкина, который указывает, что различий в способе номинации между термином и нетермином, лишенным коннотаций, не существует. Разница в обиходной и научной терминологии состоит в том, что для бытовой терминологии (в основной ее части) нет прикрепленности к определенной группе лиц; что же касается научной и производственной терминологии, то она не только "предметна", т.е. не только ограничена своим особым кругом понятий, но, что самое главное, обязательно связана с некоторым кругом специалистов в данной области⁹. Следует, однако, добавить, что большинство терминов в отличие от нетерминов создается искусственно и часто имеет дефиниции¹⁰. Важно также отметить, что термины – это элементы определенной теории и поэтому, чтобы понять термин, нужно понимать всю теорию и знать место, которое занимает в этой теории соответствующий термин¹¹.

Далеко не всегда представляется возможным также и точно определить, является ли слово термином и нетермином. Тем более, что при общей "интеллектуализации" обиходной речи, типичной для настоящего времени, характерным является переход многих терминов из узкоспециальных в общеизвестные, естественно с некоторым обеднением содержания, упрощением смысла. Интересно, что даже слова Atom, Molekül и т.д. словари не фиксируют как термины, не говоря уже о таких словах, как Gas, Flüssigkeit и т.д. Степень терминологизации многих из этих слов также значительно колеблется в зависимости от науки (ср., например, слово Wasser (1092–30)¹² как термин в химии, в океанологии, геологии или биологии, слово Sonne (162–15) – в астрономии и в других науках и т.д.). Поэтому следует, по-видимому, кроме слоя узкоспециальных терминов выделить еще слой "полутерминов", т.е. слов, которые с разной степенью терминологизации функционируют в целом ряде

S. 305). Каждый исследователь вынужден давать свое определение термину. См., например, работы: *Терпигорев А.М.* Об упорядочении технической терминологии. – ВЯ, 1953, № 1, с. 72; *Ульянов В.И.* Немецкая авиационная терминология. Канд. дис. М., 1956, с. 7–8; *Лютге Д.С.* Основы построения научно-технической терминологии. М., 1961; *Реформатский А.А.* Что такое термин и терминология? – В кн.: Вопросы терминологии. М., 1961; *Динабург И.Ф.* Принципы отбора терминологического минимума для неязыкового вуза (на материале немецкого языка). Автореф. канд. дис. Л., 1964; *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966, с. 474; *Даниленко В.П.* Лексико-грамматические и грамматические особенности слов-терминов. – В кн.: Исследования по русской терминологии. М., 1971. Различные дефиниции термина мы находим и в кн.: Научный симпозиум. Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики, ч. 1, 2. М., Изд-во МГУ, 1971 (см. работы В.Г. Гака, А.И. Моисеева, В.М. Лейчика и др.).

⁹ Девкин В.Д. Немецкая разговорная лексика, с. 78–79.

¹⁰ См., например: *Ахманова Г.И.* К вопросу о дефинитивном слове и дефинитивности словосочетания. Автореф. канд. дис. М., 1971, с. 1.

¹¹ См., в частности: *Hoffmann L.* Op. cit., S. 303; *Мульченко З.М.* Сленговый характер языка науки. – В кн.: Научный симпозиум. Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики, ч. 2, с. 283.

¹² Здесь и далее первая цифра в скобках обозначает абсолютную частотность слова, а вторая – количество наук, в которых встретилось данное слово.

наук и даже в других стилях речи¹³. Этот слой является промежуточным слоем между собственно терминами и внестилиевым лексическим фондом.

Слова-полутермины также можно разделить на две группы:

1. Слова, употребляющиеся в других стилях речи в нетерминологическом значении и встречающиеся в о в с е х н а у к а х (в том числе и гуманитарного профиля) в обязательном (прямом или переносном) или терминологическом значении (с разной степенью терминологизации), например: *Bewegung* (426–28), *Druck* (406–27), *Masse* (345–27), *Leben* (320–26), *Spannung* (275–18), *Feld* (254–26), *Natur* (208–27), *Gleichgewicht* (171–19), *Widerstand* (124–14) и др.

2. Слова, употребляющиеся в других стилях речи в нетерминологическом значении или в терминологическом значении (но со значительной долей упрощения) и встречающиеся в ряде наук с разной степенью терминологизации. Сюда можно отнести, например, такие слова, как: *Gas* (366–20), *Sauerstoff* (190–14), *Wasserstoff* (188–15), *Kohlenstoff* (153–9), *Stickstoff* (84–9), *Luft* (386–27), *Flüssigkeit* (186–22), *Wasser* (1092–30), *Körper* (507–25), *Atom* (351–11), *Molekül* (124–10), *Strom* (551–20), *Licht* (517–27), *Energie* (361–22), *Oberfläche* (254–24), *Metall* (315–12), *Salz* (240–19), *Meer* (147–14), а также *Organismus* (112–16), *Mensch* (239–20), *Tier* (375–19), *Pflanze* (632–16), *Temperatur* (398–27) и др.

Слой терминов и полутерминов связан в стиле научной речи с обозначением объекта исследования, объектов окружающей среды, инструментов исследования, т.е. типичных для научных исследований предметов (одушевленных и неодушевленных), веществ, явлений, процессов, состояний и отношений между ними.

Следует, однако, отметить, что ни термины, ни тем более полутермины не являются маркированными средствами стиля научной речи, как это имеет место в случае разговорной лексики. Присутствие даже большого количества терминов при наличии нескольких слов разговорной лексики способно сразу же снизить стиль: перевести научную речь в разговорную.

"Книжная" лексика

В словарях можно также найти помету "канц." (канцелярский язык) и "поэт." (поэтический язык); соответственно в немецких словарях: *poet* (*poetisch*) или *dicht* (*dichterisch*), *kanzleispr* (*kanzleisprachlich*). Это – основа для выделения так называемой книжной лексики.

В практике стилистических исследований часто оперируют термином "книжный стиль", противопоставляя его литературно-разговорному

¹³ Для этого слоя терминов в лингвистической литературе существуют различные названия: "периферийные" термины (В. Эберт), "полунаучные" термины (Л. Дрозд), "общенаучные" термины (В.В. Левитский). См.: *Ebert W. Linguistische Fragen des Fachwortschatzes. – Sprachpflege, 1970, N. 11, S. 228; Drozdz L. Die Fachsprache als Gegenstand des Fremdsprachenunterrichts. – Deutsch als Fremdsprache, 1966, H. 2, 3. Jg.; Левитский В.В. Лингвостилистическое описание лексики научной речи (на материале учебников мединститута). Автореф. канд. дис. Харьков, 1971, с. 10.*

стилю. Термин "книжный" означает при этом "обычно не употребляющийся в разговорной речи"¹⁴. Мы также понимаем под "книжной" лексикой лексику, употребляющуюся только в официальных стилях речи и не употребляющуюся в разговорной речи.

В отличие от терминологических слов "книжная" лексика, так же как и разговорная, обладает "колоризирующим" действием, т.е. ее присутствие даже "в малых дозах" способно придавать речи оттенок официальности, точно так же как, по наблюдениям В.Д. Девкина, это происходит при использовании "разговорного"¹⁵, которое всегда свидетельствует о принадлежности к неофициальной сфере. Способностью далее дифференцировать стили "книжная" лексика, естественно, не обладает.

Как показало наше исследование, к "книжной" лексике помимо канцеляризмов и поэтических слов относится еще, правда не очень значительный, пласт лексики, которая употребляется преимущественно в официальной речи, но в словарях никакими пометами не снабжена. В стиле научной речи именно эта лексика составляет основу "книжной". Кроме того, в нем представлена лексика, которая в словарях имеет помету "канцелярское выражение", и, естественно, полностью отсутствует лексика с пометой "поэтическое" (последняя употребляется в основном в художественной литературе). Эта "книжная" лексика, за исключением предлогов и некоторых других типов слов, встречается в научной литературе с невысокой частотностью. Она подразделяется на две основные группы:

1. **И н т е р н а ц и о н а л ь н ы е** слова, обозначающие понятия общенаучного обихода; это в основном слова с латинскими корнями и аффиксами, заимствованными через разные языки. Среди них можно выделить:

а) **с у щ е с т в и т е л ь н ы е**: Argument (5-4), Aspekt (22-11), Assoziation (1-1), Alternative (7-7), Analogie (20-10), Annalen (3-1), Domäne (1-1), Fragment (8-3), Hypothese (30-9), Identifikation (3-3), Interpolation (3-3), Kommentar (1-1), Konsequenz (11-6), Konzept (11-7), Kriterium (15-5), Manuskript (5-3), Modifikation (16-7), Objekt (93-16), Phänomen (15-8), Polemik (1-1) и др.;

б) **г л а г о л ы** с с у ф. *-ier*: basieren (18-10), dokumentieren (4-4), dominieren (6-4), eliminieren (4-3), formulieren (23-12), identifizieren (12-7), imponieren (3-3), individualisieren (2-1), interpolieren (1-1), interpretieren (8-6), kommentieren (8-6), limitieren (2-2), markieren (36-10), modifizieren (6-5), präzisieren (2-2) и др.;

в) **п р и л а г а т е л ь н ы е**: irreversibel (4-3), irregulär (5-1), kausal (12-6), lokal (23-9), transportabel (8-2), trivial (3-1) и др., а также недавно вошедшие в употребление прилагательные implizit (1-1), explizit, relevant (последние не были представлены в нашей выборке) и др.

¹⁴ См., например: *Рахманов И.В.* Стилистическая характеристика немецкой лексики. — ИЯШ, 1959, № 2.

¹⁵ *Девкин В.Д.* Специфика "разговорности". — Сб. трудов Москов. гос. пед. ин-та им. В.И. Ленина. Вопросы немецкой разговорной речи, 1974, с. 3.

Сюда же можно, по-видимому, отнести и латинские слова и словосочетания, встречающиеся в научной литературе (некоторые из них — чаще в виде сокращений): *ad hoc, et alii, et cetera, ibidem, in praxi, in situ, inter alia, in toto, in vitro, in vivo, item, nota bene* и т.д.

2. Большую группу слов составляют слова исконно немецкие. Среди них особо следует отметить группу предлогов (это главным образом так называемые новые предлоги) и союзов, некоторые из них встречаются с высокой частотностью, например:

а) предлоги: *angesichts* (11-6), *anlässlich* (12-6), *in Anlehnung an* (8-6), *im Anschluß an* (18-9), *auf Grund, aufgrund* (114-27), *ausgenommen* (5-4), *unter Beachtung* (7-3), *unter Berücksichtigung* (45-20), *in bezug auf* (65-24), *bezüglich* (66-19), *in/binnen* (10-4), *gemäß* (51-17), *halber* (9-5), *an Hand, an hand* (53-18), *mit Hilfe* (50-11), *im Hinblick auf* (27-14), *in Hinsicht auf* (18-10), *hinsichtlich* (83-27), *aus... Grunde* (52-17), *infolge* (144-30), *auf Kosten* (10-5), *mittels* (94-27), *an Stelle, anstelle* (80-23) и др.:

б) союзы и союзные слова: *andererseits* (112-31), *beziehungsweise* (604-34), *einerseits* (57-24), *einesteils* (1-1), *einmal... zum anderen* (26-16), *erstens* (13-5), *ferner* (124-26), *insofern* (23-11), *insofern als* (15-9), *insofern weil* (1-1), *sowie* (459-33), *zumal* (28-16) и др.

Кроме того, достаточно большую группу составляют устойчивые словосочетания. Это, во-первых, устойчивые словосочетания с глаголами *kommen, gelangen, treffen, stehen, bringen, nehmen, ziehen, schaffen, leisten, setzen* и др. Эти сочетания употребляются в качестве синонима одного глагола, относящегося к нейтральной лексике (например, *in Verbindung setzen, in Verbindung bringen = verbinden; Aussagen treffen = aussagen* и т.д.): *in Verbindung setzen* (11-7), *in Verbindung bringen* (1-1), *in Verbindung stehen* (11-5), *zur Verbindung treten (zusammentreten)* (6-4), *zur Anwendung kommen, gelangen* (7-3), *zum Einsatz gelangen* (2-1), *zum Einsatz kommen* (1-1), *in Betracht kommen* (37-14), *in Betracht ziehen* (14-8), *zur Deckung kommen* (2-2), *in Bezug stehen* (7-7), *in Abzug bringen* (7-3), *Aussagen treffen* (1-1), *Einschränkung treffen* (1-1), *in Nutzung nehmen* (1-1), *Verlauf nehmen* (1-1) и т.д.

Во-вторых, сюда относятся очень продуктивная группа устойчивых словосочетаний с глаголом *sein* типа: *von Bedeutung sein* (113-28), *von Interesse sein* (24-16), *von Dauer sein* (4-4), *von Einfluß sein* (1-1), *von Wichtigkeit sein* (19-8), *von Nachteil sein* (3-3), *von Vorteil sein* (7-3) и др.

Кроме того, встречаются и устойчивые сочетания разного типа: *im allgemeinen* (121-22), *im einzelnen* (16-9), *in erster Linie* (55-23), *in der Lage sein* (23-12), *imstande sein* (8-4), *meines Erachtens* (3-3), *unseres Wissens* (3-3), *genau genommen* (1-1), *streng genommen* (1-1), *im Grunde genommen* (6-5) и др.

Большой пласт "книжной" лексики связан с потребностями письменного изложения, что вызвало к жизни употребление слов, специализи-

рующихся на установлении связи с предыдущим и последующим контекстом, таких, как: *vorgenannt* (10–4), *obengenannt* (5–3), *obenerwähnt* (2–2), *vorstehend* (14–9), *letztgenannt* (9–5), *im folgenden* (79–21), *betreffend* (57–23), *einschlägig* (14–10), *diesbezüglich* (16–8), *letzter* (27–12) и др., а также указательных местоимений *dieser*, *jener*, *solcher*, *derselbe*, *derjenige* в качестве замены существительного, встречающихся в стиле научной речи в этой функции с очень большой частотностью. Обычно в качестве "связующих" употребляются и местоименные наречия, в частности относящиеся к "книжной" лексике: *dementsprechend* (14–10), *demgegenüber* (25–12), *demgemäß* (7–5), *demungeachtet* (2–1), *demzufolge* (29–10), *infolgedessen* (24–12) и др.

С письменным характером изложения связано, как представляется, и употребление сочетаний типа: *und so weiter* (112–20), *und ähnliches* (4–3), *und anderes mehr* (2–2), *und andere* (8–3), *unter anderem* (32–6) и т.д., которые обычно встречаются в виде сокращений.

Естественно, перечислить все слова или даже выделить все группы в пределах одной статьи, к тому же не посвященной специально вопросу "книжной" лексики, не представляется возможным. Хотелось бы отметить только еще наличие большого числа наречий с суф. *-weise*, *-gemäß*, *-maßen*, некоторые из них явно несут "книжный" характер: *beispielsweise* (75–19), *näherungsweise* (23–9), *normalerweise* (23–15), *notwendigerweise* (2–2), *vorzugsweise* (15–2), *naturgemäß* (24–13), *sachgemäß* (3–3), *sinngemäß* (3–3), *folgendermaßen* (31–10).

Внестилевой лексический фонд

Как мы уже указывали выше, основу стиля научной речи, как, впрочем, и любого другого стиля, составляет внестилевой лексический фонд, которым, однако, каждый стиль "распоряжается" по-своему. Для характеристики стилей особое значение приобретает поэтому описание особенностей внестилевого фонда в каждом из стилей и взаимодействия с ним в той или иной мере маркированных средств¹⁶.

Отдельные слова внестилевого лексического фонда стиля научной речи сами по себе не в состоянии дать информацию о принадлежности именно к этому стилю. Эту информацию способна дать, однако, частотная характеристика слов (особенно экстремальные, очень высокие или очень низкие частотные показатели), поскольку в памяти носителя языка хранится, по-видимому, определенная информация о частотности тех или иных единиц в разных функциональных стилях (это предполагает, правда, значительную начитанность в литературе разных стилей и пред-

¹⁶ Ср. высказывание В.Д. Девкина: "Стиль – это прежде всего специфичность применения языка в определенных условиях, которая складывается из наличия особо маркированных средств и их взаимодействия с нейтральными. Что именно отбирается из нейтрального фонда, в каких пропорциях и насколько уместно, это и определяет природу стиля" (*Девкин В.Д.* Немецкая разговорная лексика, с. 31).

ставление о всей системе литературного языка в целом)¹⁷. Трудно себе представить текст, не относящийся к стилю научной речи, в котором можно было бы с такой частотностью встретить слова: Wert (910–34), Art (764–34), Vorgang-Prozeß (698–34), Gebiet (682–34), z.B. (647–30), Abbildung (646–26), Arbeit (640–34), Methode (572–28), System (568–30), Untersuchung (561–34), Form (543–33), Bild (453–32), Versuch (430–34), Zahl (423–33), Buch (279–29) и многие другие¹⁸.

Несколько ббльшую информацию о принадлежности к тому или иному стилю дают лексические группы, на которые подразделяется весь межстилевой лексический фонд (естественно, что все другие слои лексики – разговорная, "книжная", термины и "полутермины" – также распределяются по этим лексическим группам). Причем такую информацию дает не сам набор лексических групп, так как он, по-видимому, одинаков для всех функциональных стилей, а состав этих лексических групп (их количественная и качественная характеристика) в различных функциональных стилях.

В лингвистической литературе нет исчерпывающего списка таких лексических групп, поскольку само вычленение их представляет уже значительные трудности и весьма трудоемко, однако основные лексические группы выделены. Это – "люди", "пространственные отношения", "временные отношения", "количество", "движение", "свойства (цвет, форма, размер, вкус, возраст и т.д.)", "производственная деятельность человека", "умственная деятельность", "явления природы", "чувства и состояния человека", "причина и следствие", "владение, присвоение", "восприятие", "говорение", "возможность, предположение", "тождество и различие", а также "части тела", "механизмы и их части"¹⁹ и т.д.

Естественно, что эту классификацию можно значительно расширить (включив в нее, например, такие группы, как "животные", "оценка", "изменение состояния", "необходимость, потребность", "желание, намерение", "наблюдение", "проверка, контроль", "объяснение", "подразделение" или как "аппелятивные средства", т.е. средства привлечения внимания получателя речи, "связующие средства", т.е. средства связи слов в речи, и т.д.), а также усовершенствовать, создав более стройную иерархическую систему этих групп, т.е. вычленить основные группы и подгруппы (например, "люди" – "части тела", "чувства и состояние человека" и т.д.; "жилище" – "интерьер жилища", "утварь" и т.д.; "книга" – "средства графической наглядности" и т.д.). Однако,

¹⁷ Ср. интересное высказывание В.В. Акуленко: "... хранящиеся в памяти статистические данные, хотя и не в числовой форме, в большой мере позволяют разграничивать стили" (Акуленко В.В. Некоторые проблемы общей стилистики. – Вестн. Харьковского гос. ун-та. Сер. филолог., 1965, вып. 2, с. 9).

¹⁸ В дальнейшем мы проиллюстрируем это большим количеством слов, входящих в лексические группы, которые мы приводим с частотными характеристиками.

¹⁹ Классификация взята в основном из работы: *Перебийнос В.И.* Некоторые особенности функционирования лексических групп в различных стилях. – В кн.: Актуальные проблемы лексикологии. Тезисы докл. лингвист. конф. 5.5–8.5 1967, вып. 1. Новосибирск, 1967.

как мы уже указывали, сам набор этих выделенных (или еще не выделенных, "не обозначенных") групп не релевантен для стиля, поскольку любая группа будет в той или иной мере представлена в каждом стиле (хотя бы в виде родового понятия), и характерным для стиля является именно то, как та или иная лексическая группа в нем представлена.

Сравнение различных лексических групп в двух стилях (научном стиле и стиле художественной литературы) обнаруживает весьма характерные различия, несколько варьирующиеся в зависимости от сравниваемых групп. Покажем это на нескольких примерах. Сравнение группы "люди" в обоих стилях показывает, что в стиле научной речи из всех возможных подгрупп этой лексической группы ("люди, находящиеся в определенных родственных отношениях", "люди, находящиеся на определенных стадиях знакомства", "люди определенной профессии", "люди определенной национальности", "люди определенной социальной, политической, религиозной принадлежности", "люди в оценке других людей (лжец, герой, обманщик)" и т.д.), отражающих различные социальные роли человека в обществе, фактически достаточно полно представлена лишь группа "люди определенной профессии" (если понимать профессию достаточно широко). Ядро этой группы в стиле научной речи образуют практически несколько слов: *Forscher* (89–20), *Mitarbeiter* (60–18), *Professor* (49–12), *Fachmann* (32–10), *Doktor* (30–8), *Wissenschaftler* (24–11). Периферию же создают два слоя. К первому слою относятся родовые понятия типа *Fachkollege* (3–1), *Fachkraft* (3–4), которые могут встретиться в принципе в любой науке, но малочастотны. Второй слой неоднороден: во-первых, это обозначения представителей разных наук, деятелей — *Chemiker* (18–10), *Physiker* (21–7), *Mathematiker* (12–3), *Arzt* (18–6) и др., а во-вторых, слова, обозначающие профессию, употребляемые в той или иной науке в связи с объектом исследования или объектами окружающей среды — *Maler* (1–1), *Komponist* (1–1), *Bildhauer* (1–1), *Schlosser* (1–1) — в высшей нервной деятельности; *Schneider* (1–1), *Offizier* (1–1) — в географии; *General* (2–2) — в географии и транспорте и т.д. (например, исследуются определенные реакции у людей разных профессий (высшая нервная деятельность); приводятся данные о профессиональном составе населения (география) и т.д.).

Остальные группы представлены очень неполно и с очень незначительной частотностью. Например, группа "люди, находящиеся в определенных родственных отношениях" представлена словами: *Vater* (4–2), *Mutter* (14–3), *Sohn* (3–3), *Tochter* (9–3), причем, например, слово *Vater* один раз употреблено в переносном значении. Другие группы представлены единичными словами: *der Gläubige* (1–1), *Heroe* (2–2), *Ideologe* (2–1), *Kapitalist* (2–1), *Betrüger* (1–1) и т.д. Естественно, эти группы несколько пополнились бы, если бы учитывались данные общественных наук, но ранг этих слов все же оставался бы низким. И в то же время, даже и не производя частотного подсчета, можно достаточно хорошо представить себе, насколько широко и богато были бы представлены, например, в художественной литературе или в раз-

говорной речи такие подгруппы, как "люди, находящиеся в определенных родственных отношениях" или "люди в оценке других людей". Это же наблюдение, т.е. гораздо большая полнота в стиле художественной и разговорной речи по сравнению с научной, относится и к целому ряду других лексических групп и подгрупп. Так, в стиле научной речи к группе "жилище" можно было бы отнести лишь слова Dachgeschoß (2-2), Küche (4-3), Korridor (1-1); к группе "интерьер жилища" — Möbel (2-1), Bett (1-1); к группе "утварь" — Gefäß (142-17), Becher (11-3), Eimer (1-1), Glas (2-2); к группе "музыкальные инструменты" — Trompete (1-1) и т.д.

Наблюдается, однако, и другое явление: большая полнота группы (и по количеству и по частотности) в стиле научной речи по сравнению с художественной литературой и разговорной речью. Это можно видеть на примере лексических групп "причина и следствие" и "классификация, подразделение".

Лексическая группа "Причина и следствие"²⁰: so (1200-34), da (782-34), also (630-34), Grund (385-33), daher (332-34), damit (327-34), so daß (288-30), dadurch (269-34), weil (212-33), deshalb (198-33), denn (182-33), hervorgehen (149-31), infolge (144-30), ausgehen von (132-28), Ursache (126-28), sich zeigen (125-26), somit (118-28), ja (115-24), auf Grund (114-27), verursachen (93-29), demnach (76-21), hervorrufen (75-21), Folge (71-23), schließen auf (55-20), aus... Grunde (52-17), Schluß (49-14), Aussage (43-22), zur Folge haben (33-15), nämlich (33-14), ersichtlich (32-13), darum (30-12), demzufolge (29-10), warum (26-12), resultieren (25-11), infolgedessen (24-12), aussagen (22-12), ersehen (21-13), folgen aus (21-5), Schlußfolgerung (16-9), hiermit (13-8), Konsequenz (11-6), wonach (10-10), folglich (9-7), zufolge (4-3), schlußfolgern auf (3-1), sonach (1-1) и др.

Лексическая группа "Классификация, подразделение": Gruppe (371-29), Reihe (335-33), Verteilung (241-27), Typ (181-28), bezeichnen als (178-25), bestehen aus (177-31), Ordnung (165-21), bei... handelt es sich um (153-29), gehören (152-33), Anordnung (124-26), ansehen als (113-30), sich erweisen als (100-26), Glied (93-22), unterteilen (83-17), ordnen (66-27), Gliederung (66-15), Einteilung (59-21), anordnen (50-18), auffassen als (47-19), zuordnen (47-15), Klasse (47-13), einteilen (45-15), gelten als (42-14), halten für (38-17), teilen in (37-15), zählen (31-11), Unterteilung (31-9), gliedern in (29-17), Zuordnung (20-11), gelten für (13-3), aufteilen (12-8), Typus (12-4), Klassifikation (10-4), Aufteilung (8-6), Einordnung (6-

²⁰ Следует иметь в виду, что здесь и далее при отнесении слов к той или иной лексической группе принималось во внимание одно (или несколько), чаще абстрактное значение слова, соответствующее тематике группы. Например, для слова Weg — 'путь, подход, способ', для слова Satz — 'набор', для слова darstellen — 'представлять собой, являться чем-л.', для слова Aussage — 'вывод' и т.д., в то время как в другом (других) значениях слово следовало бы отнести совсем к другой лексической группе. При обозначении частотности учитывалась лишь частотность слова в соответствующем значении (значениях), а не его общая частотность.

4), Klassifizierung (6-3), klassifizieren (5-2), aufgliedern (4-2), Aufgliederung (1-1), Untergliederung (1-1) и др.

В этих группах прежде всего поражает частотность в стиле научной речи многих слов, входящих в ядро; что же касается их большей полноты, то она создается в основном не за счет слов межстилевого лексического фонда, а, скорее, за счет "книжной" лексики.

Интересные закономерности можно наблюдать при сравнении групп "Цвет" и "Говорение" в стиле научной речи и в художественной литературе. Сравнительное исследование группы "Цвет" было проведено М. Джавлаловым²¹. Его исследование показало, что, во-первых, в стиле художественной литературы и в стиле научной речи различна частотность употребления слов, обозначающих цвет. В художественной литературе она значительно выше: из общего числа прилагательных прилагательные, обозначающие цвет, составляют 4% (частотность равна 718), в то время как в научной литературе лишь 0,7% (частотность равна 174). Ср. также данные табл. 1.

Во-вторых, в художественной литературе с достаточной частотностью встречаются прилагательные, связанные с описанием внешности человека (цвет волос, кожи и т.д.). Особенно частотны здесь прилагательные blond (31) и blaß (40). Эти прилагательные в проанализированной научной литературе не встретились (что, естественно, не исключает вообще возможности их употребления в некоторых научных дисциплинах).

В-третьих, что очень важно, художественная литература чрезвычайно богата прилагательными, обозначающими самые разнообразные, тончайшие цветовые оттенки (lilagrau, gelbgrau, sanftweiß) и часто построенными на сравнении, например:

brandrot, rostrot, ziegelrot, krebsrot;

schneeweiß, watteweiß, kalkweiß;

nachtschwarz, pechschwarz;

nachtgrün, olivgrün;

eisgrau, erdgrau, rauchgrau;

goldgelb, honiggelb, quittengelb;

aschblond, strohblond, semmelblond;

aschfarben, bleifarben, goldfarben, perlmutterfarben, rostfarben.

Научная литература гораздо беднее прилагательными такого типа. М. Джавлалов приводит лишь несколько (bleigräu, kastanienfarbig, kupferfarben); в нашей выборке встретилось прилагательное azurblau.

Оценивая группу "Цвет" в сравнительном плане, можно теперь сказать, что ядро этой группы в обоих стилях представлено одинаковыми прилагательными, однако частотность их в стиле художественной литературы значительно выше. Периферия же этой группы в обоих стилях разная: в стиле художественной литературы — это прилагательные, обозначающие тончайшие цветовые оттенки, часто основанные на сравнении (см. примеры выше); в стиле же научной речи периферию составляют прила-

²¹ Джавлалов М. Сравнительная количественная и качественная характеристика прилагательных в немецкой научной и художественной литературе. — В кн.: Язык научной литературы. М., 1975, с. 153—155.

Таблица I

Частотность прилагательных, обозначающих основные цвета в художественной и научной литературе

Обозначение цвета	rot	weiß	blau	schwarz	grün	grau	braun	violet	dunkel	hell
Художественная литература	129	84	70	64	54	48	37	10	94	73
Научная литература	12	6	6	4	15	3	20	1	16	15

гательные, обозначающие интенсивность цвета (dunkelbraun, dunkelgrün, tiefrot, tiefschwarz, hellgelb, hellgrün, bräunlich, bläulich, grünlich, weißlich): обозначение же цвета, основанное на сравнении, мало типично.

Чрезвычайно показательна также лексическая группа "Говорение", представленная достаточно богато как в стиле научной речи, так и в стиле художественной литературы (не проводя для художественной литературы частотного подсчета, мы приводим далеко не полный, однако достаточно показательный список слов к этой теме из выборочного анализа нескольких художественных произведений).

Лексическая группа "Говорение" (научная литература): nennen (360-34), angeben (234-31), feststellen (230-33), beschreiben (226-34), behandeln (221-32), hinweisen (200-29), sagen (172-30), Darstellung (167-28), erwähnen (155-31), es handelt sich um (153-29), bezeichnen (153-28), hervorheben (153-14), schreiben (150-25), ausführen (130-29), sprechen (149-29), Hinweis (113-25), Bezeichnung (108-20), besprechen (102-23), zusammenfassen (99-30), eingehen auf (95-24), berichten über (93-27), erklären (89-22), Beschreibung (87-32), Ausführung (86-28), Definition (86-23), heißen (86-21), definieren (81-23), ergänzen (78-26), schildern (78-22), Zusammenfassung (77-21), erfassen (75-27), Gesichtspunkt (74-25), Feststellung (74-23), ausdrücken (73-21), Sprache (69-17), sich beschäftigen (68-25), festlegen (66-18), wiedergeben (65-24), anführen (64-25), charakterisieren (63-19), betonen (52-19), diskutieren (52-19), erläutern (51-19), Behandlung (48-17), widmen (48-16), Anschauung (48-8), Bericht (47-12), Diskussion (45-20), Erklärung (44-17), zum Ausdruck kommen (44-13), unterstreichen (43-8), erörtern (42-12), aufführen (42-10), andeuten (41-19), verzichten (40-17), meinen (32-16), Erörterung (31-8), in Frage kommen (29-17), Erfassung (28-12), fixieren (28-8), abhandeln (25-10), beantworten (24-13), behaupten (23-13), Erläuterung (23-8), verweisen auf (18-14), Behauptung (18-9), Antwort (17-9), konstatieren (11-3), Beantwortung (10-6), fragen (8-4), Verweis auf (5-2), widersprechen (6-5), sich aussprechen (3-3), antworten (2-2), es geht um (2-2) и др.

Лексическая группа "Говорение" (художественная литература): abrechnen, anherrschen, anknurren, anreden, anrufen, Antwort, j-m

Antwort schuldig bleiben, antworten, auffordern, sich ausdrücken, aussprechen, äußern, behaupten, begrüßen, bellen, berichten, beschreiben, bezeichnen, bitten, brüllen, einreden, es entfährt D, entgegenen, ergänzen, erklären, Erklärung, sich erkundigen, erlauben, erwidern, Erwidern, erzählen, Erzählung, fauchen, feststellen, flüstern, fortfahren, fragen, sich gebieten, Gespräch, es handelt sich um, hervorstoßen, hinüberryufen, hinzufügen, klagen, knurren, kontern, aus... Worten klingen, loben, losfahren auf A, meinen, mitteilen, munkeln, murmeln, nennen, notieren, philosophieren, protestieren, reden, rufen, rufen zu D, sagen, Bescheid sagen, schweigen, Schweigen, spotten, sprechen, stammeln, streiten, telefonieren, überzeugen, unterbrechen, sich unterhalten, sich verabreden, verbieten, verfluchen, vorschlagen, sich vorstellen, sich (behutsam) vor-tasten, sich wenden an A, dazwischen werfen, wiederholen, Wort zurückge-ben, а также grinsen, lachen, lächeln и др.

Даже беглое сравнение говорит о том, что состав этих групп в обоих стилях различен. Существует очень незначительное ядро, общее для обеих групп (слова sagen, sprechen, nennen, feststellen частотны для обеих групп), однако распределение других слов группы не совпадает: например, fragen и erwidern, входя в ядро в стиле художественной литературы, остаются на периферии в научной литературе (в нашей выборке из научной литературы слово erwidern вообще не встретилось). Если можно предположить, что все слова этой группы, встречающиеся в научной литературе, могут встретиться в той или иной ситуации в художественной литературе, т.е. могут все же составить периферию данной группы, то о многих словах, составляющих эту группу в стиле художественной литературы, можно с уверенностью сказать, что они не представлены в стиле научной литературы (flüstern, brüllen, fauchen, zurückgeben, hinüberryufen, dazwischen werfen, hervorstoßen и т.д.). Дело, по-видимому, в том, что эти слова имеют коннотации, нерелевантные для стиля научной речи. Эти слова не только отражают сам факт говорения, но и дают дополнительную информацию о громкости речи, способе произношения (в том числе и образно), эмоциональном состоянии человека и его отношении к партнерам речи в момент высказывания, о самых разнообразных целях высказывания, о соотношении речи с речью партнеров, направленности речи, обстоятельствах, при которых происходила речь, и т.д. Что касается стиля научной речи, то коннотации здесь минимальны: беглость или подробность говорения о предмете исследования, точность и в какой-то мере важность предмета, о котором говорят.

Таким образом, мы наблюдаем, что лексические группы не только частотностью слов, входящих в их состав, но и самим своим составом могут уже дать определенную характеристику стиля.

Еще большей характеризующей силой, позволяющей разграничивать стили, обладает набор семантических полей, т.е. слов, связанных с отражением определенной ситуации²². Каждое семантическое

²² О различном понимании термина "семантическое поле" см. подробнее: Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М., 1976.

поле включает в себя несколько лексических групп. Ядро составляет ведущая лексическая группа. Некоторые лексические группы прикреплены к одному или (чаще) нескольким семантическим полям, однако есть и такие группы, которые обслуживают все семантические поля. Зарегистрированные частотным словарем слова из научной литературы достаточно определенно распределяются по семантическим полям, связанным с основной ситуацией, которую условно можно назвать "Исследование", подразделяющейся на типичные научные процедуры (подситуации). Набор этих подситуаций весьма репрезентативен для стиля научной речи. Естественно, приведенные нами ниже ситуации (и семантические поля) не исчерпывают все возможные, но, как представляется, все же отражают по крайней мере основные²³ (табл. 2).

Кроме перечисленных лексических групп во все семантические поля обязательно войдут слова из лексических групп "Оценка", "Связующие средства", "Апеллятивные средства", "Общенаучный инвентарь"²⁴, "Говорение", "Объект исследования", "Объекты окружающей среды", "Инструменты исследования (в широком смысле этого слова)". Три последние группы, состоящие в основном из терминов и полутерминов, представляют собой самую вариабельную часть семантического поля, которая будет сильно видоизменяться в зависимости от науки и в пределах одной науки в зависимости от темы исследования. Выделение этих групп весьма условно и вызвано в основном соображениями удобства классификации, поскольку в действительности эти лексические группы состоят из "осколков" самых разнообразных лексических групп. Большую вариабельность в зависимости от объекта исследования обнаруживает и лексическая группа "Характеристика".

²³ Ср. другой принцип классификации на основе "предметного содержания современной науки" у Л.Н. Смирновой (*Смирнова Л.Н. Тематический аспект организации материала по специальности*. — В кн.: *Лингвистика и методика преподавания иностранных языков*. М., 1976).

²⁴ К этой группе можно было бы отнести слова: Analyse (144–20), analysieren (25–11), Angaben (152–30), Annahme (79–24), Ansatz (74–13), Arbeit (640–34), arbeiten (187–28), Art (764–34), Aspekt (22–11), Aufgabe (262–29), Befund (111–18), begreifen (30–10), Begriff (194–30), Daten (104–24), durchführen (207–30), Durchführung (34–21), Effekt (105–12), entdecken (29–15), Entdeckung (33–15), Entwicklung (519–32), Erfahrung (115–30), erforschen (18–1), Ergebnis (466–34), Erkenntnis (104–27), Erscheinung (222–32), erzielen (106–24), Experiment (37–12), experimentell (65–19), Fall (483–34), Form (543–33), Forscher (89–20), Forschung (207–31), Fortschritt (73–24), Frage (286–33), Funktion (278–27), Gedanke (85–18), Gerät (153–18), Gesetz (111–26), Gesetzmäßigkeit (35–15), Hilfe (329–33), Hypothese (30–9), Lehre (188–21), Mechanismus (81–12), Methode (572–28), Methodik (18–10), methodisch (24–9), Mitarbeiter (60–18), Mittel (219–31), Modell (77–15), Objekt (93–16), Prinzip (117–25), Problem (250–30), Problematik (13–5), Prozeß (251–24), Quelle (227–23), Regel (89–22), Resultat (27–12), Satz (99–16), Sinn (133–29), Stoff (745–32), Struktur (249–27), System (568–30), Thema (41–15), Theorie (21–5), theoretisch (133–21), untersuchen (238–31), Untersuchung (561–34), Verfahren (426–28), Versuch (430–34), Vorgang (447–33), Vorstellung (90–25), Weg (283–34), Weise (241–28), Welt (185–27), Wesen (89–25), widmen (48–16), wissen (70–22), Wissen (35–10), Wissenschaft (155–24), Wissenschaftler (24–11), Ziel (89–25), Zustand (338–30), Zweck (107–27) и др.

Семантические поля и основные лексические группы,
типичные для стиля научной речи

Семантическое поле	Основные лексические группы, входящие в семантическое поле
Обоснование (темы исследования, соответственно метода, теории и т.д.)	Обоснование. Выбор. Необходимость, потребность. Возможность, предположение. Намерение, стремление, попытка. Ограничение
Объяснение, пояснение, истолкование	Объяснение. Понимание. Зависимость, связь, соотношение
Дефиниция	Дефиниция. Владение, обладание, принадлежность. Наличие
Наблюдение	Наблюдение. Измерение. Установление факта совершения определенного действия. Владение, обладание, принадлежность. Наличие. Движение. Перемена состояния
Характеристика	Характеристика. Количество (величина, размер, размерность, объем, часть, доля, сумма, совокупность и т.д.). Структура, состав. Возраст. Форма. Цвет. Вкус. Температура. Интенсивность. Пространственная характеристика (расположение в пространстве, направление и т.д.). Временная характеристика (точка во времени, частота, периодичность, последовательность, одновременность и т.д.). Обстоятельная характеристика (условия и т.д.). Владение, обладание, принадлежность. Наличие. Изменение состояния
Проведение эксперимента	Характеристика: временная, пространственная, обстоятельная (условия). Изменение состояния. Движение
Проверка	Проверка, контроль. Наличие
Сравнение, сопоставление, противопоставление	Сравнение, сопоставление, противопоставление. Установление тождества и различия. Характеристика. Изменение состояния. Зависимость, связь, соотношение. Владение, обладание, принадлежность. Наличие
Классификация	Классификация, подразделение, группировка. Владение, обладание, принадлежность. Характеристика
Доказательство	Доказательство. Рассуждение. Причина и следствие. Условия. Зависимость, связь, соотношение. Возможность, гипотетичность. Математические процедуры
Обсуждение и оценка	Говорение. Оценка
Публикация	Книга. Средства наглядности. Говорение

Продемонстрируем все сказанное выше на примере семантического поля "Сравнение, сопоставление, противопоставление". К нему относится прежде всего лексическая группа "Сравнение, сопоставление, противопоставление": nur (1584-34), aber (1193-32), jedoch (432-34), sondern (370-32), erst (273-31), doch (258-34), dagegen (241-34), vgl. (209-20), sowohl ... als auch (187-34), Vergleich (155-29), vergleichen (139-30), nicht nur... sondern auch (124-26), allein (108-26), Gegensatz (93-30), lediglich (88-26), dennoch (49-16), im Vergleich zu (46-21), hingegen

(39–16), entgegensetzen (32–13), gegenüberstellen (14–11), Gegenüberstellung (19–10), Widerspruch (31–11), freilich (23–7), bloß (11–8), indes (sen) (10–4) и др. Кроме того, сюда относятся следующие группы:

Лексическая группа "Установление тождества и различия": gleich (573–33), sowie (459–33), gesamt (449–31), Verhältnis (353–34), Unterschied (211–31), unterschiedlich (168–29), unterscheiden (160–31), sich unterscheiden (111–28), gemeinsam (110–27), üblich (108–30), Abweichung (107–25), abweichen (72–26), Anpassung (68–14), übereinstimmen (66–25), anpassen (63–17), anders (60–21), analog (48–15), vergleichbar (47–18), überwiegend (47–15), Übereinstimmung (41–15), sich überlagern (38–3), überwiegen (30–10), Überschreitung (29–5), überschreiten (27–16), zusammenfallen (26–12), Ähnlichkeit (24–9), übertreffen (20–15), Analogie (20–10), im Anschluß an (18–9), aquivalent (16–5), ähneln (13–9), Annäherung (24–8) и др.

Лексическая группа "Изменение состояния" с подгруппами:

"Изменение": Änderung (175–30), Veränderung (174–29), Wechsel (164–27), verändern (123–25), ändern (107–27), variieren (44–18), veränderlich (43–11), Variation (40–16), sich verändern (39–16), Variante (37–10) и др.;

"Рост, увеличение": Steigerung (281–21), wachsen (222–32), zunehmen (191–32), Wachstum (190–22), erhöhen (169–27), steigen (104–21), ansteigen (87–20), Erhöhung (72–22), Anstieg (61–20), Zunahme (48–20), Vermehrung (46–7), steigern (44–14), Vergrößerung (31–12), anwachsen (26–11), vergrößern (26–9), sich vergrößern (21–9) и др.;

"Уменьшение, падение": abnehmen (101–24), Abnahme (80–19), herabsetzen (77–12), fallen (72–21), senken (54–8), Abfall (47–15), Verringerung (42–9), Herabsetzung (38–10), Verminderung (33–12), vermindern (32–18), sinken (32–13), verringern (24–16) и др.

Лексическая группа "Зависимость, связь, соотношение": bzw. (604–34), Verhältnis (354–34), Beziehung (225–25), Zusammenhang (213–34), abhängen (205–31), Abhängigkeit (202–31), (sich) verbinden (199–30), je (169–26), unabhängig (161–24), beeinflussen (139–26), je nach (134–27), abhängig (122–28), jeweils (117–29), bedingen (102–25), verursachen (93–22), ursprünglich (90–28), sich beziehen auf (85–27), hinsichtlich (83–27), binden (77–21), hervorrufen (75–21), bezüglich (66–19), in Bezug auf (65–124), betreffend (57–23), zusammenhängen (48–21), zugehörig (36–16), Verknüpfung (29–7), Auswirkung (28–14), Ursprung (28–14), im Hinblick auf (27–14), Beeinflussung (27–12), in Hinsicht auf (18–10), in Verbindung mit (17–9), herrühren (16–9), gehörig (15–6), Unabhängigkeit (14–7), einschlägig (14–10) и др.

Лексическая группа "Владение, обладание, принадлежность": haben (680–32), darstellen (458–34), enthalten (441–34), erhalten (352–32), es gibt (294–25), besitzen (273–30), betragen (201–29), bestehen aus (177–31), Zusammensetzung (165–28), gehören (152–33), aufweisen (144–31), zur Verfügung stehen (142–23), eigen sein (110–12), Bestand (96–16), typisch (77–20), annehmen (74–23), verfügen über (48–13), aufzeigen (43–13), zukommen (36–18), Satz (15–3) и др.

Лексическая группа "Наличие": auftreten (373–31), vorhanden (354–34), es gibt (294–25), bestehen (209–31), sich finden (59–18), befindlich (48–27), hervortreten (36–12), Vorhandensein (36–12), vorliegen (20–12), sich ausbilden (19–9), liegen (16–4) и др.

К этому же семантическому полю относятся слова лексических групп "Характеристика" и "Оценка", встречающиеся в тексте часто антонимическими парами (lang (184–26) – kurz (474–31); langsam (134–26) – schnell (362–31); dort (141–29) – hier (720–34); schlecht (50–18) – gut (522–33); Vorteil (110–24) – Nachteil (52–15) и т.д.), не говоря уже, естественно, о лексических группах "Общенаучный инвентарь", "Говорение", "Объект исследования", "Объекты окружающей среды", "Инструменты исследования", "Связующие средства", "Апеллятивные средства", которые, как мы уже указывали выше, входят в любое семантическое поле.

Качественная характеристика лексики стиля научной речи

Выше мы указывали, что основу научного стиля составляет лексика внестилевого лексического фонда. Для этого слоя характерны в основном слова, относящиеся к эмоционально-нейтральной и безобразной лексике²⁵ (эмоциональность и образность свойственна в основном словам разговорной речи, для которой полностью закрыт доступ в научную речь). Эмоционально-нейтральны и безобразны и слова "книжной" лексики, о которой мы говорили выше. Однако эмоционально-нейтральная и безобразная лексика, функционируя в речи, может приобретать эмоциональный оттенок и стать образной за счет употребления слов в переносном значении. Такое метафорическое употребление слов не свойственно стилю научной речи²⁶. В нем избегаются даже стершиеся метафоры. Это имеет

²⁵ На оппозицию "образное/безобразное" в стиле научной речи указывает Н.М. Разинкина в ряде своих работ (см., в частности: *Разинкина Н.М.* Стилистическая оппозиция и ее роль в изучении функционально-речевого стиля (на материале языка английской научной прозы). – В кн.: *Язык научной литературы (лингвистические проблемы и методика преподавания)*. Тезисы докл. и сообщ. XX научно-метод. конф. 30 июня – 2 июля 1975 г. М., 1975; *Она же.* Развитие языка английской научной литературы. Лингвостилистическое исследование. М., 1978.

²⁶ Естественно, не всякое переносное значение накладывает вето на употребление слова в стиле научной речи (см., например, слова *Feld*, *zutreffen*, *zurückgehen*, *zurückführen* и многие другие, которые обычно употребляются в нем именно в переносном значении), а лишь такое переносное значение, которое выводит слово из нейтрального внестилевого фонда в "неофициальный" стиль. Например, слово *abdampfen* в своем прямом значении 'испаряться (о жидкости)' эмоционально-нейтрально и безобразно, а в переносном значении 'исчезать, улетучиваться, испаряться (о человеке)' эмоционально и образно. Слово *atmen* в значении 'дышать' нейтрально и безобразно, а в переносном 'жить' приобретает образность. Причем слово *abdampfen* в переносном значении относится к разговорному стилю, а слово *atmen* – к поэтической лексике. Вот почему оба слова в переносном значении не употребляются в научном стиле. Большую роль здесь играет и сочетаемость слов. Например, слова *hervorstößen*, *fauchen*, как члены лексической группы говорения, т.е. в переносном смысле, не могли бы в стиле научной речи сочетаться с существительными *der Verfasser*, *der Autor*, *der Rezensent* и т.д., но со словами *der Kranke*, *der Mensch* такое сочетание было бы все же допустимо и в стиле научной речи (например, при описании симптомов какой-либо болезни человека).

место, по-видимому, потому, что образные наименования, как правило, многосемны, причем при переносной номинации может давать себя знать множество признаков денотата. Образность, перенос значения используется в основном при создании термина.

В частотном словаре нами отмечено лишь несколько образных слов и словосочетаний: *in aller Munde sein* (1-1), *das ist kein Kunststück* (1-1), *entzaubern* (1-1) и др. Последнее слово выпадает из межстилевого лексического фонда, так как тяготеет к поэтической лексике, а первые — из-за своего разговорного оттенка.

Еще одна важная особенность стиля научной речи находит свое выражение в употреблении оценок лексикой. Здесь прежде всего бросается в глаза почти полное отсутствие слов, объединяющих в своей семантике вещественную сему денотативной соотносительности с оценочной семой. Среди проанализированного нами материала это были существительные *Traum* (6-1) (мечта — сильное желание) и *Triumph* (1-1) (триумф — очень большой успех). В научной речи в большинстве случаев оценка выражается *спец и л и з и р о в а н н о*. Это резко отличает стиль научной речи от многих функциональных стилей, например от художественной и публицистической литературы и особенно разговорного стиля, для которого чрезвычайно характерно именно слияние вещественной и оценочной сем (например, *abwimmeln = als lästig*, *abweisen = сбавривать нечто нежелательное*; *pfuschen = schlecht arbeiten* — халтурить; *ein Auge zudrücken = etwas (schlechtes) nicht bemerken* — не замечать чего-л. (плохого), смотреть сквозь пальцы на что-л. и т.д.), т.е. в стиле научной речи оценка выражается, как правило, отдельно. Одно слово как бы расщепляется на два или несколько: *duften = einen angenehmen Geruch aufweisen*.

Слова, которые выражают оценку, но в языке не могут быть безоговорочно причислены к оценочным, в силу ограниченной сочетаемости приобретают эту способность в научной литературе, "специализуясь" на выражении той или иной оценки: *einfach* (306-33), *ausführlich* (130-29) — это всегда "хорошо" а *zeitraubend* (20-4), *strittig* (1-1) — это "плохо".

Бросается в глаза также преобладание слов положительной оценки (в отличие, например, от разговорной речи, где, по данным В.Д. Девкина, преобладают слова с отрицательной оценкой²⁷). И дело не только в том, что слов с отрицательной оценкой меньше в количественном отношении, а в том, что они гораздо менее частотны, например: *gut* (589-34) — *schlecht* (50-18); *ausführlich* (130-29) — *flüchtig* (1-1); *erfolgreich* (36-15) — *erfolglos* (3-1); *sicher* (72-17) — *zweifelhaft* (4-4); *sinnvoll* (87-20), *zweckmäßig* (62-22) — *sinnlos* (2-1); *Richtigkeit* (17-9) — *Unhaltbarkeit* (1-1) и т.д.²⁸

Необходимо отметить и еще одну особенность оценочной лексики в стиле научной речи — оценка выражается сдержанно, "нейтрально". Такие слова, как *großartig* (1-1), *vortrefflich* (7-1), *anregend* (3-3),

²⁷ Девкин В.Д. Немецкая разговорная лексика, с. 62.

²⁸ Следует, конечно, иметь в виду, что отрицательная оценка может выражаться словом положительной оценки с отрицанием. Это, естественно, несколько изменит наши цифры, но на общие выводы повлиять не может.

faszинierend (5–2) и т.д., чрезвычайно редки. Еще более, естественно, сдержанны слова отрицательной оценки. Слова типа entsetzlich (1–1), erschreckend (2–1) являются здесь редким исключением.

Говоря о лексике стиля научной речи, нельзя не сказать также о том, что она более "однозначна", чем лексика, встречающаяся в других стилях (за исключением официально-делового). Это в первую очередь относится к терминологической лексике, которая по самой своей природе ярко обнаруживает эту тенденцию. Однако в стиле научной речи не только терминологическая лексика имеет тенденцию к однозначности. Та же тенденция прослеживается и при анализе других слоев лексики. Трудно, правда, сказать, действительно ли в стиле научной речи число однозначных слов больше, чем в других стилях²⁹, однако определенные закономерности все же нельзя не заметить:

1) ограничения в употреблении лексики в переносном значении, о которых мы говорили выше, безусловно накладывают на нее определенный отпечаток в отношении сокращения многозначности слова;

2) тенденции к сокращению многозначности способствует и необходимость некоторых слов (или даже лексических групп) в конкретном значении. Ср. словарные статьи глаголов zurückführen, zurückgehen и zukommen в общем³⁰ и частотном словарях.

В общем словаре: zurückführen vt 1. вести [приводить] обратно, отводить (назад) (на прежнее место); j-n in seine vorigen Rechte ~ восстанавливать кого-л. в прежних правах; dieser Gedánke führt uns wieder auf das eigentliche Thema zurück эта мысль вновь приводит нас к тому, что, собственно, и является нашей главной темой; 2. (auf A) сводить (к чему-л.); etwas auf die einfachsten Formen ~ сводить что-л. к простейшим формам; auf den einfachsten Ausdruck ~ mat. приводить к простейшему выражению; 3. (auf A) объяснять (чем-л.); worauf ist das zurückzuführen? чем это объясняется?; man kann diese Tatsache auf den Umstand ~, daß... этот факт можно объяснять тем (обстоятельством), что...

В частотном словаре эта статья будет иметь следующий вид: zurückführen auf A (127–30) объяснять чем-л., сводить к чему-л., т.е. первое (конкретное) значение 'вести [приводить] обратно, отводить' в частотном словаре немецкой научной речи полностью отсутствует.

В общем словаре: zurückgehen vi(s) 1. идти обратно [назад], возвращаться (на прежнее место) wir sind denselben Weg zurückgegangen мы вернулись по той же дороге [той же дорогой]; Waren ~gehen lassen ком. отправить обратно, вернуть товар назад; 2. отводить (назад), отступать; 3. спадать (о воде, об опухоли); опадать; 4. падать, снижаться, понижаться; die Preise gingen zurück цены упали [падали]; der Kaffee ist (im Preis)

²⁹ С.Д. Береснев, в частности, указывает, что "полисемия в научном тексте свойственна сравнительно небольшому числу единиц", не доказывая, правда, это анализом конкретного материала или подсчетом (Береснев С.Д. Указ. соч., с. 28). По данным В.Д. Девкина, многозначных слов в языке вообще не так уж много – 13–15% (Девкин В.Д. Немская разговорная лексика, с. 81).

³⁰ Большой немецко-русский словарь. М., 1969. Сост. Е.И. Лепинг, Н.П. Страхова, Н.И. Филичева, М.Я. Цвиллинг, Р.А. Черфас. Под руководством проф. О.И. Москальской. Составители частотного словаря при установлении значений слова руководствовались этим словарем.

stark zurückgegangen кофе сильно упал в цене; 5. расстраиваться; приходиться в упадок; die Verlobung ist zurückgegangen разг. помолвка расстроилась; 6. (auf A) проследить (происхождение чего-л.), выявлять (источники чего-л.); weit in die [in der] Geschichte ~ gehen углубляться в историю (чего-л.); 7. (auf A) восходить (к чему-л. в прошлом); dieser Flußname geht auf die keltischen Ureinwohner zurück название этой реки восходит к временам древних кельтов.

В частотном словаре: z u r ü c k g e h e n vi(s) 1. приходиться в упадок. (5-5); 2. (auf A) (49-24) восходить к чему-л.; обращаться (к первоисточникам). Как видно, количество значений сильно уменьшилось. И если значения 3-7 в принципе могут встречаться в стиле научной речи (в других сочетаниях), то вероятность появления значения 1-2 самая малая.

В общем словаре: z u k o m m e n vi(s) 1. (auf A) подходить (к кому-л., к чему-л.); wir werden doch auf Ihren Vorschlag ~ разг. мы все-таки вернемся к вашему предложению; er läßt die Dinge auf sich ~ он занимает выжидательную позицию; он ждет, что покажет будущее; 2. приходиться, прибывать; der Brief ist mir gestern zugekommen письмо я получил [письмо пришло] вчера; ich werde Ihnen Nachricht ~ lassen я вас извещу; j-m etw. ~ lassen 1) доставить кому-л. что-л.; 2) уступить кому-л. что-л.; j-m ärztliche Behandlung ~ lassen оказывать врачебную помощь кому-л.; er ließ ihm von Zeit zu Zeit ein paar Pfennige ~ разг. он давал ему время от времени небольшие суммы (денег); 3. причитаться, полагаться; dieses Geld kommt Ihnen nicht zu эти деньги вам не причитаются; 4. подходить, подобать; dieser Titel kommt ihm nicht zu это звание ему не подходит, он не заслуживает этого титула; es kommt euch nicht zu (etw. zu tun) вам не подобает [не положено] (делать что-л.).

В частотном же словаре эта статья будет иметь гораздо более скромный вид: z ú k o m m e n D (36-18) принадлежность; быть свойственным. Из всех значений глагола zukommen особенно маловероятным для стиля научной речи представляется первое (конкретное) значение;

3) о г р а н и ч е н н а я с о ч е т а е м о с т ь, связанная с содержанием, "темами" научной литературы, как мы это видели выше, также способствует уменьшению многозначности слова, особенно в пределах одной науки.

Так, слово abnehmen в цитируемом нами общем словаре представлено следующим образом: a b n e h m e n I vt 1. снимать; j-m die Maske [die Larve] ~ срывать маску с кого-л.; разоблачать кого-л.; die Sahne von der Milch ~ снимать сливки с молока; die Speisen ~ убирать кушанье со стола; den Hörer (vom Telefon) ~ снимать (телефонную) трубку; den Verband ~ снимать повязку; Karten ~ снимать карты (в игре); 2. отнимать, отрезать; ампутировать; den Bart ~ сбрить бороду; 3. отнимать, отбирать; ein Kind (von der Brust) ~ отнимать ребенка от груди; er nahm mir für die Arbeit zehn Mark ab разг. он взял с меня за работу десять марок; 4. освобождать (от чего-л.); делать за другого (что-л.); ich nahm ihm die schwerste Arbeit ab самое трудное я взял на себя, от самого трудного я его освободил; sie nahm ihm diesen Weg ab ~ она сходила туда

за него; j-m eine Verantwortung ~ освободить кого-л. от ответственности (взяв ее на себя); 5. в разн. знач. принимать; dem Boten den Brief ~ принять письмо от нарочного; einen Neubau ~ принимать новое здание; die Parade ~ принимать парад; j-m einen Eid ~ приводить кого-л. к присяге; j-m ein Versprechen ~ брать с кого-л. обещание; 6. покупать, брать с кого-л.; принимать (товар); 7. разг. принимать за чистую монету; верить (чему-л.); das [diese Geschichte] nimmt dir keiner ab никто тебе не поверит, что это правда; 8. снимать, переводить, копировать (рисунок); фотографировать (кого-л.); Fingerabdrücke ~ брать отпечатки пальцев; 9. Maschen ~ спускать [убавлять] петли (при вязании); 10. (an D) выводить (что-л. из чего-л.); судить (о чем-л. по чему-л.) || vi 1. уменьшаться, убывать, опадать, идти на убыль, ослабевать; die Geschwulst nimmt ab опухоль опадает; der Lebensstandart nimmt ab уровень жизни понижается; der Mond nimmt ab луна убывает [на ущербе]; die Tage nehmen ab дни становятся короче; 2. худеть, терять в весе; um zehn Kilo ~ похудеть на десять кило.

Из всех этих значений в частотном словаре научной речи представлены: a b n e h m e n I vt (1-1) снимать что-л.; II vi (100-33) уменьшаться, падать.

Сравнение значений этого глагола в общем словаре и в словаре научной речи хорошо показывает, что ограничение сочетаемости, связанное с содержанием, влечет за собой и уменьшение многозначности. Особенно наглядно это демонстрируют значения, представленные в п. 5: сочетаемость глагола abnehmen с данными существительными практически исключена, как, впрочем, и сочетаемость со многими существительными из п. 1; некоторые из них, например j-m die Larve abnehmen, не могут употребляться в стиле научной речи и по другой причине, о которой говорилось выше, — образность этого сочетания (в значении, указанном в п. 7, глагол abnehmen не употребляется в научном стиле, поскольку все "разговорное" в него не допускается. Маловероятно встретить глагол abnehmen в научном стиле также в значениях, представленных в пп. 3, 4, 10);

4) на примере глагола abnehmen мы можем наблюдать и еще одну тенденцию в функционировании лексики в стиле научной речи: преимущественное употребление лишь в одном из значений, ведущем для стиля научной речи (что выражается в частотности). Мы видели это и на примере других приводимых нами выше глаголов (см. zurückführen, zurückgehen, zukommen);

5) среди слов научной речи отсутствуют слова-диффизы (термин В.Д. Девкина), т.е. слова с крайне расплывчатым, неопределенным значением, столь употребительные в стиле разговорной речи, типа существительных Zeug, Ding, Dings, Sache, Kram, глаголов bauen, tun, machen в различных сочетаниях (den Doktor bauen, einen Kurzen bauen, in Lederwaren machen и т.д.), а также междометий³¹;

6) однозначность слов научной лексики проявляется и в том, что в ней меньше, чем, например, в разговорной лексике, слов с большой конденсацией значений в одной лексеме, завися-

³¹ Подробно об этом см.: Девкин В.Д. Немецкая разговорная лексика, с. 69 и след.

щей от наличия в ней оценочных сем. В стиле научной речи денотат и оценка выражаются разными лексемами, и поэтому то, что в разговорной речи может выражаться одной лексемой, в стиле научной речи, как мы видели выше, выражается двумя или несколькими лексемами (с неизбежными при этом экспрессивными потерями, потому что Triumph — это больше, чем großer Erfolg, а duften — больше, чем einen angenehmen Geruch aufweisen).

Однако имеют место и другие, противоположные тенденции. Так, например, для стиля научной речи характерно употребление родовых обобщающих понятий (Körper, Stoff, Flüssigkeit, Gas, Metall, Tier и др.) вместо видовых — явление, обратное стилю разговорной речи, где предпочитают видовые понятия³². В этом случае родовое слово в зависимости от контекста выражает самые разнообразные видовые значения, т.е. слово становится как бы более "многозначным".

Кроме того, еще одной особенностью лексики научного стиля (за исключением слов терминологического слоя) является ее у з у а л ь н о с т ь. В научной речи мы не встречаем окказионализмов и тем более инноваций (кроме терминов, которые, однако, представляют собой искусственное явление) и ошибок (кроме стилистических), что достаточно характерно для разговорной речи.

Нельзя не остановиться и еще на одной особенности лексики стиля научной речи, касающейся ее с и н о н и м и к и. Среди синонимов научной речи есть абсолютные синонимы и синонимы-варианты³³ (т.е. синонимы, имеющие некоторые особенности сочетаемости). Употребление синонимов в стиле научной речи связано, как правило, со стремлением избежать повторений, однообразия формы, т.е., по терминологии Е.И. Шендельс³⁴, в основном с "эстетическим фактором" и в меньшей степени с "лексическим фактором" (в данном случае с фактором сочетаемости). Автору необходимо выразить одно и то же содержание с большой частотностью. Это заставляет его варьировать форму. Таким образом появляются целые "пучки" синонимов с очень высокой общей частотностью, например: betrachten (334—31), behandeln (221—18), besprechen (102—23), eingehen auf (53—20), diskutieren (52—19), erörtern (42—12), общая частотность глаголов этой синонимической группы — 804; erhalten (352—32), gewinnen (163—29), bekommen (55—19), общая частотность этой группы — 570; etwa (532—33), ungefähr (19—21), annähernd (47—15), rd. (47—5), rund (42—13), ca. (42—9), angenähert (9—5), общая частотность этой группы — 826; ausführlich (130—29), eingehend (117—26), näher (53—21), общая частотность этой группы — 300; hervorheben (149—14), betonen (52—19), unterstreichen (43—8), общая частотность этой группы — 244; betreffend (57—23), jeweilig (53—22), zugehörig (36—16), einschlägig (14—10), общая частотность этой группы — 175.

Можно, естественно, привести большое количество таких "пучков", однако рамки работы не позволяют сделать это подробнее, тем более что

³² Девкин В.Д. Немецкая разговорная лексика, с. 75.

³³ Береснев С.Д. Указ. соч., с. 386 и след.

³⁴ Шендельс Е.И. Многозначность и синонимия в грамматике. М., 1970, с. 44.

достаточно полно эти синонимы приведены в работе Е.В. Левицкой³⁵ имеющей, правда, практическую направленность, и частично у С.Д. Береснева³⁶. Важно отметить, что при выборе синонима автор строго ограничен именно этой точно очерченной группой и не может выйти за ее рамки, поскольку отбор слов-синонимов с точки зрения других критериев, на которые указывает Е.И. Шендельс (а именно: закон изменчивого угла зрения, стиль речи, социальное окружение или ситуация, диалектальная принадлежность), уже совершился как бы раньше, при отборе лексики стиля научной речи вообще, с учетом тех требований к нему, о которых говорилось выше.

* * *

Отмеченные нами выше количественные и качественные особенности лексики стиля научной речи, выражающиеся в количественных и качественных характеристиках, обусловлены совокупностью действия экстралингвистических и лингвистических факторов, которые влияют на отбор слов. Основные из них следующие:

1. Содержание, тема высказывания.

2. Преобладание некоторых функционально-смысловых типов речи (выбор оптимального типа речи для выражения определенного содержания).

3. Письменный характер текста.

4. Стилистические приемы (сознательный отбор языковых средств с целью оказать определенное воздействие на читателя и вызвать у него ощущение желаемых качеств речи), среди которых основными являются:

а) "Книжность" (прием, связанный с элиминированием иностилевых, в основном разговорных, элементов и введением особых книжных элементов, "Эмоциональная и субъективно-оценочная нейтральность" и отчасти "Обобщенность изложения", вызывающие ощущение подчеркнутой официальности речи, ее "кастовости" ("учености" или иногда "научообразности");

б) "Однозначность", "Эксплицитность" (выраженность логико-смысловых связей), "Активизация внимания читателя", "Членение" (композиционная четкость), "Экономичность выражения" (максимум информации — минимум средств), "Стандартность", которые направлены на достижение ясности изложения³⁷.

Все эти факторы в той или иной мере повлияли на частотные параметры слов, употребляемых в стиле научной речи, и определили их качественные характеристики. Естественно, далеко не всегда возможно точно определить, какой из факторов участвует в каждом конкретном случае (т.е. в отношении каждого отдельного слова), поскольку эти факторы часто действуют в своей совокупности, а не раздельно. Однако можно показать определенные тенденции, влияющие на частотные и качественные харак-

³⁵ *Левицкая Е.В.* Лексическая тетрадь. Пособие для чтения и перевода немецкой научной и технической литературы. М., 1975, с. 98–112.

³⁶ *Береснев С.Д.* Указ. соч., с. 386 и след.

³⁷ Подробнее см.: *Троянская Е.С.* О природе лингвистических признаков текстов, характеризующих различные функциональные стили. — В кн.: *Лингвостилистические исследования научной речи.* М., 1979.

теристики слов или групп слов. Так, очевидно, что тема высказывания (содержание) и функционально-смысловой тип речи (как оптимальная форма высказывания, в которое воплощается это содержание), а также письменный характер текста влияют главным образом на частотные характеристики, которые настолько выразительны, что способны вполне определенно характеризовать стиль (см. приводимые выше частотные характеристики слов: Wert, Art, Vorgang—Prozeß, Gebiet, Buch, z.B., Abbildung, Arbeit, Methode, System, Untersuchung, Form, Bild, Versuch, Zahl, Vergleich и др.). Что же касается стилистических приемов, то они, с одной стороны, определяют качественную характеристику лексики научного стиля, а с другой стороны, влияют и на частотные характеристики. Приведем некоторые примеры действия различных факторов.

Об отражении темы (содержания) высказывания и функционально-смыслового типа речи, непосредственно связанного с выражением определенного содержания, мы уже достаточно подробно говорили выше, касаясь вопроса семантических полей и лексических групп, отражающих типичные ситуации, обусловленные единой темой "Исследование". Что касается письменного характера текста и его влияния на лингвистические характеристики, то именно в лексике это нашло, пожалуй, наименьшее отражение (основные частотные различия падают на грамматические явления). В качестве примера изменений частотных характеристик слов под влиянием этого фактора можно лишь привести более высокую частоту союзов и союзных слов вообще (что зависит от высокой частотности употребления придаточных предложений и однородных членов в стиле научной речи) и причинных союзов в частности³⁸. С письменным характером связано и сокращенное написание многих часто встречающихся слов (z.B., u.a., bzw. и т.д.), но это относится, скорее, уже к графике.

Стилистические приемы, как указывалось выше, повлияли как на качественные, так и на количественные характеристики слов. Причем на качественную характеристику лексики стиля научной речи особое влияние оказали стилистические приемы: "Книжность", "Эмоциональная и субъективно-оценочная нейтральность" и "Однозначность". Действуя в одном направлении, они способствовали отбору лексики официально-нейтральной с точки зрения ее стилевой принадлежности и неэмоциональной безобразной и безоценочной с экспрессивно-стилистической точки зрения, что привело к фактически полному отсутствию лексики, обладающей другими характеристиками (не говоря уже о том, что на приеме "Однозначность" основано наличие в стиле научной речи целого специализированного слоя — терминов). Что же касается приемов "Эксплицитность", "Членение", "Активизация внимания читателя", "Экономичность выражения", "Обобщенность изложения", то они повлияли в основном на количественные характеристики лексики. Например, "Эксплицитность", как мы доказывали в одной из своих статей³⁹, вызвала высокую частотность следствен-

³⁸ Там же.

³⁹ *Троянская Е.С.* К вопросу о "связности" научного текста и эксплицитности выводного суждения (на материале немецкого языка). — В кн.: *Иностранный язык для научных работников. Теория и практика преподавания.* М., 1978.

ных союзов, союзных слов и словосочетаний в функции союзов в следственном значении, а также в связи со специализированным выражением следственных отношений комплексами типа: *Dies bedeutet, daß...*; *daraus folgt, daß...*; *daraus ergibt sich, daß...*; *dies hat zur Folge, daß...*; *es stellt sich heraus, daß...*; *es zeigt sich, daß...*; *aus... geht hervor, daß...*; *das läßt darauf schließen, daß...* и т.д., внесла свой вклад в увеличение частотности слов, входящих в состав этих комплексов. С этим же приемом, по-видимому, связано и увеличение частотности союзов *beziehungsweise* (604—34), *und zwar* (63—16), *nämlich* (113—26) в значении 'а именно' и др.

С приемом "Членение" также связано увеличение частотности определенных союзов и союзных слов (*andererseits* (112—31), *einerseits* (57—24), *einmal... zum anderen* (26—16), *ferner* (124—26), слов *weiter* (601—33), *schließlich* (185—30), *folgend* (329—30) и др.)⁴⁰.

Прием "Активизация внимания читателя", основанный на употреблении определенных оценочных предложений-комплексов с целью привлечь внимание к идущей вслед за ними информации, естественно, увеличивает частотность слов, входящих в комплексы типа: *Es sei erwähnt, daß...*; *es sei darauf hingewiesen, daß...*; *es sei hervorgehoben, daß...*; *es möge auch darauf eingegangen werden, daß...*; *es soll noch erwähnt werden, daß...*; или же в комплексы типа: *Es erwies sich als besonders interessant (wichtig, zweckmäßig)...*; *es scheint uns in diesem Zusammenhang interessant (von Interesse)...*; *erwähnenswert (wesentlich, bemerkenswert) ist auch, daß...*; *es liegt nahe (es ist naheliegend)...*; *es kommt darauf an...*; *es ist vielleicht nicht überflüssig zu bemerken, daß...*; *es ist vielleicht nicht zwecklos, die Aufmerksamkeit darauf zu lenken, daß...* и т.д.⁴¹

Прием "Обобщенность изложения", основой которого является "сокрытие", неназывание автора, несомненно привел к низкой частотности местоимений *ich* (193—18)⁴² и *mein* (36—11) и сильно повысил частотность, например, таких слов, как *Verfasser* (142—27), *Autor* (157—24), *Arbeit* (640—34) и др.

Прием "Экономичность выражения", хотя его основу образуют синтаксические средства, также не мог не внести своего вклада в увеличение частотности, например частотности некоторых слов, входящих в ссылки, цель которых — напомнить читателю, что данная информация (и обычно более подробно) уже излагалась в другом месте, например: *wie schon erwähnt wurde*; *wie bereits einleitend (oben) erwähnt*; *wie bereits mitgeteilt*; *wie früher beschrieben*; *wie eingangs betont*; *wie im vorstehenden Abschnitt dargelegt*; *wie angegeben*; *wie schon festgestellt wurde*;

⁴⁰См. подробнее: *Троянская Е.С.* К вопросу о технико-стилистических приемах в научной речи. — В кн.: *Язык научной литературы*, с. 69—70.

⁴¹Там же, с. 72 и след.

⁴²По данным нашего анализа, на 2 тыс. элементарных предложений местоимение *ich* в качестве подлежащего встречается в научном стиле со следующей частотностью: в математике — 0, в физике — 3, в химии — 2, в биологии — 0, в геологии — 2, в электротехнике — 0, в языкознании — 5 (см.: *Троянская Е.С.* "Безличность" изложения — важный лингвистический признак стиля научной речи. — В кн.: *Лингвометодические основы преподавания иностранных языков*. М., 1979).

wie bereits gezeigt и т.д. Данный прием, несомненно, повлиял и на качественные особенности лексики, а именно на создание терминологического слоя, поскольку термин должен обладать не только однозначностью, но и емкостью значений: слово-термин обычно предполагает наличие дефиниции (достаточно пространной), раскрывающей его значение.

Особо следует остановиться на приеме "Стандартность", поскольку он накладывает отпечаток на употребление лексики, вызванное к жизни всеми упомянутыми выше факторами, и способствует повышению частотности тех слов, которые можно было бы условно назвать о б щ е н а у ч н ы м и: в стиле научной речи стандартизирована форма описания ситуаций, связанных с темой "Исследование", а также все стилистические приемы. Это обусловило возникновение лексического ядра, определенного количества высокочастотной лексики, частотность которой тем выше, чем в большем количестве ситуаций она используется и чем большее количество стилистических приемов она обслуживает.

В целом же можно сказать, что как качественные характеристики лексики (соотношение различных "стилистических" слоев, экспрессивно-стилистические характеристики и другие упоминавшиеся выше особенности), так и ее количественные характеристики дают возможность легко отделить стиль научной речи от разговорного стиля, стиля художественной литературы и публицистического стиля. Гораздо труднее разделить научный стиль и стиль официально-деловой речи. Представляется, что с точки зрения качественной характеристики лексики обоих стилей принципиальной разницы фактически нет. Релевантной будет, по-видимому, лишь количественная характеристика лексики — разница в частотности отдельных слов и групп слов, связанная в основном с темой (и тематическими ситуациями), т.е. с содержанием высказывания, и в меньшей степени с применением различных в обоих стилях приемов ясности изложения.

И.З. НОВОСЕЛОВА, И.Ф. ТУРУК

ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ НАУЧНОГО ТЕКСТА

Настоящая статья посвящена одному из многих аспектов изучения языка научного высказывания, его анализу с точки зрения структурно-семантических единиц. Ниже предлагается классификация подобных единиц научного высказывания на материале английского языка:

1. Текст-лекция, представляющая собой ряд, цепь описаний (экспозиций), более свободная с точки зрения семантико-синтаксической структуры, чем другие единицы высказывания.

2. Описание (экспозиция), представляющее собой ряд, цепь эпизодов высказывания, где Р — выражение вероятности закона, положения, процесса, факта и т.п.; О — выражение центральной мысли; Д — развитие центральной мысли; Т — выражение заключительной мысли. Таким образом, описание — (Р) СД (Д₂ . . .) Т (Т₂ . . .). Исходя из этой формулы, мы можем утверждать, что описание состоит из: одного необязательного

(в скобках) эпизода, выражающего вероятность; одного обязательного эпизода, передающего центральную мысль; одного обязательного эпизода, выражающего развитие этой мысли, причем за ним может следовать любое количество необязательных эпизодов, также выражающих развитие центральной мысли (в скобках), и, наконец, одного обязательного эпизода, выражающего заключительную мысль, за которым может следовать любое количество необязательных эпизодов, также выражающих заключительную мысль (в скобках).

3. Эпизод. Структура собственно эпизода, в свою очередь, распадается на следующие компоненты: F — главная мысль; E — ее расширение; C — заключение. Таким образом, формула эпизода — FE (E₂ . . . n) C, где вслед за обязательным расширением, уточнением главной мысли может следовать любое количество необязательных (в скобках).

4. Наименьший структурно-семантический элемент — это предложение (фраза).

В процессе дискурсивного анализа высказывания, в соответствии с теорией Синклера и Коултарда¹, следует различать следующие семантико-структурные категории (функции):

1. Центральная мысль.

2. Заключение, которое, в свою очередь, может распадаться на подтверждающее его утверждение, центральную мысль заключения, утверждение, подводнящее итог всему заключительному высказыванию.

3. Описание, которое подразделяется на описание процессов (явлений) с раскрытием причинно-следственных связей, предшествующих событий, действий, явлений.

4. Собственно утверждение: утверждение факта, точки зрения, правила, физического закона и т.п.

5. Резюме (подведение итогов) высказывания.

6. Мотивирование мнения, действия, метода и т.д.

7. Обоснование выдвинутого предложения, утверждения и т.д.

8. Оценка высказывания: ограничение отдельных его моментов, частичное отрицание предшествующих утверждений, предположений и т.п.

9. Противопоставление, состоящее в проведении сравнения между предшествующими фактами, событиями и т.д.

10. Объяснение: разъяснение, толкование предшествующего утверждения, описания, причинной связи и т.д.

Немалое место в процессе дискурсивного анализа научного высказывания занимает раскрытие внутри- и внетекстовых связей. В качестве примера рассмотрим одну из категорий внутритекстовых связей, так называемый сигнал — маркер, который подразделяется на сигнал перехода, имеющий явно выраженную дискурсивную функцию, сигнализируя о границах, и сигнал контраста, который включает и сравнение и контрастирование, реализуемое такими словами, как *but*, *yet*, *whereas*, *however*. Тем не менее сигнал, очевидно, следует считать лишь факультативным средством выражения. На уровне предложения (фразы) следует распоз-

¹ Sinclair J. Mc. H., Coulthard M. *Towards an analysis of discourse*. Oxford. Oxford University Press, 1975.

навать фокусирующее предложение, например: Now, what I mean by that is this; описывающее предложение: When you take this network you occupy the equivalent circuit and you put a perfect voltmeter on here; объясняющее предложение: No current is drawn between A and B that means open circuit, no circuit is connected there at all; заключительное предложение: Right (сигнал), so that is the voltage across there. Дальнейшая детализация функций хотя и возможна, но вряд ли нужна и с теоретической и с практической точек зрения.

Ниже предлагается анализ связей текста внутри предложения, определяющих значение высказывания, соединяющих одну часть текста с предшествующими и последующими. Мы выделяем пять главных связующих средств: 1) упоминание о ком-либо (о чем-либо), т.е. ссылка; 2) субституция, замещение; 3) эллипс, сжатие формы (нулевая субституция); 4) собственно союзная связь и 5) лексическая связь.

Ссылки в тексте могут быть подразделены на внутренние (эндофорические) и внешние (экзофорические). Первые соотносятся с контекстом ситуации, вторые — с единицами высказывания внутри самого текста. Лекция — это пример того, что М. Халлидей и Р. Хазан² называют "языком в действии", где текст, очевидно, содержит большое количество примеров экзофорических ссылок. Анализ текста с учетом кинесики подтверждает подобное наблюдение, например: This is going to cost more to make (когда лектор произносит this, он указывает на диаграмму). Экзофорический отрезок высказывания как бы сигнализирует о том, что ссылка должна относиться к контексту ситуации. Тем не менее она не способствует интеграции одного отрывка высказывания с другим в единый текст. Б. Вийясурия³ замечает, что ссылки, которые могут быть по своей сути эндофорическими, будучи использованными в лекции, превращаются в экзофорические.

Внутритекстовое использование ссылки может быть ссылкой на уже сказанное (анафора) или на то, что предстоит сказать (катафора). Катафорическая ссылка является своего рода предупреждением о том, что последует за предшествующим высказыванием, например: Let's put it this way, где it относится в данном случае к закону Ома, о котором речь в лекции пойдет ниже.

Анафорическая ссылка предполагает помочь читателю и слушателю связать воедино различные части высказывания, например, в предложении: The proof of that is fairly simple if you need one, где that относится к эффекту приложения момента, о котором шла речь в предыдущих утверждениях лекции. Это пример так называемой указательной ссылки, которая выражается обычно указательными местоимениями, а также определенным артиклем, являющимся своего рода сигналом адекватности ссылки с некоторым предшествующим высказыванием.

В научном высказывании можно выделить также личные авторские ссылки, выраженные обычно личными и притяжательными местоимениями.

² Halliday M., Hazan R. Cohesion in English. London, Longman, 1976, p. 34.

³ Wijasuriya B. The occurrence of discourse markers and intersentence connectives. Manchester, 1971.

	Внешние/внутренние	Внутренние (за исключением особо отмеченных случаев)
Соединительные	Соединительные, простые: утверждающие – and, and also; отрицательные – nor, and. . . not; альтернативные – or, or else	Сложные, усилительные: соединительные – furthermore, in addition, besides; альтернативные – alternatively; сложные, второстепенные, вводные – by the way
Противительные	Собственно противительные: простые – yet, though, only; содержащие усиление – however, nevertheless, despite this	Контрастные: подтверждающие что-либо – in fact; внешне контрастные, простые – but, and; усилительные – however, on the other hand, at the same time
Причинные	Общие причинные, простые – so, then, hence, therefore; усилительные – consequently, because of this; особые причинные, выражающие мотив действия (основу фактов), – for this reason, on account of this; результативные – as a result, in consequence; целевые – for this purpose, with this in mind	Обратно-причинные, простые – for, because; особые причинные, выражающие мотив действия (основу факта), – it follows; on this basis; результативные – arising out of this; целевые – to this end
Временные	Простые временные (только внешние), выражающие последовательность, – then, next, after that; выражающие одновременность – just then, at the same time; выражающие предшествование – previously, before that; заключающие: простые – finally, at last; коррелятивные формы, выражающие последовательность, – first – then; заключающие – at first, in the end	Сложные (только внешние), выражающие непосредственное следование за чем-л., – at once, thereupon; выражающие интервал в чем-л. – soon, after a time; выражающие повторимость – next time, on another occasion; выражающие специфические временные отношения – next day, an hour later; выражающие длительность – meanwhile; выражающие ограничение сроком – until then; выражающие определенный момент – at this moment

ми. Кроме того, выделяются так называемые сравнивающие ссылки, выраженные такими прилагательными, как same, similar, other, different, better, равно как и наречиями similarly, differently, likewise, equally, например: . . . and likewise with the vertical end, где likewise означает: all that has been written about the other vector is true of the vertical forces.

Субституция – замещение, точнее определяется с грамматической, а не с семантической точки зрения, так как критерием здесь следует считать грамматическую функцию замещаемой единицы. По сути, мы имеем дело с перефразированием существительного, глагола, придаточного предложения. Ниже приводится примерный список таких заместителей, который в английском языке невелик.

Заместители существительного: one, ones, same, that, those. Заместитель глагола: do. Пример употребления в тексте заместителей: It is a

Сложные разъяснительные – that is, we mean, in other words; иллюстрирующие что-либо – for instance, thus

Сравнительные, параллельные – likewise, similarly, in the same way; контрастные – on the other hand, by contrast

Исправляющие, уточняющие – instead, rather, on the contrary; исправляющие, уточняющие словесную формулировку – at least, rather, we mean

Выражающие отказ от ранее высказанного: окончательный – in any case, in either case, whichever way it is; предполагающий неуверенность автора – in any case, anyhow, at any rate, however it is

Условные (также и внешнеусловные): простые – then; усилительные – in that case, in such an event, that being so; обобщающие – under the circumstances; противопоставляющие – otherwise, under other circumstances

Соответствующие чему-л.: непосредственно соответствующие – in this respect, in this regard, with reference to this; противопоставляющие – otherwise, in other respects, aside from this

Внутренние временные: выражающие последовательность – then, next, secondly; заключающие – finally, in conclusion; коррелятивные формы, выражающие последовательность, – first... next; заключающие – finally

В данном месте и в данный момент: прошедшее – up to now, hitherto; настоящее – at this point, будущее – from now on, hence forward; резюме: подведение итогов – to sum up, in short, briefly; выражающие обобщение – to resume, to return to the point

---

very straightforward case exactly the same as we drew up on page 5, but it can be done the other way round.

Эллипс, сжатие формы, близко примыкает к субституции и может быть назван нулевой субституцией. Приведем некоторые примеры: So the magnitude of one force then defines the magnitude of the other two, где слово forces опущено после two; What we must do now – think of some efficient way, где we must опущено перед think. Эллипс более характерен для устной формы научного высказывания, однако и в письменной научной речи под влиянием устной формы научного высказывания, в частности такой, как научная лекция, сообщение, он все более становится нормой.

Рассматривая союзные элементы как связующие, цементирующие средства текста, очевидно, следует обратить внимание прежде всего не на

смысловые связи в тексте, выраженные грамматическими средствами, а на функцию установления ими таких связей между языковыми единицами, которые употребляются в тексте в определенной последовательности, но не связаны друг с другом какими-либо структурными средствами. Выше приводится сводная таблица, в которой на материалах, предложенных Халлидеем и Хазаном, сделана попытка показать союзные связи, существующие в английском языке, характерные для письменного и устного научного высказывания, прежде всего с учетом выражаемых ими семантических функций.

Следует обратить особое внимание на противительные и причинные связи в приведенной выше таблице, ибо именно они играют особую "сигнализирующую" роль в научном высказывании. Например, такие простые слова, как *so*, *then*, *therefore*, выражающие причинные связи, воспринимаются как сигналы к заключению в изложении мысли: *And so the rest of the triangle is defined* или *So the magnitude of one force then defines that of the other two*. Кроме того, слова, выражающие причинные связи, как бы сигнализируют о том, что информация, следующая за ними, важна и должна быть удержана в памяти. Это особенно четко видно при сравнении слов, выражающих причинные связи со сложными второстепенными, соединительными словами, например: *By the way the voltage across is proportional to R_2 clearly*.

Слова, выражающие противительные связи и исправляющие, уточняющие значения уже сказанного, также являются сигналом важной информации. Они заставляют читателя, с одной стороны, обратить внимание на то, что последует за ними, а с другой — как бы отбросить (частично или полностью) то, что им предшествует, например: *On the contrary, that is quite sufficient for most engineering problems*.

Очевидно, изучение частотности каждого вида связи в научном высказывании и сравнительный анализ полученных данных были бы полезны при создании соответствующих учебных материалов.

Помимо четырех упомянутых типов связующих средств можно указать и на лексическую связь в научном высказывании. Имеется в виду связующий эффект, который может быть достигнут определенным отбором используемого словаря. Так, например, в процессе изложения автор может перифрастически неоднократно повторять наиболее важные для него положения высказывания. Такая повторная лексикализация обеспечивает преднамеренную языковую избыточность научного высказывания, снижая возможность его непонимания, делая более доступным для читателя.

В статье мы изложили некоторые возможные варианты дискурсивного анализа научного текста. Однако для более полного и всестороннего анализа устной формы научного высказывания (лекция, сообщение и т.п.) необходимо привлечение кинесических данных, что составляет тему отдельного исследования, проводимого в настоящее время авторами.

II. СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СВЯЗНОСТИ В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ

М.П. КОТЮРОВА

ОБ ЭВОЛЮЦИИ ВЫРАЖЕНИЯ СВЯЗНОСТИ РЕЧИ В НАУЧНОМ СТИЛЕ XVIII–XIX вв.

Первая треть XVIII в. — это время, когда в России происходит энергичное обучение основам наук, что влечет за собой составление и перевод разнообразных учебников — от простых практических руководств до сложных теоретических курсов. "И первые три десятилетия XVIII в. — эпоха напряженного лингвистического творчества авторов научных книг и переводчиков по созданию русской научной терминологии. Этот лингвистический вопрос стал тогда вопросом государственной важности: от его разрешения зависело русское научное и техническое образование", — отмечает Л.Л. Кутина¹. Лингвистическое творчество просветителей проявлялось не только в отношении терминологии: систематическое изложение основ научных дисциплин (арифметики, геометрии, механики, астрономии, географии и др.) способствовало формированию научного стиля² русского языка.

Для исследования проблемы становления и развития научного стиля русского языка значительный интерес представляет изучение эволюции выражения категории связности речи³ в научном стиле с начала XVIII в. Выражение связности речи — одной из основных категорий научного стиля, — начиная с научных книг XVIII в., обусловлено необходимостью фиксации не только логико-содержательной стороны речи, но и речетекстовой композиции научного произведения. Можно полагать, что эволюция познавательной деятельности требовала все более точно, адекватно выражать научное знание как результат научного творческого мышле-

¹ Кутина Л.Л. Формирование языка русской науки. М.—Л., "Наука", 1964, с. 7.

² Мы опираемся на более широкое (сравнительно с утвердившимися в советской стилистике) определение стиля, сформулированное К. Гаузенбласом в 1972 г. как общий интеграционный принцип высказывания (текста). Широта осмысления понимаемого таким образом стиля заключается в том, что в его содержании могут участвовать разнородные элементы, в частности не только собственно языковые, вербальные, но и невербальные (тематические, композиционные и т.д.). См.: Кожина М.Н. О некоторых стилистических исследованиях последних лет в Чехословакии и ГДР. — ВЯ, 1979, № 1, с. 116.

³ Кроме того, по мнению М.Р. Майеновой, "исследование связности текста может стать основой для стилистической характеристики текстов, выделения некоторых типизированных видов текста, типологии литературных жанров" (см.: Янус Э. Обзор польских работ по структуре текста. — В кн.: Синтаксис текста. М., "Наука", 1979, с. 331).

ния⁴. В силу бесконечной воспроизводимости познавательной деятельности в языке формируются разнообразные по составу, но близкие (и даже тождественные) по функции средства выражения тех или иных мыслительных операций⁵.

Вопрос о связности научной речи решался в функциональной стилистике на материале связи самостоятельных предложений. Имеющаяся довольно обширная литература создала все необходимые предпосылки для изучения связи более сложных единиц речи — абзацев. Интерес к абзацу усилился в последнее время в связи с попытками выделить и определить большую, чем предложение, синтаксическую единицу. "Для научной прозы характерно четкое деление на абзацы и цепь абзацев, многообразно скрепленных друг с другом во всех своих частях различными средствами связи", — подчеркивает М.П. Сенкевич⁶. И.П. Севбо считает абзац "основной единицей исследования текста"⁷. В данной статье эволюция выражения связности речи рассматривается на материале изменения связи абзацев в научном стиле XVIII и XIX вв.

Прежде всего остановимся на некоторых особенностях членения на абзацы научного текста XVIII в. Научный текст начинает осознаваться не только как способ выражения содержания, но и как форма, тесно связанная с содержанием, обусловленная им, но самостоятельная, требующая пристального внимания к себе, тщательной шлифовки. Текст приобретает определенную структуру, и части его располагаются в заданном порядке, который сообщается читателю "заранее", перед чтением самого труда. Так появляются подробные, иногда на нескольких страницах оглавления. Например, сочинение И. Комова "О земледелии" (378 страниц) состоит из 53 абзацев. В оглавлении же 50 названий, т.е. почти каждому абзацу соответствует заголовок. Все заголовки оформлены одинаково, с предлогом *о*: *О том, как растения с места на место ходят; О движении растений; О сне и бдении растений* и т.д. Все абзацы пространны (первый занял 22 страницы), отделены друг от друга пробельной строкой. Выявлены случаи, когда членение на абзацы проведено формально, граница их проходит внутри предложения, например: ". . . питательный сок. . . переваривается и во все уды онаго, то есть в корень, листы и цве-

⁴ Ср.: "Научный стиль необходимо рассматривать конкретно-исторически, в процессе его развития, так как формирование его происходит в связи с развитием научного мышления, с историей самой науки, с дифференциацией наук, с историей развития национального языка" (Сенкевич М.П. *Стилистика научной речи и литературное редактирование научных произведений*. М. "Высшая школа", 1976, с. 26).

⁵ Мыслительные операции условно можно разделить на логические, в результате которых устанавливаются логические отношения между понятиями, суждениями, умозаключениями, логемами, и композиционные, которые связаны с композицией текста, выстраиванием единиц речи (слов, предложений, сложных синтаксических целых) в соответствии с линейностью речи. На этом основании мы выделяем логический и композиционный аспекты связности речи. Кроме того, в тексте имеет место тематическая связь единиц речи, которую мы рассматриваем как содержательный аспект связности речи.

⁶ Сенкевич М.П. Работа редактора над сложным синтаксическим целым и абзацем. М., 1968, с. 26.

⁷ Севбо И.П. Структура связного текста и автоматизация реферирования. М., "Наука", 1969, с. 9.

ты разливается, где годные частицы в части растения претворяются, а негодные выпускаются на воздух, что более бывает чрез листья, которые для того. . .” (Ком., 91).

В первом и наиболее научном страноведческом описании России И.К. Кирилова все 12 губерний России описаны по плану, основные разделы которого приведены в предисловии, или “Кратком известии”, к каждой книге “Цветущего состояния Российского государства”. В соответствии с этим планом текст делится на абзацы, не соединенные друг с другом. Как только автор выходит за установленные им жесткие рамки изложения, включает в книгу важные, с его точки зрения, экскурсы в историю, географию и этнографию народов России, появляется нестандартизованный связный текст.

Следование разработанному плану находим и в других сочинениях, в частности в географических описаниях В. Зуева, например:

”Лугань. Бывшее Дворцовой канцелярии село. . .

Город отстоит от Москвы 509 верст. . .

Уезд его граничит с Севским. . .

Кромь. Город при царе. . .

Город отстоит от Орла. . .

Уезд Кромской граничит с Орловским. . .

Брянск. Город старинной. . .” (3., 125–126).

Членение на абзацы свойственно всем научным книгам. Об этом свидетельствуют и пробельная строка, и красная строка, и сплошная нумерация абзацев, нередко со знаком §, хотя в научной речи XVIII в. происходит лишь формирование абзаца как семантико-синтаксической единицы текста⁸. В соответствии с усложняющейся, иерархической структурой текста оглавление постепенно становится более обобщенным; устраняется его дробность, абзацы приобретают большую компактность, смысловые границы их — четкость. Появляется необходимость обратить внимание читателя на основные мысли в сообщении. С этой целью используется выделение курсивом начальных слов некоторых абзацев.

В наиболее сложных, например математических, текстах такой формы “помощи” читателю для лучшего ориентирования в тексте оказывается недостаточно, здесь находят широкое применение специальные “указатели”, называющие некоторые мыслительные операции. Эти указатели направляют читательскую мысль по заданному автором руслу, например:

”Доказательство

Из самого решения явствует. . .

Мнение V

40. Знак вычитания будет черта. . .

Положение IV

41. Разность двух чисел не переменится. . .

⁸ Так, становление абзаца как единицы синтаксической организации текста Н.М. Разинкина называет одним из чрезвычайно существенных процессов в области синтаксиса английской научной прозы XVIII в. (*Разинкина Н.М.* Развитие языка английской научной литературы (лингвостилистическое исследование). М., “Наука”, 1978, с. 104.

Доказательство

В сем положении утверждается, что...

Присовокупление

42. В предложенном выше решении...” (Кот., 21–22).

Еще пример: ”§35. *Задача*. Данное число на другое умножить.

Решение. Положим, что число... должно умножить...

Примечание. Поелику таковое умножение никогда не производится...

§ 36. *Аксиома*. Ежели равныя количества умножены будут...

§ 37. *Задача*. Данное число помощью таблицы умножить на другое.

Решение. Подписавши под множимым числом множителя, как в § 26 показано, проводится под ним черта...

Доказательство. Из самого действия видно, что...

Прибавление I. Ежели...” (В., 20–22).

Как видно, специальные словесные обозначения некоторых моментов могут быть употреблены или над абзацем (в качестве своеобразного заголовка), или в начале абзаца (выделены графически). Они служат и членению речи на смысловые отрезки, и связи этих отрезков, объёму и членению их. В научной речи XVIII в. употребляется широкий круг слов, словосочетаний и целых предложений для связи предложений и абзацев, шире — для выражения содержательного, логического и композиционного аспектов связности речи.

Содержательный аспект связности любого текста может быть выражен лексическими повторами имен существительных, словосочетаниями существительных с указательными местоимениями, личными местоимениями 3-го лица. По функции в тексте мы различаем повторы анафорические, которые являются средствами связи, и неанафорические, которые служат прежде всего для выражения целостности содержания, поддерживают тематическое единство. Естественно, что последним свойственна функция связи самостоятельных предложений и абзацев, однако для нас в данном случае важно то, что эта их функция второстепенная, периферийная.

Из перечисленных средств в научном стиле XVIII и XIX вв. наиболее употребительны анафорические лексические повторы. В качестве повторов чаще всего выступают термины (например, в текстах по геологии — *горы, лавины, магма, вулкан, месторождение* и др.; по физике — *теплота, движение, напряжение*; по литературоведению — *просвещение, теория, классицизм, эпопея*; по математике — *функция, интеграл, доказательство*; по географии — *ландшафт, прибой, растительность* и др.). Одни и те же термины могут быть употреблены в качестве повторов в разных науках: *система, функция* — в физике и математике, *горы, вода* — в географии и геологии и т.д., что объясняется единством объекта исследования и определенной нерасчленённостью терминологии в циклах наук.

Естественно, что в качестве повторов могут быть и общеупотребительные слова, в том числе отвлеченные имена существительные. Некоторые из них, употребляясь вместе с указательными местоимениями *этой, такой*, используются как специальные средства связи предложений и абзацев. В текстах XVIII в. выявлены словосочетания: *сие обстоятельство*

во, *сие явление, сии явления, в сем случае, в сих случаях*, в текстах XIX в. — *это явление, в этом случае, в этом отношении*, в текстах XX в. — *это обстоятельство, это явление, этот факт, эта точка зрения, в этом случае, в этом отношении, в этой связи, на этом основании, с этой целью, для этой цели, с этой точки зрения, в то же время* и др. Одни из этих словосочетаний выражают в тексте только замещение, "чистое" повторение (*сие явление, это обстоятельство, эта точка зрения*), другие как бы расчленяют рассматриваемый объект и позволяют осмыслить предшествующий и последующий контексты как цель и действие, причину и следствие, явление и причину, основание и результат и другие взаимосвязанные категории. Нетрудно заметить, что последние выражают не просто содержательную связь, но и логические отношения.

Слова *мысль, мнение, предположение, вопрос, проблема*⁹, *явление, обстоятельство, процесс, причина, положение, подход* в речи требуют конкретизации в силу своей чрезвычайно широкой семантики. Если эти слова имеют при себе конкретизирующие детерминанты (обычно существительные в косвенных падежах), то функции связи не выполняют. Однако они могут быть употреблены с указательными местоимениями, которые являются формальными определяющими словами, но благодаря своей замещающей функции наполняют конкретным содержанием данное слово, например: *Аналогия с тиомочевинным и другими соединениями заставляет нас признать в этом веществе. . . Произведенные мною наблюдения вполне подтверждают это предположение. . .* (К., 101); *Количество зародышей постепенно увеличивалось. . . Я положил себе задачу постоянно следить. . . Для этой цели я выбрал. . .* (Ценк., 54); *Из упомянутых наблюдений Фай нашел, что Р заключается. . . Против этого вывода восстал Шпорер. . .* (Бел., 51).

Семантика существительных *вопрос, проблема, положение, предположение, явление, цель, задача, вывод* и др. в сочетании с указательными словами зависит от предшествующего контекста, и это позволяет говорить о данных словосочетаниях как о "сильнодействующих" средствах связи единиц текста, особенно абзацев. Подчеркнем, что существительные в сочетании с указательными местоимениями могут быть средствами выражения как содержательного, так и логического аспекта связности речи, поскольку некоторые словосочетания передают целевые, причинно-следственные, уточнительные, пояснительные отношения.

Средства выражения логического аспекта в зависимости от их значения в контексте образуют несколько групп: 1) со значением сопоставления, в частности: а) тождества (*такой же, так же, таким же образом, равным образом и др.*); б) аналогии, сходства, подобия (*подобный, подобно, аналогичный, аналогично, сходный, эквивалентный*); в) разграничения (*другой, по-другому, иной, по-иному, противоположный, прочие, с одной стороны, с другой стороны*); г) противопоставления (*а, но, или, однако, же, наоборот, напротив*); д) сравнения (степень

⁹ Т.В. Радзиевская называет эти и подобные слова номинациями результатов интеллектуальной деятельности (*Радзиевская Т.В.* Анафорические имена с антецедентом-высказыванием. — Изв. АН СССР, СЛЯ, 1979, т. 38, № 2, с. 129).

сравнения прилагательных и наречий); 2) со значением присоединения (*наконец; также, тоже, кроме того, сверх того, более того, при этом, вместе с тем, да и, кстати, еще*); 3) со значением уточнения (*так, например, в частности, в этом отношении, с этой точки зрения, то есть, впрочем, во всяк м случае, единственно*); 4) с причинно-следственным значением (*поэтому, тогда, в силу этого, вследствие этого, ибо, на этом основании*); 5) со значением цели (*для этой цели, с этой целью*); 6) с временным и пространственным значениями (*сначала, потом, затем, впоследствии, теперь, далее*).

Средства выражения логических отношений к началу формирования научного стиля в литературном языке в основном сложились, авторы пользовались уже готовым "материалом". Другое положение создалось с формированием средств, выражающих композиционный аспект связности речи. До появления научных книг на русском языке в них не было необходимости. Но с возрастанием роли обобщения, абстрагирования появляется необходимость выразить и сам процесс мышления. Поскольку специальных средств для этого в языке нет, ученый сопровождает переходы к новой мысли довольно подробными разъяснениями, например: *Оканчивая сию главу запотребно нахожу некоторое краткое приложить о разных мерах ведение* (Ц., 40); *При начале рассуждения о логарифме потребно для лучшей ясности наперед сказать, что. . .* (Ц., 55); *Хотя и не предвидится дальней нужды, чтоб здесь начало и происхождение татарских народов с такою прилежностию изыскивать и рассматривать, как выше сего. . . показано, но. . .* (Р., 70); *Весьма было бы пространно, если бы хотел я теперь изобразить в подробность все те погрешности, которые в рассуждении всех вышепомянутых вещей мне по сие время приметить случилось, и для того по намерению моему упомяну теперь об одном только разбирании свойств и качеств земель* (Бол., 10).

Показатели выражения композиционного аспекта связности речи могут находиться в любом месте — в начале, середине или конце — предложения, абзаца и т.д., тогда как показатели связи предложений и абзацев, выражающие тематическую связь и логические отношения между этими единицами, находятся преимущественно в анафорической позиции. Показатели выражения композиционного аспекта, находящегося в начале предложения и абзаца, являются более сильными функционально, поэтому при количественном анализе нами учитывались лишь средства в "сильной позиции" — в начале абзаца (реже — в конце).

Языковыми средствами, связанными с построением текста, являются наречия, причастия, вводные слова, специальные обороты и конструкции связи, которые при восприятии текста играют определенную "направляющую", организующую роль. Эти языковые средства свидетельствуют об отдельных операциях, моментах мышления, тем самым выражая в целом процесс, движение мысли. К группе средств, выражающих движение мысли, относим языковые единицы, которые фиксируют разные моменты:

1) "трафаретный" зачин изложения (может быть выражен словосочетаниями и конструкциями, образованными по моделям: *я(мы) намерен(ы) + инфинитив глагола мысли или речи; я хочу(хотел бы) + инфинитив глагола мысли или речи; я постараюсь, я считаю нелишним, мы не*

считаем лишним + инфинитив глагола той же группы. Употребляются в научной речи и такие зачины, как *предметом... будет, в предполагаемом труде рассматривается задача, статья имеет целью* и др.). Эти зачины могут быть распространенными и представлять собой подробное изложение цели или причины научного сообщения: *Предметом предстоящего курса будет теория электричества, со включением магнитных явлений* (Ст., 11); *В сегодняшней лекции я намерен предложить вам краткий обзор различных отделов нашего предмета* (Там же);

2) активизацию мысли (*рассмотрим; заметим, что; будем полагать; обратимся; покажем, что; подчеркнем, что*): *Рассмотрим, однако, несколько ближе причины этого влияния...* (Стебут, 43); *Представим себе какое-нибудь твердое тело...* (Кон., 5); *Заклучим наше рассуждение об изогнутых пластах одним важным замечанием...* (М., 218); *Этим мы и закончим общий обзор Арало-Каспийского края и перейдем к его растительности* (Б., 25); *Посмотрим, каким образом определяются составные части каждой из этих групп, а потом перейдем к исследованию раствора...* (Ив., 49);

3) логическое выделение мысли (*важно отметить, что; следует обратить внимание на то, что; необходимо указать на то, что; я должен заметить только, что; не должно забывать, что*): Но при этом *надо заметить только одно...* (М., 214); *Наконец, следует упомянуть еще о том, что...* (Стебут, 221); *Наконец, приметить также должно, что некоторые руды требуют повторяемого промывания...* (Сев., 57); *Я должен указать здесь еще на то обстоятельство, что...* (М., 217);

4) связь с вышесказанным (*было показано, что; выше было указано, что; как было ранее отмечено; мы видели, что*): На основании *вышеизложенного упругость пара...* (Кон., 36); *Сделанная выше характеристика рек Западного склона...* (М., 25); *Выше сего я объявил, что...* (М., 227); *Особенность рясковых заключается, как мы видели, между прочим, и в том, что...* (Бек., 4); *Выше мы сказали, что эти растения требуют...* (Стебут, 341);

5) связь с последующим (*будет видно из дальнейшего; будет дано в последующих §§; мы увидим ниже, что; как мы увидим далее*): В *нижеследующих* строках я постараюсь определить условия перегонки смеси жидкостей... (Кон., 35); *Понятно, однако, что... как это мы увидим ниже* (Ч., 123); *Основываясь на сказанном, ближайшие составные части растений можно распределить следующим образом...* (Г., 163); *Еще Гаспарини и Кюццинг выразили то мнение, что пластинка рясок может считаться листовым органом... (см. дальше)* (Бек., 4); *О верхушечных листьях пальм будет сказано дальше* (Бек., 93);

6) порядок изложения (*прежде всего, сначала, теперь, далее, затем, позднее, во-первых, во-вторых, первый, второй, следующий*): *Во-первых, по общему рудокопов согласию известно, что в рудниках...* (Лом., 336); *(Флора Арало-Каспийского края – отчасти только флора степей... Это первая отличительная черта физиономии флоры занимающего нас края.) Вторая отличительная черта есть...* (Б., 25); *Приступая теперь к намерению моему, должен я, во-первых, упомянуть, что...* (Бол., 7); *Обращаясь за-*

тем к попыткам установить границу... мы можем отметить два пути... (Кон., 2-3);

7) указание на итог, обобщение (таким образом; следовательно; итак; стало быть; словом; мы пришли к заключению, что; подытоживая, можно сказать, что): Итак, драконники и другие высокоствольные лилейные не представляют никакой сложности... (Бек., 159); Итак, буде хотим об удобрении земель основательно рассуждать, то надобно нам... вникнуть... (Бол., 38); Выше по Соборной горе валунные отложения становятся толще... Таким образом, мы видим, что валунные отложения... (М., 35).

Таковы моменты движения мысли, выражаемые в научной речи разнообразными средствами. Кроме того, в процессе мышления о явлениях действительности дается их логическая оценка. Эта оценка может относиться к фактической, содержательной стороне мысли, обозначая: а) сомнение в достоверности знания, неуверенность¹⁰ (выражается вводными словами *по-видимому, кажется* и такими оборотами, как *возможно, что; может случиться, что*), б) уверенность (*действительно; конечно; разумеется; несомненно, что; очевидно, что; ясно, что; нетрудно видеть, что*), в) констатацию факта (*мы знаем, что; считается, что; это значит, что; это свидетельствует о том, что*).

Оценка может относиться и к отбору и подаче отдельных мыслительных операций в ходе оформления их в виде научного текста. В этом случае можно выявить два значения оценки: а) возможность/невозможность той или иной мыслительной операции (*можно полагать, что; мы можем себе представить, что; возможно, что; мы не можем допустить, что*) и б) необходимость ее осуществления (*мы должны допустить, что; необходимо принять во внимание, что; нужно иметь в виду, что; следует отметить, что*).

Итак, композиционный аспект связности речи выражается оборотами и конструкциями связи, вводными словами, наречиями, прилагательными, причастиями от глаголов мысли, речи и восприятия, которые в контексте научного стиля имеют разные значения, в частности могут сигнализировать о тех или иных мыслительных операциях или фиксировать логическую оценку явления и мысли об этом явлении в процессе рассуждений и доказательств.

Анализ материала¹¹ показал, что связь абзацев выражается во всех научных произведениях XVIII и XIX вв. При этом выявлена заметная тенденция к более широкому выражению связности речи (в текстах из трудов XVIII в. среднее количество всех средств на 100 абзацев составляет 68, из

¹⁰ В.А. Никульшин отмечает, что "в философии имеются категории, позволяющие представить личностный аспект познания в развитии. К ним относятся убеждение и сомнение" (Никульшин В.А. Роль личностных категорий в процессе познания. Автореф. канд. дис. М., 1975, с. 4). Можно полагать, что в научном стиле, своеобразно преломляясь, эти категории получают определенное выражение языковыми средствами.

¹¹ Материалом для исследования послужили тексты трудов по математике, физике, химии, геологии, биологии, географии XVIII и XIX вв. Подвыборка по каждому автору равна 100 абзацам, общая выборка составила 8000 абзацев. Для анализа использовались статьи, учебные пособия (руководства), монографии.

тудов XIX в. — 79). Эта тенденция подтверждается данными, полученными нами ранее¹² на материале трудов XX в. (в этой выборке зафиксированы 83 средства в среднем на 100 абзацев). Подчеркнем, что в выборке из трудов ученых XVIII в. по разным наукам наблюдаются очень близкие показатели употребления рассматриваемых средств, диапазон колебаний — от 62 до 77. Причем в текстах по математике приходится 65 средств на 100 абзацев, т.е. даже несколько меньше средних показателей, характеризующих стиль. Любопытно, что географические работы не "отстают" от исследований по другим наукам в отношении выражения связи абзацев (ср.: математика — 65 средств, география — 63)¹³.

Увеличение количества средств связи абзацев можно отметить в текстах почти по всем наукам (математика, физика, химия, геология), так как оно обусловлено общими процессами теоретизации и математизации наук. Эта тенденция охватывает лишь один аспект связности речи — композиционный. В подвыборке из текстов XVIII в. выявлено 25 средств на 100 абзацев, а в подвыборке по XIX в. — 38, причем в текстах по математике количество средств выражения композиционного аспекта увеличивается более чем в два раза (с 37 до 82). Выражение содержательного и логического аспектов в среднем остается почти без изменения (содержательный — 28 и 27 средств соответственно по XVIII и XIX вв., логический — 16 и 14).

В сфере логических отношений для научного стиля XVIII и XIX вв. наиболее характерными можно считать присоединение, противопоставление и уточнение. При этом важно обратить внимание на определенные различия: в исследованных текстах по двум периодам выражение противопоставительных, присоединительных отношений и отношений тождества имеет тенденцию к сужению, а отношений причины и следствия, пространства и времени, аналогии, разграничения, цели — тенденцию к расширению. Таким образом, перераспределение средств выражения логических отношений идет в пользу более сложных, свойственных не описательному, а аналитико-синтетическому осмыслению действительности.

Композиционный аспект связности речи уже в текстах XVIII в. представлен широким кругом средств, причем все мыслительные операции, выраженные в текстах XVIII в., получают более широкое внешнее оформление в научном стиле XIX в. (например, число средств выражения связи с вышеизложенным возрастает от 6 на 100 абзацев до 10, активизации мысли — от 1 до 5, констатации факта — от 1 до 2,5 и т.д.). Снижения указан-

¹² См.: Котурова М.П. О связи предложений и абзацев в научной речи. — В кн.: Лингвостилистические исследования научной речи. М., "Наука", 1979.

¹³ Количество средств связи самостоятельных предложений в научных текстах XIX—XX вв. весьма заметно дифференцирует тексты по математике, где выявлены 73 средства связи на 100 предложений, и географии (50 средств связи на столько же предложений) (см.: Котурова М.П. Лингвистическое выражение связности речи в научном стиле (сравнительно с художественным). Автореф. канд. дис. Саратов, 1974). Формирование в XIX—XX вв. рассуждения (доказательства) привело к значительному различию текстов, в разной степени использующих этот тип речи (математика, физика, с одной стороны, география, геология, медицина — с другой).

ного показателя ни по одной группе средств этого аспекта связности речи не выявлено.

Далее рассмотрим своеобразие эволюции особых оборотов и конструкций связи, специфичных для научной речи. Общее количество их заметно увеличивается в текстах XIX в.¹⁴, так как происходит формирование системы средств выражения процесса мышления. В выборках по каждому веку большую часть составляют обороты и конструкции связи со значением движения мысли. Естественно, что с этой целью употребляются главным образом такие языковые единицы, которые фиксируют наиболее очевидные отношения последовательности — линейное соотношение. Не случайно наиболее типичные для текстов XVIII в. причастия от глаголов мысли и речи включают элементы *выше — ниже*: *вышесказанное, вышеозначенное, вышеописанный, вышеупомянутый, нижеследующий*. По существу эти причастия являются внешними показателями связи, своеобразными ярлыками. Нередко причастия имеют зависимые слова, которые уточняют момент изложения мысли, например: *упоминаемый теперь* род испытаний (Л., 33); *по способу, ниже сего изложенному* в § 220 (Иван., 81); *из сказанного доселе* видно, что (Макс., 50).

Характерно, что причастия широко употребляются в текстах XVIII в. по разным наукам: у химика Т. Ловица — 20 причастий из 34 выявленных оборотов и конструкций связи, у физика Г.-В. Рихмана — 15 причастий из 34 конструкций связи и т.д. Надо сказать, что благодаря весьма определенной, конкретной функции данные причастия используются и в научном стиле XIX в. (Н. Иванов — 18 причастий из 26 конструкций связи, А. Воскресенский — 12 из 34, А. Фаминцын — 13 из 23 и т.д.) и некоторые из них сохраняются в XX в. Несмотря на это, в целом уже в XIX в. их становится значительно меньше, на первое место выдвигаются конструкции и обороты связи со значением активизации мысли (*заметим, что; положим, что; посмотрим, каким образом; рассмотрим; перейдем* теперь и др.). Важно отметить, что эти глаголы с четко выраженным значением в контексте имеют синонимичные выражения, которые в ряде случаев составляют пары или ряды: *возьмем на замечание — заметим, что; станем рассматривать — рассмотрим; остановимся здесь на несколько времени, чтобы бро-*

¹⁴ М.Н. Кожина пишет об эволюции научного стиля в период научно-технической революции, в частности об употреблении конструкций связи в научном стиле: "Характерно, что в науках традиционных средний показатель употребления этих конструкций остается почти прежним, тогда как в текстах новых наук, развивающихся в период НТР (кибернетика, радиоэлектроника и др.), отмечается увеличение количества этих конструкций в 2–3 раза против среднего по традиционным наукам. Заметное увеличение количества тех же средств показывают в период НТР и тексты тех традиционных наук, в которых используются математические методы (физика, химия, геология и из гуманитарных — структурная лингвистика)" (Кожина М.Н. К вопросу об эволюции стиля научной прозы в период научно-технической революции. — В кн.: Функциональные стили речи в синхронном и диахроническом аспектах. Пермь, 1978, с. 10). Из указанных традиционных наук геология претерпела особенно значительные изменения: описательная, эмпирическая наука вышла на путь теоретического развития и в решении некоторых проблем достигла высокой степени математизации. Достаточно привести названия некоторых исследований: *Марчук Г.И.* Численное решение задач динамики атмосферы и океана. Л., 1974, *Желудев И.С.* Симметрия и ее приложение. М., 1976.

свить взгляд на — остановимся на; в удобствах изложения мы будем называть — будем называть — назовем и др.

Окружение этих глаголов нередко индивидуально, например: *постараемся однакож... за недостатком известий искать ощупью истин чрез исследование и сравнение (Арц., 7); по этой же причине не войду я в мелочные рассуждения, которые могут только наскутить, а не научить (Арц., 115); Принимая в рассуждение тот конец, на который свойство и качества земли земледельцу разбирать надобно, великую важность сего разбирания ясно усмотрим (Бол., 10)*, поэтому по отношению к ним в сущности нельзя применять термины "конструкции связи" или "обороты связи". Это, можно сказать, лишь "прообразы" современных конструкций связи, их предшественники. Однако роль этих выражений в контексте одинакова: направить мысль в определенное "русло", привлечь читателя к "сомышлению". Ср. такие конструкции, как: *теперь пойдем рассматривать; теперь пойдем познавать; теперь пойдем далее; возьмем терпение просмотреть; для лучшего уразумения сего положения представь себе, что и др.*

В процессе развития научного стиля все более осознается необходимость выразить свою мысль не для себя. В особенно сложных моментах изложения, в частности в рассуждениях, автор как бы актуализирует "присутствие" читателя, которого нужно убедить в возможности или необходимости мыслительных операций, повести за собой, сделать "единомышленником". Для этого становится необходимым дать оценку мысли. Количество выражений и конструкций связи со значением оценки увеличивается¹⁵ (XVIII в. — 10, XIX в. — 13, XX в. — 16 конструкций связи на 100 абзацев), так как возрастает доля рассуждений и доказательств сравнительно с описаниями, где оценка информации обычно не подчеркивается. История научного стиля располагает описаниями¹⁶ эмпирического материала. Весьма симптоматично, что в них зафиксированы единичные случаи выражения оценки мысли, например: в выборке из трудов по географии В. Татищева (первая половина XVIII в.) — 3, физика С. Мордвина (1748 г.) — 1, геолога Э. Эйхвальда (1844) — 2, из исторического изыскания Н. Дубровина (1867) — нет, из работы по землеведению Н. Неклюковой (1967) — 2 и т.д.

Зависимость употребления средств, выражающих оценку мысли, от типа речи¹⁷ подтверждается и данными использования этих средств в тек-

¹⁵ Ср.: "Наше время особенно нуждается в оценочном мышлении, более того, в ценностном познании и исследовании. Последнее означает новую перспективу видения вещей, новый способ их объективного рассмотрения — переход от аналитической научной констатации и каузального объяснения к движению научного знания в направлении к все более полной его оптимизации..." (Гречный В.В. Аксиология — философская наука о человеческих ценностях. — Вестн. ЛГУ, 1977, вып. 1, № 5, с. 78).

¹⁶ Известно, что в современном научном стиле типы речи (описание, повествование, рассуждение) перемежаются и взаимодействуют. Поэтому без анализа специально отобранного материала можно говорить о преобладании того или иного типа речи.

¹⁷ Об изменении синтаксических характеристик текста в рефератах в связи с предметом описания (имплицитно — с типом речи) небезынтересно привести высказывание М.-Ю.-Л. Паташюте: «Когда описывается эксперимент, предложения короче и они более однородны. Рефераты, посвященные теоретическим

стах из произведений разных авторов в области одной науки; например, в описательном тексте из учебного пособия Н.П. Неклюковой, как отмечено выше, — 2 конструкции связи с рассматриваемым значением, а в тексте из монографии И.П. Герасимова (с большей долей рассуждения) — 30.

Известно, что рассуждение и доказательство наиболее широко представлены в текстах по математике. При этом можно полагать, что на протяжении трех веков рассуждение, в частности его выражение в научном стиле, значительно изменилось. В научном стиле XVIII в. рассуждение как тип речи находится на стадии становления. Выражение самого процесса мысли как неотъемлемого свойства рассуждения осуществляется фрагментарно, причем у разных авторов находим индивидуальное выражение некоторых мыслительных операций. В отношении рассматриваемых единиц в научной речи XVIII в. не выявляются различия между текстами по математике и физике.

Для научного стиля XIX в. характерно активное формирование рассуждения, в результате чего складывается система средств выражения движения мысли и ее оценки, обретает индивидуальную форму математическое рассуждение и доказательство. Оно строится преимущественно с помощью выражений со значением констатации факта, а такие моменты, как сомнение, уверенность в достоверности факта, "отбрасываются", в тексте не выражаются¹⁸ (например, в выборке из трудов Н.И. Лобачевского зафиксировано более 100 выражений со значением констатации факта в 100 абзацах). Само доказательство заключено в формулах, передается символами, а средства естественного языка используются лишь для сообщения читателю о тех или иных математических операциях (ср.: *дифференцируя... получим; полагая... находим; интегрируя... находим* и др.). Насыщение текста подобными оборотами способствует выражению как бы отчужденной от автора, "чисто" математической мысли.

Что касается рассуждения в научном стиле XX в., особенно 70-х годов, то оно претерпевает значительные изменения в отношении выражения оценки мысли. Достаточно сказать, что рассуждение становится динамичным, оно включает разнообразные модально-оценочные моменты (сомнение, уверенность, возможность, необходимость и др.), используется вся сформировавшаяся система средств, способных выразить ход мысли. При-

---

работам, обнаруживают иную структуру: предложения, независимо от их "категориальной принадлежности", длиннее, преобладают сложноподчиненные предложения; встречаются цитаты; даются дефиниции и т.д. Никакой однородности в указанном смысле нет» (*Патяшова М.Ю.-Л. Лексико-синтаксические характеристики научного реферативного текста. Автореф. канд. дис. М., 1977, с. 9–10*).

¹⁸ «Математик рассматривает лишь такие объекты, исходные свойства которых ему известны без каких-либо неясностей в их истолковании. Приблизительность рассуждений и выводов не удерживалась в математике, а объекты и понятия, определившиеся и рассматривавшиеся на "нестрогом" уровне, либо с течением времени получали строгую интерпретацию, либо отторгались от математики» (*Заславский И.Д. О некоторых тенденциях в развитии языка современной математики. — В кн.: Методологические проблемы анализа языка. Ереван, 1976, с. 223*).

чем даже в текстах по математике выражается не просто ход математических операций, но и оценочный аспект мысли (ср.: *нам кажется, что; мы можем считать, что; можно считать, что; достаточно установить, что; в этом легко убедиться; нужно отметить, что; следует сказать, что; остается оценить и др.*).

В научном стиле XX в. выражение хода мысли приобретает весьма широкий характер и превращается в особый интеллектуальный фон речи, свойственный только научному стилю. Рассмотрим небольшой отрывок (10 абзацев) и извлечем из него только конструкции связи, которые и создают легко ощутимый интеллектуальный фон речи: *Предметом нашего дальнейшего рассмотрения является; остановимся прежде на анализе последней; эта деятельность может быть определена как; с другой стороны, следует подчеркнуть, что; это утверждение одновременно предполагает и то, что; при этом общение рассматривается как...; может рассматриваться как; рассматриваемая нами форма; который только может рассматриваться как; рассматривается при этом как...; должно рассматриваться как; ясно, что; теперь возникает основной вопрос нашего рассмотрения; из вышеприведенного анализа... со всей очевидностью следует; довод... не снимает вопроса, а только переводит его решение; логика рассуждения приводит к следующему; они могут рассматриваться как; как известно; проанализируем с этой точки зрения; как хорошо известно; следует отметить; таким образом, можно с достаточной определенностью сказать, что)*¹⁹.

Рассматривая приведенные обороты без контекста, можно заметить, что они выражают ход мысли, который охватывает две отмеченные выше стороны: само движение мысли и ее оценку. Ясно, что в контексте этот интеллектуальный фон ярче проявляется в рассуждениях, другие типы речи имеют свои особенности и используют соответствующие им языковые средства.

Проследивая эволюцию оборотов и конструкций связи со значением оценки мысли, важно подчеркнуть, что в научном стиле XVIII и XIX вв. оценка мысли в отношении ее возможности или необходимости, сомнения или уверенности в достоверности ее содержания передается описательными, многословными выражениями. Приведем некоторые примеры: Таким образом, *нетрудно составить себе представление о том, каким образом под влиянием внешних условий может установиться в растении периодичность...* (Б., 49); *Не желая поэтому преждевременно строить на этот счет какие-либо гипотезы, я ограничусь лишь изложением самих фактов...* (Там же); *Считаю нелишним войти в некоторые подробности при описании пути к Косинским городищам...* (Ив., 18); *Прежде нежели приступим к самому изъяснению предложенного, то для лучшего порядка неотменно требуется знать, какие соединяем мы со словом крестьянин понятия...* (П., 7); *Насколько это предположение удовлетворяет действительности, может быть, узнаем из будущих наблюдений, но несомненным является факт, что...* (Г., 18).

¹⁹ См.: Основы теории речевой деятельности. Под ред. А.А. Леонтьева. М., "Наука", 1974, с. 66-71.

В приведенных примерах выделенные выражения можно заменить такими конструкциями связи, как *нетрудно представить себе; нужно, необходимо, важно/следует подробнее описать; необходимо знать, что*, характерными для современного научного стиля. Это в определенной мере подтверждает вывод о том, что в научном стиле непрерывно происходит совершенствование языковых единиц с целью достичь соответствия грамматического оформления их функции. Кроме того, осознание тех или иных моментов в мыслительном процессе способствует актуализации потенциальных возможностей языковых единиц выразить эти моменты (появляются синтаксические конструкции типа *возможно, что; понятно, что; очевидно, что; ясно, что*). В свою очередь, до сих пор расширяется круг средств, выражающих связь с предшествующим и последующим контекстом, хотя эти значения связи вычленились еще в первой половине XVIII в.

Для примера приведем парадигму выражений со значением связи с вышесказанным: *вышеописанный способ – поименованный в § 220 – как описано было в сноске (97) к § 250 – выше (§ 19) было сказано, что – (см. п. 2 гл. III); или: вышеприведенная формула – уравнение, найденное в § 157 – в уравнение (II) ставя... находим – из (1) и (2) следует – как и в (22)*. Ясно, что эти средства связи и функционально не тождественны, поскольку выражают связь с разной степенью точности, конкретности. В текстах XVIII в. выявлены только первые пары оборотов, в современном стиле используются все эти средства.

На основании сказанного можно сделать следующие выводы. В научном стиле XVIII и XIX вв. используются разнообразные средства, выражающие содержательный, логический и композиционный аспекты связности речи. Выявлена тенденция к увеличению количества средств, выражающих композиционный аспект связности речи, в научном стиле XIX в. сравнительно со стилем научных книг XVIII в. при определенной стабильности выражения содержательного и логического аспектов.

Среди специфических для научного стиля оборотов и конструкций связи наиболее употребительны те из них, которые выражают движение мысли. При этом выражение движения мысли в научном стиле XVIII в. проявляется спорадически, употребляются главным образом обороты лишь одной группы – со значением связи с предшествующим и последующим контекстом. В XIX и XX вв. наиболее широко употребляются “сильнодействующие” конструкции и обороты связи, имеющие значение активизации мысли, которые появились в более ранних текстах в виде многословных, описательных выражений.

Средства выражения оценки мысли тесно связаны с типом речи: они используются преимущественно в рассуждениях. Формирование рассуждения как типа речи происходит в XIX в., в то же время складывается и система средств оценки мысли. В научном стиле XX в. создается особый интеллектуальный фон речи благодаря выражению мысли во всей ее сложности.

В заключение мы хотим подчеркнуть, что анализ средств выражения связности речи в исследованном материале подтверждает вывод, сделан-

ный ранее М.Н. Кожиной: "...в функционировании средств, связанных с реализацией специфики стиля... обнаруживается явная тенденция к унификации этих средств, а также к кристаллизации специфики научного стиля, к точности и определенности выражения научной мысли"²⁰.

Принятые сокращения

- Арц. – *Арцыбышев Н.* Приступ к повести о русских. СПб., 1811.
 Б. – *Баранецкий О.В.* Об усвоении растениями свободного азота. Киев, 1894.
 Бек. – *Бекетов А.* Курс ботаники, т. 2, вып. 1 и 2. СПб., 1874.
 Бел. – *Белопольский А.А.* Пятна на Солнце и их движение. М., 1886.
 Бол. – *Болотов А.Т.* Избранные сочинения по агрономии, плодоводству, лесоводству, ботанике. М., Изд-во Моск. об-ва испытателей природы, 1952.
 В. – *Войтяховский Е.* Полный курс чистой математики, сочиненный в пользу и употребление юношества и упражняющихся в математике, т. 1. 2-е изд. М., 1794.
 Г. – *Горожанкин И.* Генезис в типе пальмеллевидных водорослей. М., 1874.
 З. – *Зуев В.* Путешественные записки Василия Зуева от С. Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году. СПб., 1787.
 Ив. – *Иванов А.П.* Материалы к антропологии Пермского края. – В кн.: Труды об-ва естествоиспытателей при Имп. Казанском ун-те, т. 10, вып. 1. Казань, 1881.
 Иван. – *Иванов Н.* Начальные основания аналитической химии. Учебное руководство, ч. 2. СПб., 1854.
 К. – *Курнаков Н.С.* О сложных металлических основаниях. – Собр. избр. работ, т. 1. Л., 1938.
 Ком. – *Комов И.* О земледелии. М., 1788.
 Кон. – Об упругости пара растворов Дм. Коновалова. СПб., 1884.
 Кот. – *Котельников С.К.* Книга, содержащая в себе учение о равновесии и движении тел. СПб., 1774.
 Л. – *Ловиц Т.Е.* Избранные труды по химии. М., Изд-во АН СССР, 1955.
 Лом. – *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч., т. 3. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1952.
 Макс. – *Максимович М.* Собр. соч., т. 1. Отдел исторический. Киев, 1876.
 М. – *Мушкетов И.* Геологический очерк Липецкого уезда Тамбовской губернии в связи с минеральными источниками г. Липецка. СПб., 1885.
 П. – *Поленов А.Я.* О крепостном состоянии крестьян в России. – В кн.: Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в., т. 2. М., 1952.
 Р. – *Рычков П.* Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, ч. 1. СПб., 1762.
 Сев. – *Севергин В.* Способ испытывать чистоту и неподложность химических произведений лекарственных. СПб., 1800.
 Ст. – *Столетов А.Г.* Собр. соч., т. 1. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1939.
 Стебут – *Стебут И.А.* Основы полевой культуры и меры к ее улучшению в России. – В кн.: Избр. соч., т. 1. М., 1956.
 Ц. – *Цицианов Д.* Краткое математическое изъяснение землемерия межевого. СПб., 1757.
 Ценк. – *Ценковский Л.* О низших водорослях и инфузориях. М., 1855.
 Ч. – *Чебышев П.Л.* Избр. труды. М., Изд-во АН СССР, 1955.

²⁰ *Кожина М.Н.* О понимании научного стиля и его эволюции в период научно-технического прогресса. – В кн.: Научно-техническая революция и функционирование языков мира. М., "Наука", 1977, с. 196.

**ГРАММАТИЧЕСКИЕ
И ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ,
ВЫРАЖАЮЩИЕ ПРЯМОНАПРАВЛЕННУЮ СВЯЗНОСТЬ ТЕКСТА**
(на материале английской научной прозы)

Среди проблем, привлечших к себе внимание с появлением лингвистики текста, оказались вопросы коммуникативного плана, т.е. вопросы такого построения высказывания, которое соответствовало бы коммуникативной установке автора. А одной из основных предпосылок коммуникации, как указывает Д. Брчакова, является связность. Связность же можно рассматривать только в отрезке текста, состоящем из более чем одного предложения¹. Вопросы связности текста рассматривались рядом исследователей². Некоторые работы специально посвящены средствам связи между самостоятельными предложениями³.

Однако, как справедливо отмечает И.М. Новицкая⁴, большинство исследователей относит к средствам выражения связи между самостоятельными предложениями только отдельные слова (союзы, союзные слова, наречия) и некоторые словосочетания. Между тем средством выражения межфразовой связи могут служить и части сложного предложения (главное или вводное) и даже целые самостоятельные предложения. Так, Новицкая раскрывает связующую функцию вопросительных предложений, указывая, что наличие вопросительного предложения предполагает дальнейшее следование одного или нескольких предложений, содержащих ответ на вопрос⁵. Средства выражения межфразовых связей в форме предло-

¹ Брчакова Д. О связности в устных коммуникатах. — В кн.: Синтаксис текста. М., 1979, с. 250, 260.

² См., в частности: Котюрова М.П. О понятиях связности и средствах ее выражения в русской научной речи. — В кн.: Язык и стиль научной литературы. М., 1977; Она же. О связи предложений и абзацев в научной речи. — В кн.: Лингвостилистические исследования научной речи. М., 1979; Новицкая И.М. К синтаксису связного текста. Автореф. канд. дис. Л., 1973; Она же. О средствах выражения логических межфразовых связей в научном стиле. — В кн.: Лингвистические проблемы функционального моделирования речевой деятельности, вып. 2. Л., 1974; Троянская Е.С. К вопросу о технико-стилистических приемах в научной речи. — В кн.: Язык научной литературы. М., 1975; Она же. К вопросу о "связности" научного текста и эксплицированности выводного суждения (на материале немецкого языка). — В кн.: Иностраный язык для научных работников. М., 1978.

³ Макарова М.М. Средства связи самостоятельных предложений в научно-технической речи современного немецкого языка. Автореф. канд. дис. М., 1960; Скибо В.Н. О средствах связи самостоятельных предложений в английской научной прозе (на материале лингвистической литературы). Автореф. канд. дис. М., 1966; Она же. О контактности предложений в английской научной прозе. — Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М. Тореза, 1973, вып. 73; Харитонова И.Я. Роль знаменательных частей речи немецкого языка (существительного, глагола, прилагательного) при установлении связи между самостоятельными предложениями. Автореф. канд. дис. Киев, 1964.

⁴ Новицкая И.М. О средствах выражения логических межфразовых связей..., с. 128.

⁵ Там же, с. 135.

жений в английском языке рассматриваются в работах В.Н. Скибо, причем автор отмечает, что сферой самостоятельных предложений, основная функция которых состоит в связывании следующих друг за другом предложений, является научная проза⁶

Такого рода рассмотрение межфразовых связей не только выводит лингвиста за пределы одного предложения, но и делает предметом исследования структуру текста как единого смыслового целого и при этом в его коммуникативной направленности. Не случайно вопросы связности — ключевые моменты современной лингвистики текста — привлекли к себе внимание немецкого лингвиста Макса Пфютце, занимающегося вопросами лингвистики текста. Говоря о прямо- и обратноподчиненной связности текста и рассматривая грамматические средства прямонаправленной связности текста в немецком языке, Пфютце анализирует такие высказывания, которые требуют обязательного исполнения намерения (сообщить о чем-то) в последующем контексте. К числу грамматических средств в системе немецкого глагола Пфютце относит формы будущего времени, конъюнктива I и модальные глаголы⁷.

В настоящей статье рассматривается один тип английских самостоятельных предложений, которые выполняют служебную функцию — служат средством связи между двумя самостоятельными предложениями, являясь при этом выражением прямонаправленной связности текста, т.е. связности данного высказывания с последующим. Такие самостоятельные предложения содержат грамматические или лексико-грамматические конструкции, относящие действие или состояние к будущему времени. Коммуникативная установка такого предложения состоит в том, чтобы определить задачу следующего высказывания, сделать предупреждение (дать сигнал) о том, что будет сообщено в следующем высказывании за пределами данного предложения⁸.

Какими грамматическими или лексико-грамматическими конструкциями характеризуются предложения, выполняющие прямонаправленную функцию в английской научной прозе? Поскольку эти предложения указывают на то, о чем будет сообщено в следующем предложении, естественно, что сказуемое в них, как правило, выражает действие, отнесенное к будущему времени. Так как подлежащим в предложениях рассматриваемого типа в большинстве случаев является личное местоимение 1-го лица мн. числа *we*, реже — форма ед. числа I, вспомогательным глаголом формы будущего времени почти всегда является глагол *shall*, по крайней мере для британского варианта английского языка, например: We shall now give a short account of the language of a few typical personages of the six-

⁶ Скибо В.Н. О средствах связи самостоятельных предложений..., с. 12–15.

⁷ Пфютце М. Грамматика и лингвистика текста. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике, вып. 8. М., 1978, с. 220–222.

⁸ Е.С. Троянская, рассматривая сложноподчиненные предложения с главным предложением, служащим средством межфразовой связи (называемым буфером), указывает, что помимо связующей функции эти предложения выполняют функцию активизации внимания читателя и подготовки его к восприятию новой информации, которая последует за этим предложением (Троянская Е.С. К вопросу о технико-стилистических приемах..., с. 72, 82).

teenth century (Wyld, p. 117). Поскольку в данном примере (и в последующих примерах с формой будущего времени) форма будущего времени передает только будущее действие без какого бы то ни было модального оттенка, мы можем сказать, что она выражает только прямонаправленность без каких бы то ни было дополнительных оттенков значения.

Другие характеристики прямонаправленности высказывания — тип сообщения и дистантность (степень удаленности данных предложений друг от друга) — передаются лексически. Тип сообщения передается лексическим значением глагола (в данном случае — в сочетании с дополнением: *to give an account* 'дать описание'), а ближняя дистантность (связь данного предложения со смежным предложением)⁹ — лексическим значением наречия *now*. Другими наречиями, передающими ближнюю дистантность, являются: *immediately, here, below, first, adverbially* некоторые сочетания *at once, as follows* и некоторые другие. К числу глаголов, употребляющихся для выражения прямонаправленности, относятся глаголы со значениями: 'рассматривать', 'описывать', 'обсуждать', 'упоминать', 'касаться' и др. (английские глаголы: *consider, discuss, describe, review, mention, deal (with), examine* и др.), например: *Before discussing these theories, we shall review some of the earlier attempts which lead to nearly equivalent results* (Can. Journ., p. 1174); *We shall outline below qualitatively the nature of such a solution of the problem* (Can. Journ., p. 1222).

Более редкими для выражения прямонаправленности являются предложения, в которых автор себя не упоминает, и сказуемое при этом выражено формой будущего времени страдательного залога: *Direct experimental evidence for the last statement will be quoted below* (Can. Journ., p. 1219).

Прямонаправленная связность может представлять собой не только связь между двумя непосредственно следующими друг за другом предложениями, но и связь между предложениями, разделенными отрезками текста большей или меньшей длины, а также между данным предложением и более крупным отрезком текста в виде раздела или главы (средняя или дальняя дистантность)¹⁰. При средней дистантности обычными наречиями являются *later* или *further*, при дальней дистантности, когда передается межфразовая связь между данным предложением и другим разделом или главой, — адвербиальные сочетания *in the next section (chapter)* и т.п. Примерами этого типа прямонаправленной связности могут служить следующие предложения: *Some experimental evidence for this will be described later* (End., p. 19); *We shall consider in due course Dr. Johnson's general views regarding English pronunciation...* (Wyld, p. 168); *... some more detailed results will be presented in the next section* (Can. Journ., p. 1300). В следующих двух предложениях дается сигнал относительно того, о чем автор будет говорить на протяжении всей данной главы или статьи: *In the present chapter we shall try to describe the first impressions he (man. —*

⁹ О ближней, средней и дальней дистантности см.: Новицкая И.М. О трех характеристиках связи между предложениями целого текста. — Вестн. ЛГУ, 1973, № 8. История, язык, литература, вып. 2, с. 107–108.

¹⁰ См.: Троянская Е.С. К вопросу о технико-стилистических приемах..., с. 80; Скибо В.Н. О контактности предложения..., с. 259.

E.3.) has formed with his newly awakened eyes (Jeans, p. 14); In this review we will be concerned mostly with metals, but will give a brief account of the other problems (Can. Journ., p. 1171).

Еще одним примером прямонаправленности высказывания могут служить предложения, в которых автор информирует или предупреждает читателя о том, на каких вопросах он собирается остановиться и в какой последовательности, например: We shall briefly illustrate each of these points here; the fuller treatment and illustrations will come in their proper place... (Wyld, p. 67). Автор может также указать, на каком вопросе он собирается остановиться, а какой он может опустить, например: I shall not attempt to review here the progress which has been made in the purely theoretical calculation of E(k)...; I shall confine myself instead to a discussion of the methods available for attacking the problem experimentally... (Can. Journ., p. 1395).

Выше отмечалось, что форма будущего времени глаголов соответствующего лексического значения выражает собственно прямонаправленность высказывания, не передавая при этом других оттенков значения. Однако в английском языке имеются лексико-грамматические конструкции, которые помимо выражения прямонаправленной связности одновременно выражают и другие значения. Одной из таких конструкций является конструкция с глаголом *let*, которая передает прямонаправленность, вполне совместимую с отнесенностью этой конструкции к будущему времени, и одновременно побуждение. Посредством этой конструкции автор не только дает сигнал о том, какой вопрос он собирается рассматривать, но и приглашает читателя присоединиться к нему¹¹. Наиболее употребительными глаголами в данной конструкции являются: *consider, turn, look, see*, и пример: Now let us consider what experiments are suggested by the present situation (Can. Journ., p. 1354); ... let us first see how Sir John Suckling 'expresses the conversation of a gentleman' (Wyld, p. 152).

В еще большей степени дополнительный оттенок, сопутствующий выражению прямонаправленности, присутствует в лексико-грамматических конструкциях с модальными глаголами. Поскольку все модальные глаголы характеризуются соотносительностью с будущим временем, они могут выполнять функцию прямонаправленности, но при этом сохраняют свое модальное лексическое значение и придают соответствующий модальный оттенок прямонаправленному высказыванию.

Необходимость последующего высказывания, о котором предупреждает автор, обусловленная какими-то причинами, обычно передается глаголом *must*, например: ...but in the meantime another great civilization had sprung up, and we must now turn our attention to Italy and Rome (Shears, p. 26); But the question will be asked, where does Received Standard English come from? This question must be answered, at least in outline, at once (Wyld, p. 4); Such are the problems to which we now turn, but we must first describe the physical states of the various types of stars observed in

¹¹ О побудительных конструкциях немецкого языка, в которых пишущий побуждает читателя рассмотреть какие-то факты, см.: *Троянская Е.С.* К вопросу о технико-стилистических приемах..., с. 72-73.

the sky... (Jeans, p. 161). Необходимость, выраженная в менее категоричной форме, когда автор не вполне уверен, что последующее высказывание должно обязательно иметь место, о чем свидетельствует наречие perhaps, передается конструкциями с модальными глаголами should и ought: A few words should perhaps be said upon the language of literature proper at the close of the century... (Wyld, p. 91); While on the subject of burials I ought, perhaps, to mention cromlechs¹² and dolmens. These consist of a group of upright stones, on which rests a large cap-stone (Shears, p. 9). Последнее предложение представляет собой то высказывание, по поводу которого дается сигнал в первом.

Оттенок возможности рассмотрения или описания какого-то явления в последующем высказывании передается модальными глаголами can и may, причем в данном контексте трудно усмотреть различие в оттенках передаваемого ими модального значения возможности. Оба этих глагола употребляются в большинстве случаев в сочетании с инфинитивом глаголов turn, pass, look, begin и с наречием now и сигнализируют о том, что теперь (после рассмотрения какого-то вопроса) можно обратиться к данному сообщению, например: We can turn now to those biosynthetic stages immediately following uroporphyrinogen III.. (Ph. Tr., 1976, p. 174); We may now leave the consideration of writings which possess a considerable provincial flavour, and pass to those where this occurs only here and there, in isolated words and forms (Wyld, p. 81).

Если сказуемое выражено модальным глаголом need, то коммуникативное задание данного предложения состоит в предупреждении об ограниченном характере последующего высказывания или же о его ненужности: ...we need only consider here the use of Sir and Madam, My Lord, My Lady, Your Lordship, and so on (Wyld, p. 21); The general equation including non-diagonal terms need not be given here (Can. Journ., p. 1418). В тех случаях, когда в прямонаправленное высказывание привносится оттенок желательности последующего сообщения, этот модальный оттенок передается посредством сочетаний I should (would) like, глаголом wish, составным сказуемым it is desirable, подобно тому как оттенок необходимости последующего высказывания, с точки зрения автора, может быть выражен посредством составного сказуемого it is necessary.

Если при передаче прямонаправленной связности посредством форм будущего времени прямонаправленность выражается самой грамматической формой, не привносящей в это значение никаких дополнительных оттенков, а при передаче прямонаправленности лексико-грамматическими конструкциями с модальными глаголами — как грамматической структурой этих конструкций, так и лексическими значениями модальных глаголов, привносящих в выражение прямонаправленности различные модальные оттенки, то при передаче прямонаправленности высказывания посредством формы настоящего времени выражение прямонаправленности осуществляется почти целиком лексическим значением глагола. Роль грамматической формы глагола сводится лишь к тому, что форма настоящего времени в определенном контексте может выражать будущее действие,

¹² 'Кромлех' — кельтское сооружение бронзового века.

а следовательно, и выполнять прямонаправленную функцию, в то время как совершенные и претеритные формы этой функции выполнять не могут. Выражение прямонаправленности формой настоящего времени ограничено, по-видимому, лексическим значением глаголов, поскольку в данной функции употребляются почти исключительно глаголы, означающие переход к чему-то другому, а именно: *turn*, *pass*, *proceed*, *come*, *digress* и т.п., употребление которых в этом случае постоянно подкрепляется наречием *now*, наиболее частым в предложениях прямонаправленной связности, например: *We now pass to the language of Chaucer himself...* (Wyld, p. 52); *We turn now to our main task of determining the interaction potential δV* (Can. Journ., p. 1173); *We now come to a specimen of London English written during the first quarter of the fourteenth century...* (Wyld, p. 51).

Наряду с предложениями, функцией которых является передача только прямонаправленной связности, можно привести примеры, в которых имеется сочетание прямонаправленной и обратнаправленной функций, т.е. функции, устанавливающей связь данного высказывания с предыдущим. Обратнаправленная связность в пределах одного предложения очень часто выражается посредством сочетания союза *as* с причастием II (*as pointed out above...*; *as already mentioned...* и др.) в функции вводного члена предложения¹³, но может быть выражена и посредством вводного или самостоятельного предложения: *Here again we find anomalies at low temperatures, as Professor Gorter has already reported in the manganese alloys* (Can. Journ., p. 1296); *It is difficult to estimate the interaction constant from first principles. The problem has been discussed recently by...* Harrison (Can. Journ., p. 1183).

Конструкции, выражающие прямо- и обратнаправленную связность, могут быть в одном простом предложении, в сложносочиненных и сложноподчиненных предложениях и в двух самостоятельных предложениях, следующих одно за другим. Поскольку данная статья касается самостоятельных предложений, выполняющих прямонаправленную функцию, приведем лишь примеры пар самостоятельных предложений, объединенных межфазовой связью: 1) *We have already touched, in passing, upon this point. It is desirable to illustrate it rather more fully* (Wyld, p. 16); 2) *Thus, the reduction to thermal energies in a simple gas — thermalization — has been considered by a number of authors. Let us consider the fate of positrons in argon gas* (End., p. 16); 3) *The general question of the survival of Regional dialect among the upper classes has already been touched upon. A few words may, however, be added with special reference to the seventeenth and eighteenth centuries* (Wyld, p. 166). Между каждой из трех приведенных пар предложений имеется межфразовая связь. Первое предложение выполняет обратнаправленную функцию, т.е. указывает на то, о чем уже сообщалось, чему соответствует и форма сказуемого, выраженная обычно посредством Present Perfect. Второе предложение, выполняющее прямонаправленную функцию, указывает на то, что еще в дополнение к уже сказан-

¹³ См.: Скибо В.Н. О средствах связи самостоятельных предложений..., с. 12. Описание аналогичных конструкций с союзом *wie* в немецком языке см.: Троянская Е.С. К вопросу о технико-стилистических приемах..., с. 80–81.

ному будет сообщено в последующем предложении (или отрезке текста), находящемся за пределами данного предложения.

Проведенный анализ грамматических и лексико-грамматических средств выражения прямонаправленности высказывания позволяет заключить, что прямонаправленная связность передается не одними грамматическими средствами, а в сочетании с лексическими, причем в одних конструкциях преобладают грамматические средства, в других — лексические. Если расположить конструкции, выполняющие прямонаправленную функцию, по убывающей роли грамматики и возрастающей роли лексики, то оказывается, что ведущую роль грамматика играет при выражении прямонаправленности посредством формы будущего времени, затем следует конструкция с глаголом *to be*, затем — лексико-грамматические конструкции с модальными глаголами, которые своим лексическим значением привносят соответствующие модальные оттенки в значение прямонаправленности, и, наконец, форма *Present Indefinite*, которая передает прямонаправленность лишь в определенном контексте. К лексическим средствам относятся лексические значения глаголов, передающих тип сообщения, и наречия, передающие дистантность высказывания (при ближней дистантности — наречия *now, immediately, first, below, here*, сочетание *at once*; при средней — наречия *later* и *further*; при дальней — адвербиальные сочетания *in the next section, in the next chapter* и т.п.)¹⁴.

Рассмотренная система лексико-грамматических средств выражения прямонаправленной связности является одним из факторов, способствующих ясности и последовательности изложения в научной прозе.

Принятые сокращения

- Can. Journ. — Canadian Journal of Physics, 1956, vol. 34, N 12A.
End. — Endeavour, 1966, N 94.
Jeans — *Jeans J.* The universe around us. Cambridge, 1945.
Ph. Tr. — Philosophical Transactions of the Royal Society of London. B series, 1976, vol. 273, N 924.
Shears — *Shears S.W.* British history. London, 1954.
Wyld — *Wyld H.C.* A history of modern colloquial English. Oxford, 1953.

С.В. АБРАМОВА

ВЫРАЖЕНИЕ СВЯЗНОСТИ ТЕКСТА В НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НА ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ (сравнительно с русским)

В эпоху научно-технического прогресса, когда социальная роль науки и объем научных публикаций резко возросли, изучение научной речи становится особенно актуальным. В связи с необходимостью освоения "потока" научной литературы на разных языках, а также вследствие развития различных направлений стилистики в настоящее время в лингвистике все расширяется исследование научной речи в сопоставительном плане.

¹⁴ При выражении обратной направленности преобладающей глагольной формой является *Present Perfect*, несколько реже — *Past Indefinite*, а наиболее употребительными наречиями — *already, earlier, above, elsewhere*.

Сопоставительное изучение функциональных стилей в разных литературных языках является одним из наименее разработанных в стилистике направлений и вместе с тем весьма актуальным¹. Как отмечает в одной из своих работ В.Н. Ярцева, "стиль научной прозы имеет некоторые общие тенденции вне зависимости от конкретных языков"². Эти общие тенденции существуют благодаря единой экстралингвистической основе научного стиля разных языков. Поскольку "форма мышления, цели и задачи общения, определяемые формой общественного сознания, назначением науки в обществе, едины в сфере научного общения независимо от языка, постольку общими для научного стиля разных языков являются и закономерности функционирования в этой сфере языковых средств, а также специфические черты стиля"³. Как справедливо считает М.Н. Кожина, принципы сопоставительной стилистики было бы целесообразно применить к какому-либо малоисследованному в аспекте функциональной стилистики языку (в частности, используя так называемый принцип аналогии или дополнительности)⁴.

Одним из наименее исследованных в советской стилистике оказался испанский язык; специальному исследованию его функциональные стили до сих пор не подвергались (исключение составляют весьма ценные замечания общего характера в работах Г.В. Степанова⁵). Не изучался специально и научный стиль испанского языка в сопоставлении с русским.

Объектом нашего сопоставительного исследования избран такой признак научного текста, как его связность — вопрос, привлекающий в последние десятилетия внимание многих лингвистов. Опыт анализа сверхфразовых связей и отношений в тексте, в том числе и научном, постепенно накапливается. В работах, посвященных этой теме, затрагивается вопрос о связи самостоятельных предложений, исследуются принципы построения и функционирования таких единиц связного текста, как предложение, абзац и сложное синтаксическое целое⁶. Эти исследования проводились на

¹ О важности развития сопоставительной стилистики см.: *Долинин К.А.* Стилистика французского языка. Л., 1978, с. 86-87.

² *Ярцева В.Н.* Международная роль языка науки. — В кн.: VII Международный социологический конгресс. Варна, 1970. Доклады советской делегации. М., 1970, с. 6.

³ *Кожина М.Н.* Сопоставительное изучение научного стиля и некоторые тенденции его развития в период научно-технической революции. — В кн.: Язык и стиль научной литературы. М., 1977, с. 8.

⁴ Там же, с. 11.

⁵ См., например: *Степанов Г.В.* Испанский язык в странах Латинской Америки. М., 1963; *Он же.* Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1976.

⁶ См.: *Боевец И.А.* Сложное синтаксическое целое в современном французском языке. Автореф. канд. дис. Л., 1971; *Гиндин С.И.* Онтологическое единство текста и виды внутритекстовой организации. — В кн.: Машинный перевод и прикладная лингвистика, вып. 14. М., 1971; *Он же.* Внутренняя организация текста. Элементы теории и семантический анализ. Автореф. канд. дис. М., 1972; *Лезова Н.А.* Средства структурного цементирования элементов абзаца (на материале современной немецкой прозы). Автореф. канд. дис. Л., 1970; *Макарова М.М.* Средства связи самостоятельных предложений в научно-технической речи современного немецкого языка. Канд. дис. М., 1960; *Новицкая И.М.* К синтаксису связного текста. Автореф. канд. дис., Л., 1973;

материале английского, французского, немецкого, русского языков; в испанском языке, насколько нам известно, проблема связности научной речи специально не изучалась.

Не углубляясь в пределах настоящей статьи в анализ имеющихся работ по связности текста, отметим лишь, что большой вклад в раскрытие понятия связности текста внесли не только работы по лингвистике текста общетеоретического характера, но и те, в которых указанный вопрос рассматривается в плане изучения функционально-стилевого расщепления речи, исследования ее характерных стилиевых черт⁷; в других — делаются попытки создания наиболее четкой классификации средств выражения связности научной речи⁸. Но если на материале отдельных языков уже есть немало работ, в которых исследуется вопрос связности речи в научном и других стилях, то с позиций сопоставительной стилистики данная проблема еще специально не рассматривалась.

Все исследователи, так или иначе затрагивающие проблему связности, безоговорочно признают ее наличие у текста⁹, хотя до настоящего времени нет еще общепринятого определения понятия связности. Связность речи реализуется в тексте различными способами и лингвистическими средствами разных уровней языковой системы, поэтому справедливо, по нашему мнению, называют несколько видов связности — фонетическую, синтаксическую, логическую и др. С.И. Гиндин, выдвинувший идею семантической связности как цементирующей основы единства текста,

---

Севбо И.П. Структура связного текста и автоматизация реферирования. М., "Наука", 1969; *Скибо В.П.* О средствах связи самостоятельных предложений в английской научной прозе (на материале лингвистической литературы). Автореф. канд. дис. М., 1966.

⁷ См., например: *Митрофанова О.Д.* Язык научно-технической литературы как функционально-стилевое единство. Докт. дис. М., 1974; *Сенкевич М.П.* Научные стили. М., 1967; *Она же.* Работа редактора над сложным синтаксическим целым и абзацем. М., 1968; *Сильман Т.И.* Проблемы синтаксической стилистики. — Учен. зап. Ленинградского пед. ин-та им. А.И. Герцена, 1967, № 315; *Кожина М.Н.* О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. Пермь, 1972; *Солганик Г.Я.* Синтаксическая стилистика (сложное синтаксическое целое). М., 1973; *Троянская Е.С.* К вопросу о технико-стилистических приемах в научной речи. — В кн.: Язык научной литературы. М., 1975.

⁸ См., например: *Гиндин С.И.* Внутренняя организация текста; *Котурова М.П.* Лингвистическое выражение связности речи в научном стиле (сравнительно с художественным). Автореф. канд. дис. Саратов, 1974; *Фридман Л.Г.* Некоторые особенности элементов внутренней и внешней структуры абзаца в современном немецком языке. — В кн.: Лингвистика текста, ч. 2. М., 1974; *Чернухина И.Я.* К вопросу о единицах связного текста. — Там же.

⁹ См. высказывание С.И. Гиндина: "... в поисках строевых коррелятов единства текста мы приходим к понятию связности текста как особого принципа его внутренней организации" (*Гиндин С.И.* Онтологическое единство текста..., с. 120), а также В.А. Бухбиндера и Е.Д. Розанова: "Неотъемлемым признаком текста является его связность. Не связанных текстов не существует: потеря связности нарушает текст, если только это не искусственный прием" (*Бухбиндер В.А., Розанов Е.Д.* О целостности и структуре текста. — ВЯ, 1975, № 6, с. 75).

отмечает, однако, что "в реальных текстах функционируют все виды связности и в тесном единстве"¹⁰.

В лингвистической литературе пока нет общепринятой классификации средств выражения связности, хотя в ряде работ и наметились весьма успешные попытки их систематизации. Поскольку в предлагаемом исследовании мы будем сопоставлять данные по средствам выражения связности в научных текстах на испанском языке с соответствующим материалом на русском языке, а именно на материале русских научных текстов, изученных М.П. Котуровой, то в качестве наиболее удобной для целей нашего исследования окажется классификация средств выражения связности, предложенная этим автором¹¹.

В этой классификации средства выражения связности речи представлены в двух аспектах: функционально-семантическом и формальном. В свою очередь, в последнем выделяются три класса связующих языковых единиц: лексико-грамматические, морфологические и функционально-синтаксические. В группе лексико-грамматических средств выделяются имена существительные, личные местоимения 3-го лица в анафорической позиции, указательные местоимения, выступающие в функции лексического повтора.

Кроме того, при анализе испанских научных текстов необходимо выделить также группу морфологических средств выражения связности, к которым обычно относят повторение грамматических форм глагола в двух соседних предложениях или в более широком контексте, так как здесь проявляется одна из специфических черт испанского языка (хотя и не являющаяся особенностью только научного стиля). В испанском языке личные местоимения в номинативе, выполняющие роль подлежащего в предложении, обычно опускаются, и в этом случае глагольная форма сказуемого, оказываясь в анафорической позиции, приобретает функцию средства связи предыдущего предложения с последующим. Повторяя число, лицо, наклонение, время, данная грамматическая форма глагола служит как бы "заместителем" содержания предыдущей части контекста и в то же время подчеркивает связность текста, т.е. выполняет чисто синтаксическую функцию. Поэтому эту группу средств выражения связности можно было бы назвать не морфологической, а морфолого-синтаксической.

В группу функционально-синтаксических средств могут быть включены те языковые единицы, единственной функцией которых является функция связи предложения (вводные слова, анафорические сочинительные союзы, наречия, одиночное местоимение *это*, а также особые словосочетания, составляющие так называемые конструкции связи).

Ниже делается попытка выявить средства выражения связности самостоятельных предложений, наиболее типичные для испанских научных текстов, частоту их употребления, систематизировать эти средства с учетом их

¹⁰ Гиндин С.И. Онтологическое единство текста..., с. 132.

¹¹ См.: Котурова М.П. Лингвистическое выражение связности речи в научном стиле (сравнительно с художественным). Канд. дис. Пермь, 1974. Далее все сопоставления с русским научным стилем даются в соответствии с показателями в этой работе.

структуры и функции и провести предварительное сопоставление использования средств выражения связности в научном стиле испанского и русского языков с целью установления общего и различного для научного стиля этих языков.

Исследованный материал¹² показывает, что в качестве средств связи самостоятельных предложений в испанской научной речи используются те средства связи, которые обычно выступают в связочной функции в пределах одного предложения (союзы, союзные наречия и др.), а также лексико-грамматические и морфолого-синтаксические средства.

К лексико-грамматическим мы относим существительные и местоимения, выступающие на сверхфразовом уровне в качестве средств связи самостоятельных предложений и выполняющие при этом роль лексических повторов. В испанской научной речи нередко наблюдаются повторы языковых единиц, уже называвшихся в предыдущем предложении, чем и осуществляется связь этих предложений. Чаще всего в качестве лексического повтора выступает одиночное существительное, как правило с определенным артиклем или с предшествующим ему указательным местоимением.

В испанском научном стиле, как и в русском, выражение особенностесвязи двух самостоятельных предложений осуществляется существительным с указательным местоимением, повторяемым во втором предложении в анафорической позиции, например: *Está bien probado que cuando se divide un cuerpo por métodos cualesquiera hay en general, un límite de esta división, pasado el cual aparecen cuerpos con propiedades distintas a las del cuerpo que se divide. Este límite se denomina molécula y puede definirse aproximadamente así... (Gran, p. 13); Entre el oxígeno absorbido y el anhídrido carbónico expulsado hay una relación constante, cualesquiera que sean las condiciones del medio en que la planta vive. Esta relación CO₂/O se ha llamado coeficiente respiratorio... (Bot., p. 229); Creencia en que la lengua alcanzó un momento de máxima perfección, al que es preciso atenerse. Ese momento, fue, para los griegos, la literatura homérica... (Carreter, p. 69).*

Как отмечает Е.С. Троянская, "одной из характерных особенностей научного текста является его цепочечный характер... При подобном цепочечном изложении одно предложение тесно связано с другим, последующим, вытекая из него"¹³. Анализ материала испанских научных текстов показывает, что отмеченная черта свойственна и научному стилю испанского языка. Одним из средств образования так называемого "цепочечного напряжения"¹⁴ является неоднократное повторение нескольких существ-

¹² Материалом для данного исследования послужили тексты научных трудов по четырем отраслям науки: химии, физике, биологии, лингвистике. Каждая отрасль науки представлена произведениями трех авторов, при этом исследованные тексты отражают различные жанры научной литературы XX в. (монография, учебник, статья). В качестве выборки из одного анализируемого текста избрана единица в 300 предложений, по 50 в каждой подвыборке. Общий объем исследованного материала – 3600 предложений.

¹³ Троянская Е.С. "Коммуникативная четкость" как один из технико-стилистических приемов достижения ясности изложения в стиле научной речи. – В кн.: Обучение чтению научного текста на иностранном языке. М., 1975, с. 136.

¹⁴ Там же.

вительных в анафорической позиции, часто в сочетании с указательными местоимениями. При этом происходит как бы нанизывание одного предложения на другое; повторы составляют цепь связи, подчеркивая последовательность и логичность изложения. Часто это касается не только двух соседних предложений, но и нескольких, идущих подряд, например: Sin embargo, las oraciones se suceden guardando entre sí una relación de coherencia representativa, lógica o afectiva, una trabazón psíquica de orden superior. Si esta relación de continuidad no se revela, decimos que el discurso es incoherente. La unidad total del discurso, a la cual sirven las oraciones que lo componen, obedece a leyes psicológicas, y según ellas percibe el oyente o el lector la coherencia o incoherencia del discurso que se le dirige. Su estudio excede... de medios formales de relación lingüística. Como quiera que estos medios formales de enlace quedan... (Cur. sup., p. 325).

Иногда во втором из двух соседних предложений наблюдается не полный повтор существительного, а повтор, который условно можно было бы назвать однокоренным, или корневым, повтором¹⁵. В этом случае может иметь сочетание в двух предложениях однокоренных существительного и глагола, существительного и страдательного причастия и т.д., например: Se observa que los cloruros de sódio y de potasio... se desplazan a campo más alto, pero el desplazamiento es mayor para el oxhidrilo secundario. Esta observación es compatible con la idea de que el grupo que más interacciona con los cationes, es el secundario... (Cetina, p. 52); En la provincia de Gerona puede observarse algo parecido; la explotación agrícola se encuentra organizada en unidades agrícola-forestales (con predominio de uno u otro de los aspectos según las distintas regiones) y ganadería subordinada a los cultivos. Los prados gerudenses, faltos de estiércol... (Recorder, p. 123).

Помимо указанных видов лексических повторов для испанской научной речи характерно использование также синонимичных и замещающих повторов. Мы говорим о синонимичном повторе в том случае, когда во втором из двух соседних предложений употреблено существительное (часто с указательным местоимением), которое представляет собой синоним к какому-либо существительному предшествующего предложения. В замещающем повторе происходит семантическое замещение содержания части или всего предшествующего предложения, а порой и более крупной смысловой единицы. В большинстве случаев в испанском научном тексте в качестве замещающего повтора выступает существительное с указательным или притяжательным местоимением. В последнем случае осуществляется как бы двойной повтор, двойная связь, что еще более усиливает характер связности предложений в научном тексте, например: Establecido por ejemplo el porcentaje de fósforo de una proteína, y teniendo en cuenta que la molécula debe contener por lo menos un átomo de ese elemento, se calcula en qué cantidad de materia se encontraran 31 partes de fosforos, y la cifra hallada corresponderá al peso molecular mínimo de la proteína. Con este método se obtuvo para la caseína (P) un valor de 16, 000, para la hemoglobina (Fe), 16, 000-17, 000. Pero estos resultados sólo serán válidos cuando

¹⁵ Гиндин С.И. Онтологическое единство текста..., с. 129.

se pueda. Comprobar que el material analizado era una especie química pura (Tratado, p. 1504).

Опираясь на исследованный материал по испанским научным текстам и на имеющиеся данные относительно употребления средств связи в русском языке, можно утверждать, что в целом в испанских и русских научных текстах обнаруживается близость в выделяемых группах средств и в особенностях их функционирования в качестве лексико-грамматических средств выражения связности. Так, если в научном стиле русского языка почти каждое четвертое предложение (24 на 100) присоединяется к предшествующему посредством лексического повтора, то предварительные наблюдения в испанском языке тоже дают приближенные данные (31 на 100).

Анализ материала испанских научных текстов позволяет говорить также о широком употреблении различных групп местоимений в качестве связующих средств, характерном и для русских научных текстов. В большинстве случаев местоимения выполняют функцию замещения, указания на часть предшествующего контекста. Эта возможность замещения, дублирования опирается на "предельную обобщенность значения местоимений... и их грамматические свойства"¹⁶.

Мы уже отмечали частое употребление указательных местоимений (*este, ese, aquel*), в сочетании с лексическим повтором. Следует отметить, что вообще большинство указательных местоимений входит в состав других средств связи, в том числе в состав конструкций, которые выполняют в тексте кумулятивную функцию. В качестве средств выражения связности выступает и другая группа местоимений (*éste, ése, aquél*), которые являются заместителями существительных или могут замещать часть предыдущего контекста.

Необходимо отметить некоторое различие в употреблении местоимений в качестве средств выражения связности в испанских и русских научных текстах. В качестве средств выражения связности в русской научной речи обычно используются личные местоимения 3-го лица (средний показатель — $\bar{X}$ — на 100 предложений, по данным М.П. Котюровой, равен 5). В испанском языке личные местоимения в анафорической позиции, как уже отмечалось, обычно опускаются и выступают в качестве связующих средств лишь в единичных случаях. Однако они выступают в качестве средства связи, близкого к лексическому замещающему повтору, в том случае, если личному местоимению предшествует предлог, неопределенное местоимение и т.д., хотя и эти случаи использования личных местоимений 3-го лица в качестве средств выражения связности в исследуемом материале весьма редки, например: *El peritecio es esférico y aparece sobre un punto del filamento. Dentro de él están las ascas, que se rompen y dejan libres las 8 esporas que contienen* (Bot., p. 133).

В связи с этим и общий показатель употребления различных групп местоимений, выполняющих функцию связи самостоятельных предложений, в научном стиле испанского языка оказывается ниже, чем в

¹⁶ Васильева-Шведе О.К., Степанов Г.В. Теоретическая грамматика испанского языка. М., 1972, с. 105.

русском ($\bar{X}$ на 100 предложений в испанском языке равен 5, в русском — 10).

В целом же средний показатель $\bar{X}$ лексико-грамматических средств выражения связности в научном стиле испанского языка на 100 предложений равен 36, а русского — 34 (в эту группу входят, как уже отмечалось, прежде всего лексические повторы и местоимения). Эти данные позволяют говорить о том, что в испанских научных текстах выделяются те же группы средств, функционирующих в качестве связующих, что и в русских научных текстах, и — что особенно интересно — их количественное распределение в текстах колеблется в близких пределах.

Исходя из результатов исследования лексико-грамматических средств выражения связности текста и принципов сопоставительной стилистики, можно предположить, что научному стилю испанского языка, как и русского, должны быть присущи и специальные средства связи, выполняющие в контексте чисто связующую функцию и способствующие четкому оформлению научной мысли. В группу таких связующих средств в вышеупомянутой классификации входят анафорические сочинительные союзы, вводные слова, некоторые наречия, выражающие порядок изложения мыслей, а также особые конструкции связи.

Как показали результаты исследования, наиболее часто в качестве функционально-синтаксических средств выражения связности текста выступают особые словосочетания, которые, не являясь носителями информации, специально служат для связи самостоятельных предложений, а также абзацев, составляющих текст, т.е. выражают ширококонтекстную связность. Эти конструкции нередко употребляются в сочетании с другими средствами: лексическими повторами, указательными местоимениями, вводными словами, наречиями и т.д., образуя комплекс средств и тем самым усиливая спаянность текста, например: *Para comprender la isomorfia de estos últimos compuestos, es necesario tener en cuenta que los radios de los iones... son del mismo orden... Asimismo hay que considerar, que...* (Intr., p. 337); *Obvio es decir que con este método se pierde una de las formas activas...* (Tratado, p. 1651); *Varias veces hemos aludido en este libro a influencias reciprocas entre el ritmo y la construccion de la frase* (Cur-sup., p. 328).

В целом по исследованному материалу суммарное среднее — $\bar{X}$ — функционально-синтаксических средств связи на 100 предложений в научном стиле испанского языка близко к показателям по научному стилю русского языка. Так, в испанских научных текстах оно составляет 31, в русских — 34, из них $\bar{X}$ по конструкциям связи равно соответственно 15 и 15, вводным словам — 6 и 8, союзам — 5 и 5, наречиям — 4 и 6.

Таким образом, обнаружение языковых единиц, выступающих в качестве средств выражения связности в научном стиле испанского языка и аналогичных этим средствам в русском, а также приблизительно равной частоты их употребления в научном стиле сопоставляемых языков, насыщенности ими научных текстов, еще раз убедительно доказывает правомерность использования указанных в начале статьи принципов сопоставительной стилистики для дальнейшего исследования научного стиля испанского языка.

Принятые сокращения

- Bot. — *Felipe García Cañizares*. Botánica general y descriptiva. La Habana, 1961.
Carreter — *Carreter F.L.* Lengua española: historia, teoría, y práctica. Madrid, 1972.
Cetina — *Cetina R., Mateos J.L.* Análisis conformacional de la glicerina deducido de interacción con electrolitos. — Boletín de Instituto de Química. Mexico, 1963.
Cur. sup. — *Samuel Gili y Gaya*. Curso superior de sintaxis española. La Habana, 1971.
Gran — *Gran M.F.* Elementos de física, t. 1. La Habana, 1974.
Intr. — *Aenlle E.O.* Introducción al estudio de la físico-química. Santiago de Compostela, 1950.
Recorder — *Recorder P.M.* Los prados pirenaicoibéricos. Actas del tercer congreso internacional de estudios pirenaicos. Gerona, 1958.
Tratado — *Zappi E.V.* Tratado de química orgánica, t. 1, Serie acíclica. Buenos Aires, 1949.

А.П. БАКАРЕВА

СТРУКТУРА ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК СРЕДСТВО СВЯЗИ МЕЖДУ САМОСТОЯТЕЛЬНЫМИ ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ

В последние годы все большее внимание уделяется изучению связанного текста. Еще совсем недавно предложение рассматривалось как высшая единица в иерархической структуре языковых единиц. Так, Э. Бенвенист пишет: "Сегментировать предложение мы можем, но мы не можем сделать его интегрантом какой-нибудь единицы более высокого уровня", и далее: "Предложение может только предшествовать какому-либо другому предложению или следовать за ним, находясь с ним в отношении следования. Группа предложений не образует единицы уровня по отношению к уровню предложения. Языкового уровня, расположенного выше категорематического уровня, не существует"¹. В настоящее время, однако, лингвисты не ограничивают свои исследования уровнем предложения, а переходят к изучению единиц, расположенных на более высоком уровне. Пока еще нет какого-либо однозначного определения этих единиц. Некоторые лингвисты называют единицу крупнее предложения абзацем, другие — сложным синтаксическим целым, прозаической строфой или сверхфразовым единством. Но все эти единицы объединяет один общий признак — они являются составными частями текста.

Что же такое текст? Существует несколько толкований этого понятия. Приведем лишь одно из них: "Любая последовательность предложений, организованная во времени или в пространстве таким образом, что предполагает целое, будет считаться текстом"².

Уже само определение понятия "текст" говорит о связанности его компонентов. Традиционно основной единицей членения текста принято считать абзац. Однако соответствующее ему понятие "сверхфразовое

¹ Бенвенист Э. Уровни лингвистического анализа. — В кн.: Новое в лингвистике, вып. 4. М., 1965, с. 446—447.

² Кох В. Предварительный набросок дискурсивного анализа семантического типа. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике, вып. 8. Лингвистика текста. М., 1978, с. 162.

единство" (СЕ) сравнительно недавно утвердилось в советском языкознании. Существует несколько точек зрения на природу СЕ. В задачи данной статьи не входит подробное рассмотрение этой проблемы. Однако выделение этой единицы необходимо для ограничения рамок исследования. Эта задача затрудняется тем, что существующие определения СЕ являются графическими, и в письменной речи единственным показателем СЕ является красная строка.

Уместно будет привести точку зрения М. Бахтина, который связывает толкование СЕ с природой самого текста. Бахтин различает тексты "художественные" и "нехудожественные". За этим стоит, по его словам, с одной стороны, "свободное и не predetermined эмпирической необходимостью откровение личности", а с другой стороны, "внутренняя необходимость, внутренняя логика, система языка"³.

Проблема сегментации текста тогда, вероятно, будет выглядеть так: «...в случае нехудожественного связанного потока речь пойдет о расщеплении вербально объективированной действительности, в то время как сегментация художественного текста связана с расщеплением авторского символа о действительности. Поэтому для нейтральной, или "безличностной", канонизированной письменной речи, ориентированной на передачу собственно интеллективного содержания (например, в научной статье), вполне регулярной единицей членения речи является СФЕ = абзац»⁴. В тексте сверхфразовые единства тесно связаны между собой. Связь компонентов текста может осуществляться как при помощи лексических, так и при помощи синтаксических средств. В тексте связь может осуществляться как между СЕ (т.е. межфразовые связи), так и между предложениями внутри СЕ. В данной работе будет рассмотрен лишь один тип связи между предложениями в СЕ. Под СЕ, вслед за Н.И. Серковой, будет пониматься такая "совокупность предложений", которая "обладает внутренней структурной и семантической организацией и выступает в связной речи как законченная коммуникативная единица"⁵. Формальным признаком, отделяющим одно СЕ от другого, является красная строка. Здесь необходимо отметить то значение, которое приобретает СЕ как основная единица информационного уровня в научной литературе. Ведь именно оно передает и оформляет мысль предельно сжато, кратко, но в то же время информационно полно.

Синтаксические средства связи самостоятельных предложений в СЕ включают в себя употребление союзов и союзных слов, корреляцию артиклей, единство видо-временных форм глагола-сказуемого, употребление анафорических местоимений и т.д. Отвлеченный характер научной прозы особенно отчетливо проявляется в структуре СЕ, а именно в употреблении типичных для данного стиля изложения союзов и союзных слов, большого количества вводных слов и т.д. При анализе научного текста выявляются особенности связующих элементов, как-то: обилие

³ Цит. по: Серкова Н.И. Предпосылки членения текста на сверхфразовом уровне. — ВЯ, 1978, № 3, с. 77.

⁴ Серкова Н.И. Указ. соч., с. 77–78.

⁵ Серкова Н.И. О некоторых вопросах функциональной перспективы предложения в терминах сверхфразовых единств. — ВЯ, 1967, № 3, с. 93.

неопределенно-личных конструкций и "непрямой" порядок слов. Объем данной работы не позволяет рассматривать все виды связи между самостоятельными предложениями, вытекающими из самой структуры предложения. Обратимся лишь к одному из них — порядку слов.

Порядок слов, как и другие черты синтаксического строения предложения, свидетельствует о зависимости данного предложения от окружения. Здесь подразумевается не только логическая зависимость, но также и то, что строение отдельного предложения зависит от строения других предложений того же текста. Для исследования были выбраны научные тексты, а именно ряд статей по вычислительной технике. Практически любой научный текст характеризуется подчеркнутой логичностью изложения. Он насыщен средствами связи самостоятельных предложений, благодаря которым становится ясным ход развития мысли в абзаце, что особенно важно для научной прозы.

Каким же образом осуществляется связь предложений в СЕ при помощи порядка слов? Сущность использования порядка слов для связи самостоятельных предложений заключается в следующем: в начале предложения ставится тот его член, который семантически теснее всего связан с предыдущим предложением, в то же время этот член предложения служит той исходной точкой, от которой развивается дальнейшее повествование. Выбор же того или иного слова для исходной позиции в предложении зависит от нашей познавательной установки. Другими словами, отмечает Т.В. Строева, "член предложения, выдвигаемый на первое место, не обязательно будет самым ударенным, наоборот, иногда значение его будет ничтожно, так как часто он будет служить только связующим, сцепляющим звеном двух предложений"⁶.

Типы связи с предшествующим повествованием, осуществляемые порядком слов, сложны и многообразны. Для связи самостоятельных предложений может служить положение дополнений, обстоятельств и т.д., например: In addition to a reference display of sample queries, data field identification tables, and display format models, the tutorial sequence should include all the material now provided by ongoing systems in the form of printed instruction manuals. For the new user it should provide a computer-aided instructional course inquiry formulation using a sample data base to test the new user's skill and understanding of the system before allowing him access to the full data base. The importance of the tutorial sequence can not be overstressed (ASIS, 1971, vol. 22, № 3, p. 149)⁷. В данном примере во втором предложении исходную позицию занимает предложное дополнение, которое по своему смыслу связано с понятием the tutorial sequence в предыдущем предложении; The diagrammatic representation of graphs proves useful in establishing basic definitions and developing an intuitive appreciation of contrasting information transfer structures. To explore characteristics of individual structures, however, we employ the matrix representation of graph (ASIS, 1972, 23, 4, 244).

⁶Строева Т.В. О прямом и обратном порядке слов в современном немецком языке. — В кн.: Памяти академика Л.В. Щербы. Л., 1951, с. 258.

⁷Journal of the American Society for Information Science (далее везде первая цифра означает год, вторая — том, третья — номер журнала, четвертая — страницу).

В данном примере инфинитивная группа, стоящая в начале предложения, связана с существительным structures, стоящим в конце предыдущего предложения.

При этом нередко в соединяемых предложениях наблюдается структурный параллелизм — оба сопоставляемых слова в двух соседних предложениях занимают начальное положение, например: Most experienced indexers probably use a thesaurus more or less routinely in way described in the flow chart, but they do not always follow up every step to its logical conclusion and often miss suitable index terms... For them, an occasional glance at the steps outlined in the flowchart may be a useful check on procedure, especially when the choice of index terms is a difficult one. For the novice indexer, the flow chart may be used as a training aid that will introduce him to the most thorough and exhaustive use of a thesaurus. (ASIS, 1972, 23, 4, 244). В этом примере предложное дополнение for them, с которого начинается второе предложение, связано с местоимением they в первом предложении.

Начальное положение слов в двух или более последующих предложениях может устанавливать отношения перечисления, например: The primary objective is the study of ways to improve the methods used for the transfer of information to industry including improvements in meeting users requirements with information from all sources and services... Also of interest are such topics as the framing of information officers, the promotion of international exchange of knowledge and experience, cooperation with other FID committees in common areas, and cooperation with other international organisations with similar programs (ASIS, 1971, 22, 6, 409).

В одном и том же СЕ связь между самостоятельными предложениями при помощи порядка слов может осуществляться путем выдвигания на первое место в предложениях и дополнения, и обстоятельства, например: Within these categories, terms are hierarchically organized. For an automated system, however, it is clearly necessary that all acceptable natural language representations of a term must be available to the analytical algorithm. In order to achieve this goal, the authors suggest transformational rules, but the exact use they intend to make of such rules is not obvious (ASIS, 1972, 23, 3, 205).

Порядок слов выступает в качестве показателя связи в СЕ еще более наглядно, когда не только косвенное дополнение занимает исходную позицию, но и наблюдается инверсия, т.е. подлежащее и сказуемое меняются местами, например: Three issues a year are planned, provided a sufficient volume of publication in the field can be found to justify them. To those which are caught in the ERIC net will be added abstracts of articles from all over the world contributed by Committee members and others interested (ASIS, 1971, 22, 3, 224).

Очень часто сказуемое стоит перед подлежащим в предложении в СЕ, где все остальные члены предложения занимают свои обычные позиции, например: One of the essential prerequisites for the construction of a thesaurus is a good understanding of the semantic links between the terms and concepts of the subject area of the thesaurus. Also needed is a good

degree of familiarity with the typical searching behaviour of the users of the information retrieval system which will employ that particular thesaurus (ASIS, 1972, 23, 4, 278). В данном примере also needed is... связано по смыслу с prerequisites в предыдущем предложении.

Итак, порядок слов в предложении выступает как средство связи между предложениями в СЕ. Однако для лингвистики текста важно не просто указать на возможные средства связи, но необходимо выявить отношения между высказываниями. Некоторые лингвисты⁸, в том числе и Т. ван Дейк, считают, что эти отношения если и не полностью аналогичны, то, во всяком случае, очень схожи с отношениями, существующими в сложной предложении. Однако вопрос о том, когда для выражения некоторой информации используется одно сложное предложение, а когда — несколько предложений, систематически еще не изучался⁹.

Эту проблему можно продемонстрировать на следующем примере: The committee would like to identify the kind of skills and/or talents which are essential, useful and contributing to professionalism in Information Science. For these reasons the committee was expanded to include representation from government activities and industry where information scientists are employed (ASIS, 1971, 22, 3, 194). (For these reasons связано по смыслу со всем началом первого предложения.) В данном примере измененный порядок слов во втором предложении связывает его с первым. Какие же отношения существуют между этими двумя предложениями? Перефразируем эти предложения и получим: The committee was expanded to include... because the committee would like to identify... The committee would like to identify... so the committee was expanded.

По крайней мере с некоторой точки зрения эти тексты семантически эквивалентны. В них выражены причинно-следственные отношения. Однако в исходном тексте эти отношения выражены при помощи двух предложений, а в 1-м и 2-м случаях — одним предложением. Почему же, передавая одну и ту же информацию, мы в одном случае используем одно предложение, а в другом последовательность предложений? И в какой мере объединение двух предложений эквивалентно "сочинению" предложений в последовательность? Здесь, видимо, может быть несколько толкований. Поскольку для анализа был выбран материал научного текста, который, как известно, характеризуется предельно сжатой манерой изложения, то, возможно, проще использовать последовательность простых предложений, выражающих какую-либо одну "элементарную" мысль. Уместно вспомнить точку зрения И.П. Севбо, которая считала, что для того, чтобы действительно понять, где кончается одна мысль и начинается другая, "необходимо привести текст к набору неких упрощенных стандартизованных предложений"¹⁰.

⁸ См., например: Николаева Т.М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике, вып. 8, с. 13.

⁹ См.: Дейк Т. ван. Вопросы прагматики текста. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике, вып. 8, с. 259.

¹⁰ Севбо И.П. Структура связного текста и автоматизация реферирования. М., "Наука", 1969, с. 11.

В тексте, когда выражается связь между двумя предложениями, утверждение, высказанное во втором предложении, а также его связи с первым предложением могут зависеть от утверждения в первом предложении. Это присходит, когда в тексте даются какие-либо выводы, уточнения, дополнения, разъяснения и т.д., например: Three issues a year are planned, provided a sufficient volume of publication in the field can be found to justify them. To those which are caught in the ERIC net will be added abstracts of articles from all over the world contributed by Comittee members and others interested (ASIS, 1971, 22, 3, 224).

В данном отрывке дважды измененный порядок слов во втором предложении не только связывает первое и второе предложения, но также помогает второму предложению уточнить и дополнить первое. Тем самым в последовательности предложений находят выражение не только факты и связи как таковые, но и то, как они интерпретируются, как они представлены и оценены в данном микротексте.

При помощи изменения порядка слов в предложении можно также ввести новый референт и акцентировать внимание на нем, причем, как в вышеуказанном примере: ...To those which are caught..., связь между предложениями не только не нарушается, а, наоборот, укрепляется.

Итак, вкратце было рассмотрено лишь одно средство связи между самостоятельными предложениями, вытекающее из самой структуры предложения. Но в действительности связь между предложениями осуществляется при помощи совокупности самых различных средств, как лексических, так и грамматических. Ведь связный текст довольно редко представляет собой такую последовательность предложений, где нет отступлений, где главные мысли, идеи проходят через весь текст как непрерывная, единая линия рассуждений. Чаще всего непрерывный ход рассуждения прерывается отступлениями, которые, однако, всегда связаны с целым. Поэтому адекватное понимание высказывания требует знания предшествующего контекста. Другими словами, в связном тексте все взаимосвязано, все подчинено основной идее. Особенно ярко и наглядно это проявляется в научном тексте.

Анализируя структуру предложения (в данном случае порядок слов) как средство связи между предложениями, можно вспомнить об учении Пражской школы о функциональной перспективе предложения, которое предполагает существование некой "гипертемы" целого высказывания и рассматривает связь внутри СЕ в смысле "тематической прогрессии" между темами и ремами отдельных предложений¹¹; при этом существующие отношения "данного" и "нового" связаны с возможностью извлечения информации из предшествующего контекста или из всей ситуации. Причем "непрямой" порядок слов как раз нередко и служит для введения "данного", например: Of all scientific and professional groups, "practitionere" (physicians, educators, engineers, etc.) are worst served by information systems whose holdings reflect what is available rather than what is needed. To the practitioner, if not the archivist, one handbook

¹¹ Дресслер В. Синтаксис текста. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике, вып.8, с. 113.

or manual may be worth more than a hundred research reports (ASIS, 1971, 22, 6, 399).

Суммируя сказанное, можно сделать некоторые выводы:

1) изучение структуры предложения как средства связи между предложениями представляет одну из важнейших задач современного языкознания. Важность и актуальность этой задачи ясны уже из того очевидного факта, что речь строится, как правило, не отдельными, изолированными предложениями, а как цепь предложений, тесно связанных между собой в смысловом и синтаксическом отношениях. Изучение синтаксической связи предложений помогает также более глубоко и верно понять и внутреннюю структуру самого предложения, являющегося органической частью общего потока речи;

2) порядок слов как одно из средств связи самостоятельных предложений, вытекающее из самой структуры предложения, не только связывает предложения в единое повествование, но одновременно может вводить нечто "новое" (например, нового референта), выражая при этом те семантические отношения, которые существуют между соседними предложениями, и помогая тем самым лучше и полнее понять весь текст.

III. СТИЛИСТИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАУЧНОГО ТЕКСТА

Е.А. РЕЙМАН

КОНКРЕТИЗАТОРЫ ГЛАГОЛА В АНГЛИЙСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ

Глагол обладает емкой и гибкой семантической структурой и многообразными синтаксическими возможностями. Глагол в личной форме — наиболее типичный вариант сказуемого, одного из двух главных членов предложения. Эта важная единица грамматической и семантической структуры предложения, естественно, используется во всех функциональных стилях речи в большом количестве самых разнообразных лексических вариантов. Богатство глагольной лексики безгранично, как и богатство обозначаемых с помощью глагола признаков объектов. Признаковое значение сказуемого в предложении получает различные уточнения со стороны обстоятельств, прямых и косвенных дополнений, которые, таким образом, являются конкретизаторами атрибутируемого глаголом признака¹.

Поскольку группы, на которые делятся дополнения и обстоятельства в соответствии с общим характером их значения, не соотношены с какими-либо отдельными функциональными стилями речи, функционально-стилистические различия должны проявляться в той лексике, которой выражены эти второстепенные члены предложения. Для анализа интересно выбрать самые употребительные уточнители глагола. Например, из обстоятельств — обстоятельство времени, а из дополнений — предложное дополнение с предлогом *by*.

Обстоятельство времени, как известно, выражается в английском языке главным образом предложными именными структурами. В составе обстоятельств времени используются как первообразные, простые по составу предлоги *after, at, before, by* и др., так и производные, например отыменный предлог *in the course of*, — всего 24 предлога: *about, after, around, at, before, between, beyond, by, during, for, from, in, in the course of, on, over, past, prior to, since, till (until), through, throughout, to, towards, within*.

Обстоятельства времени в большинстве своем представляют собой обозначения единиц измерения временных интервалов (секунда, минута, час, день, неделя и т.д.) и названия некоторых из них (дней недели, месяцев). Временные интервалы обозначаются не только существительными, но и числительными (часовое время) или сочетаниями существительных

¹Распространяющие глагол элементы предложения называются также адвербиальными детерминаторами. См., например: *Юрченко Г.Е.* Обязательная адвербиальная детерминация английских глаголов. Автореф. канд. дис. Горький, 1974.

и числительных (например, календарные даты). Вместо числительных могут быть цифровые обозначения. Кроме обозначений единиц времени употребляется, естественно, и наименование времени как такового, а также наименования трех временных планов (настоящее, прошедшее, будущее).

В названиях некоторых периодов времени отражается их качественная характеристика (day off, holiday). Особенно это относится к тем случаям, когда период времени именуется в соответствии с какими-либо обстоятельствами (arrival, departure, examination) или происходящими в это время событиями общественного или личного плана (war, revolution, marriage). Набор такого типа наименований не имеет предела. Каждое наименование периода времени может иметь дополнительные уточнители (at ten minutes to six the next evening, till late in the afternoon, for the last seventeen years, before commencing the grand attack и т.д.).

Сравнивая несколько типов текстов, взятых из научной и художественной литературы, Е.С. Троянская пришла к выводу, что по целому ряду признаков тексты художественной и научной литературы полностью совпадают².

В своем подавляющем большинстве временные конкретизаторы английского глагола оказываются нейтральными в отношении функциональных стилей речи, т.е. одни и те же единицы встречаются в текстах разных стилей. И это вполне естественно: оставляя в стороне терминологическую лексику, следует сказать, что функциональные стили речи не имеют своих словарей, лексика у них общая, но используют они ее каждый по-своему³. Так, если в художественном стиле речи при наименовании временных интервалов наблюдается стремление к округлению, например: at about seven next morning, a few days after the ball, for weeks before the trial, after twelve on the Monday morning и т.п., то научные тексты характеризуются стремлением к большей точности. Уточнители времени типа for ten thousandths of a second несомненно принадлежат научному тексту.

Стремление к большей точности, выражающееся в темпоральных конкретизаторах научных текстов, и округленность исчислений времени, отраженная в содержании темпоральных конкретизаторов художественных текстов, существуют и при одном и том же лексическом составе обстоятельств времени. Например, если в научном тексте говорится о том, что процесс продолжался два с половиной часа, то в зависимости от того, какой это процесс — биологический, атомный, геологический, пределы допускаемых погрешностей в исчислении времени будут разные, но всегда минимальные. Если же в тексте ненаучном говорится, что некто работал два с половиной часа, то, во-первых, обычно не существенно, было ли это 2 часа 30 мин., 2 часа 35 мин. или 2 часа 25 мин. Кроме того, погрешность часового механизма допускается довольно

²Троянская Е.С. К вопросу о лингвистических признаках функциональных стилей. — В кн.: *Стиль научной речи*. М., "Наука", 1978, с. 46—47.

³См.: Рейман Е.А. О нетерминологической лексике научных текстов. — В кн.: *Особенности стиля научного изложения*. М., 1976.

большая. Научная система счета времени более сложная: она включает единицы, не используемые в повседневной жизненной практике людей, такие, как тропический год, солнечные сутки, атомная секунда и проч. Наличие подобных наименований в составе обстоятельств времени свидетельствует о принадлежности временного оборота научному стилю речи. Но это уже терминологическая лексика.

Анализируя употребление словосочетаний с временным значением в русской научной прозе, В.В. Гойдина отметила избирательность употребления обстоятельств времени, известную предпочтительность одних типов перед другими. Она имела в виду продолжительность действий во времени, повторяемость и т.д.⁴ Следует заметить, однако, что избирательность наблюдается еще и в другом: из числа наименований периодов времени в научной литературе особенно часто упоминаются годы, традиционно обозначаемые цифрами: around 1938, about 1930, in the 1960s (или in the 1960's), between 1946 and 1954, until 1900, by 1953–54, up to 1822, during the years 1914–1918, since 1862 и т.д. При этом различие художественного и научного стилей речи заключается не только в разной частотности временных уточнителей этого рода, но и в разном их содержании. В художественной литературе указание года дает лишь временную отнесенность факта. В научной литературе оно содержит большую дополнительную информацию, позволяя читателю представить поступательное развитие научной мысли в данной области, перспективы этого развития, динамическую кривую научных достижений, приоритет научных открытий, масштабы научного открытия по отношению к времени его осуществления, тенденции развития научных направлений и т.д.

Наименования периодов времени по неким обстоятельствам или событиям также, как правило, не связаны с каким-либо функциональным стилем речи. Такие обороты речи, как on marriage, from birth, at the encounter, имеют достаточно общий характер и являются стилистически нейтральными. Стилистическая нейтральность большинства указателей времени понятна. М.В. Никитин пишет: "Слово не имеет жестко очерченного круга связываемых с ним концептов. Его значение подобно гравитационному полю со сгущением масс и тесным их взаимодействием в центре и ослабевающими к периферии силами тяготения, способными, однако, захватить и вовлечь в свою орбиту, хотя бы на время, те или иные концепты"⁵. Отсюда ясна возможность одного и того же слова использоваться для выражения весьма разнообразного содержания. Это видно на примере нейтральности указателей времени в отношении функциональных стилей речи, поскольку различия функциональных стилей речи — это прежде всего содержательные различия.

Стилистическая нейтральность указателей времени в целом ряде случаев снимается дополнительными уточнениями. Например, обстоятельство времени at eleven стилистически нейтрально (и даже не совсем ясно по своему значению: непонятно, имеется ли в виду в одиннадцать часов

⁴ См.: Гойдина В.В. Беспредложные и предложные обстоятельства времени в языке научной прозы. — В кн.: Чтение. Перевод. Устная речь. Л., 1977, с. 25.

⁵ Никитин М.В. Лексическое значение в слове и словосочетании. Владимир, 1974, с. 10.

или в одиннадцатилетнем возрасте). Но временной оборот *on the stroke of eleven*, несомненно, относится к стилю художественной литературы. Выше говорилось, что научный стиль речи характеризуется стремлением к повышенной точности выражения. В данном случае, однако, имеем не повышенную точность, а простой педантизм: строгую приуроченность выполнения действия к некоему времени. Точность же часового времени здесь относительна — точность часов может быть любой, не это в центре внимания автора высказывания. Данный временной оборот соотносится с областью повседневной жизни конкретных людей, т.е. с тем, что является содержанием художественной литературы.

В качестве уточнителей, снимающих стилистическую нейтральность, чаще всего выступают прилагательные. Например, если временной конкретизатор *during various functional states* следует отнести к научному стилю речи, то такие обороты речи, как *at a better time* (Pr, 30), *since these joyful days* (St, 14), *after the bright years at Chatham* (Pr, 12), *for long hours* (Sn, 84), *at some uncomfortable hour in the morning* (S, 24), естественно отнести к стилю художественной литературы.

Все то, что индивидуализирует, сообщает характер единичности, делает то или иное темпоральное словосочетание принадлежностью стиля художественной литературы. Поэтому стилистическую нейтральность могут снимать также личные притяжательные местоимения, указательные местоимения и индивидуализирующий артикль. Например, оборот *on marriage* в силу обобщенности своей семантики стилистически нейтрален. Наличие же в его составе личного притяжательного местоимения — *on her (his) marriage* — позволяет отнести этот вариант, скорее, к стилю художественной литературы, как и выражения *to the end of her life, for the rest of his life, for years after her death, throughout his career*.

Однако такое отнесение не безусловно, поскольку указанные местоимения необязательно индивидуализируют, они могут иметь и обобщенно-личное значение соответственно обобщенному значению существительных, с которыми они соотнесены, ср.: *Характерной чертой законодательства большинства буржуазных государств является неравноправное положение женщины в семье, ее имущественное неравенство, умаление ее родительских прав* (БСЭ, т. 3, 635). Из личных притяжательных местоимений наибольшей индивидуализирующей силой обладает местоимение *my*, ср.: *after my tea* (S, 29).

Указательные местоимения также индивидуализируют и снимают стилистическую нейтральность конкретизаторов времени. Временные обороты речи, включающие местоимения *this*, являются часто особенностью стиля художественной литературы: *before this afternoon, on this night* и т.д. Однако указательное местоимение *this* не только индивидуализирует, оно выполняет и другие задачи, в частности является показателем соотнесенности фактов, явлений с планом настоящего времени. Поэтому временные обороты типа *to this day* 'до настоящего времени, до сегодняшнего дня', *in these days* 'в наше время, в наши дни', *in this century* 'в наш век' и т.д. нельзя причислить к какому-либо конкретному стилю речи.

Индивидуализирующая роль определенного артикля также дает возможность говорить о принадлежности отдельных временных оборотов к стилю художественной литературы. Например, стилистически нейтральные существительные *woman* и *birthday* в сочетании с определенным артиклем становятся наименованием некоего частного случая, и временной оборот *on the woman's birthday* с большей вероятностью можно классифицировать как принадлежащий стилю художественной литературы, хотя, как и в случаях с указательными и притяжательными местоимениями, эта классификация не безусловна.

Можно было бы сказать, что имена собственные, названия отдельных лиц и индивидуальных, единичных предметов и явлений действительности, находясь в составе временных оборотов, свидетельствуют об их принадлежности стилю художественной литературы. В большинстве случаев это действительно так, ср.: *A few days after Daphne's marriage* (R, 200); *before Rebecca's death* (R, 190); *since the days of John's coming to England* (Gr, 20). Однако наличие в составе временного оборота имени собственного также не является безусловным критерием стилистической отнесенности. Если имена собственные являются именами исторических личностей или вообще выдающихся людей, то включающие их временные обороты обычно оказываются принадлежащими текстам научной литературы, ср.: *Since the time (the days) of Luigi Galvani, previous to the time of Benjamin Franklin, up to the time of Francis Bacon, since the work of Baker* (S, 30). Но и эта классификация в некоторой степени условна, поскольку жизнь замечательных людей часто является также предметом и художественной литературы.

Из всего сказанного выше следует, что, за исключением терминологической лексики, лексические единицы сами по себе редко могут служить критерием стилистической принадлежности образуемого ими временного оборота речи. Специфичными могут оказываться лишь комбинации лексических единиц, представляющие собой ряд последующих уточнений. Следующие конкретизаторы времени, например, можно отнести к стилю художественной литературы: *about six o'clock on the day of the disaster* (W, 21); *on the late afternoon three days after the father's funeral* (M, 34); *on the occasion when Mrs C. returned to Mrs N.'s* (Gr, 194); *at this point in our conversation* (S, 41); *on the morning of the disaster* (W, 21); *on the late afternoon three days after the father's funeral* (M, 34); *on the occasion when Mrs C. returned to Mrs N.'s house for tea* (D, 23) и т.п. Перечисленные ниже конкретизаторы времени можно отнести к стилю научной литературы: *in these days of ever increasing specialization in science, in early days of physics, a thousand years before the invention of the airplane, after discovering the new element — oxygen, since the introduction of the method by C. in 1949* и т.п.

Сравнение этих двух групп показывает, что каждый временной оборот первой группы соотнесен с некой частной, конкретной, единичной ситуацией, ограниченной определенными временными рамками, следовательно, конкретно локализованной. Каждый временной оборот второй группы заставляет предполагать, что речь идет о положении дел в некой области

науки или техники. Период времени обозначен точно, хотя границы его весьма широки, что не предполагает и конкретной локализации.

Здесь следует сказать коротко о том, в каком смысле следует понимать слово *ситуация*. Толковый словарь русского языка дает следующее определение этого слова: "Совокупность условий и обстоятельств, создающих те или иные отношения, обстановку, положение"⁶. В словаре иностранных слов оно определяется как "положение, обстановка, совокупность обстоятельств"⁷. Это очень общее определение получает различную конкретизацию в разных науках, в том числе в лингвистике. Например, в работах А.А. Холодовича⁸, Н.Ф. Иртеневой⁹ и других авторов, несмотря на отсутствие определения ситуации, она предстает как то или иное отношение актантов и действия, отраженное в структуре предложения. В работах же других авторов понятие ситуации так или иначе увязывается с реальной внеязыковой действительностью¹⁰. Н.Д. Арутюнова констатирует факт, что "понятие ситуации используется разными авторами в разных значениях: оно относится то к миру, то к языку (его семантике), то к способу мышления о мире", и добавляет: "Во многих случаях ситуацией называют экстралингвистический референт предложения, отрезок реальной действительности, частное событие, факт, о котором сообщается в конкретном высказывании"¹¹.

Принимая именно это определение ситуации, следует подчеркнуть частный, т.е. единичный, индивидуальный, характер ситуации как отрезка реальной действительности во всей его неповторимости. Факты реальной действительности — материал как художественной, так и научной литературы. Существенное различие заключается, однако, в следующем. Функция науки — "выработка и теоретическая систематизация объективных знаний о действительности"¹². В науке выделяют эмпирический и теоретический уровни исследования. Хотя элементы эмпирического научного знания получаются с помощью наблюдений и экспериментов, теоретический уровень исследования предполагает наличие особых абстрактных объектов и связывающих их теоретических законов. И даже при изучении объектов на эмпирическом уровне предметом внимания становятся только те обстоятельства их существования и функционирования, которые важны для понимания сущности данного объекта, для решения поставленной задачи.

Предметом искусства и, следовательно, художественной литературы является человеческий мир, человек и реальная действительность, во

⁶ Словарь русского языка в 4-х т., т. 4. М., 1961, с. 140.

⁷ Словарь иностранных слов. Под ред. И.В. Лёхина и Ф.Н. Петрова. М., 1974, с. 642.

⁸ См., например: *Холодович А.А.* Залог. — В кн.: Категория залога. Материалы конференции. Л., 1970.

⁹ *Иртенева Н.Ф.* Семантические соответствия некоторых синтаксических конструкций в русском и английском языках. — Русский язык за рубежом, 1969, № 2.

¹⁰ См., например: *Виноградов В.В.* Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения. — ВЯ, 1954, № 1, с. 29; *Есперсен О.* Философия грамматики. М., 1958; *Joos M.* The English verb. Wisconsin, 1964; *Behre F.* Get, come and go. Some aspects of situational grammar. — In Acta Universitatis Gothoburgensis. Studies in English 28. Stockholm, 1973.

¹¹ *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл. М., 1976, с. 7.

¹² БСЭ, т. 17, М., 1974, с. 323.

всем многообразии их отношений. "В любом произведении литературы так или иначе выступают образы людей — характеры (или герои) в определенных обстоятельствах"¹³. Воссоздавая жизненные обстоятельства, в которых оказываются и действуют герои, художественная литература стремится заставить читателя увидеть их, присутствовать при описываемых обстоятельствах, рисуя их поэту в деталях, часто несущественных для качественной характеристики героя — объекта повествования, но способствующих полноте изображения той или иной ситуации реальной действительности. Художественная литература изображает непосредственно данное, чувственно воспринимаемое с его как существенными, так и несущественными признаками, в обстановке существенных и несущественных обстоятельств, при этом все время меняющихся. Научная литература рассказывает о своих объектах, прибегая к точным, строгим определениям. Д. Кинг сопоставляет описание радуги в научном и в художественном стилях речи:

1. A rainbow is an arch exhibiting the prismatic colours in their order, formed in the sky opposite the sun by reflection, double refraction, and dispersion of the sun's rays in falling drops of rain 'Радуга — это разноцветная дуга с такой же последовательностью цветов, как в солнечном спектре, образующаяся на противоположной солнцу стороне неба в результате преломления, двойной рефракции и дисперсии солнечных лучей в падающих каплях дождя'.

2. Under the shattered plate of storm cloud in the east, cottage windows shone like mica; above them, in a luminous drift of rain the sun softly bent its coloured bow 'Под темными клоками туч унесшейся на восток бури окна дома сверкали, как слюдяные; над ними, в блестящей завесе дождя, солнце мягко сгибало свой семицветный лук'.

Комментируя сопоставляемые отрывки, Д. Кинг отмечает в научном тексте строгую логическую последовательность деталей описания, ясные и четкие определения, в художественном тексте — его выразительность, апелляцию к эмоциональному восприятию читателя, расчет не только на денотации, но и на коннотации используемых слов¹⁴. Эту характеристику хотелось бы дополнить, указав на наличие индивидуализирующих описание уточнителей — *shattered plate (of storm cloud)* и *cottage windows shone like mica*. К явлению радуги они непосредственного отношения не имеют, но они необходимы для того, чтобы текст стал описанием частной, единичной ситуации реальной действительности.

Границы между научным и художественным стилем не абсолютны, их элементы взаимопроницаемы¹⁵. Поэтому о принадлежности временных конкретизаторов тому или другому стилю речи даже при наличии в их составе цепочки уточнителей можно судить лишь с относительной точностью. Для большей ясности необходимо знать, о каком предмете идет речь, т.е. нужен весь контекст предложения. Выше уже говорилось об индивидуализирующей способности прилагательных и об ее относительном характере. Так, оборот *on a still night* можно было бы считать

¹³ БСЭ, т. 14. М., 1973, с. 511.

¹⁴ King D. A choice of words. Oxford, 1969.

¹⁵ См.: Степанов Г.В. О художественном и научном стилях речи. — ВЯ, 1954, № 4.

элементом художественного стиля, и действительно это — элемент текста художественного произведения (S, 36). Но в то же время мы находим: *on clear, quiet nights moisture would condense on the plants to form dew* (Sc, 96). Это отрывок предложения научного текста. Только соотнесенность глагола и его временного конкретизатора с существительным, называющим объект, которому приписывается данный признак, показывает, что в первом случае временной оборот принадлежал художественному тексту, а во втором — научному.

Определить принадлежность временного конкретизатора художественному стилю речи можно тогда, когда его контекст дает достаточное основание считать его элементом единичной, частной ситуации, как это имеет место в следующих номинативных оборотах: *on a raw Wednesday morning* (S, 20); *until a Friday night in December* (Sn, 165); *at the end of a very stormy August* (Pr, 82); *during the long hours of the wakeful night* (S, 47); *before these words should meet the eye* (S, 24); *by the time he reached the corner* (Chr, 47) и т.д.

Если понимать под ситуацией отрезок реальной действительности во всем его индивидуальном своеобразии, то следует признать, что ситуации лежат в основе только текстов художественной литературы. В научном изложении даны факты и системы фактов. Если в научной литературе описываются события, например в исторической, то эти описания не индивидуализированы. В них даны лишь существенные обстоятельства, содействующие или противодействующие наступлению событий. Все несущественное, случайное, как правило, опускается. Если в научной литературе описываются некие обстоятельства, например обстоятельства научного эксперимента, то также без несущественных подробностей. Ничего частного, индивидуализирующего. Следовательно, это нельзя считать ситуациями, скорее это модели ситуаций. Согласно определению «модель (в широком понимании) — образ... или прообраз (образец) к.-л. объекта или объектов ("оригинала" данной М.), используемый при определенных условиях в качестве их "заместителя" или "представителя"»). И выше: «Модель... образец, служащий эталоном (стандартом) для серийного или массового воспроизведения»¹⁶. Иллюстрацией этого является следующее описание эксперимента: *In the seventeenth century Galileo first devised means of measuring the weight or pressure of the air. He filled a long tube, closed at one end with water and inverted the tube in a vessel of water. He found that the water remained in the tube to a height of about 34 feet, and reasoned that it was held there by the pressure of the air varied from time to time* (Sc, 26). В этом описании условий эксперимента *the water did not always remain the same, thus showing that the pressure of the air varied from to time* (Sc, 26). В этом описании условий эксперимента нет никаких частных, индивидуализирующих деталей, которые бы дали возможность сказать, что здесь описана ситуация реальной действительности в ее неповторимости. Наоборот, здесь точно описаны общие условия эксперимента, что создает возможность его многократного воспроизведения в случае необходимости.

¹⁶ БСЭ, т. 16. М., 1974, с. 399.

Рассмотрев характеристики обстоятельственного темпорального конкретизатора глагола в художественном и научном стилях речи, сопоставим положение дел в этом случае с объектным конкретизатором глагола — оборотом с предлогом *by*. Этот номинативный оборот отличается наибольшей частотностью во всех функциональных стилях речи. Предлог *by* используется в английском языке для выражения отношений результативности. Соответственно этому являющаяся конкретизатором предложения группа передает информацию о факторе, создающем некий результат, способствующем его возникновению или достижению, позволяющем его достичь или осуществить. Подобным фактором в реальной действительности могут являться различные физические, психические и прочие объекты или разнообразные обстоятельства: *their ranks had been broken by the rhubarb plant (R, 7); we were summoned by a booming gong (R, 110); the sofa-bed had been nibbled by mice or rats (R, 131); that self... handicapped by a rather desperate gaucherie (R, 14); a muddled ditch created by the winter rains (R, 6); a lake undisturbed by wind or storm (R, 6); my vision was disturbed by the opening of the door (R, 82)*. Во всех этих случаях выражения отношений результативности глагольный элемент предложения сообщает о том, какие признаки появляются у описываемого объекта в результате воздействия некоего фактора, о котором сообщается в предложном дополнении¹⁷.

Подобно темпоральным отношениям, отношения результативности в их рассматриваемой форме выражения в силу своего обобщенного характера свойственны текстам всех функциональных стилей речи. Поэтому различие можно обнаружить лишь в характере конкретизатора, т.е. в лексике предложного дополнения. В художественных текстах эта лексика весьма разнообразна, но не лишена неких специфических черт. Выражающие дополнение отдельные существительные и номинативные группы слов создают индивидуальные характеристики, связанные с конкретными обстоятельствами, с единичными конкретными ситуациями реальной действительности. Индивидуализации способствует широкое использование в составе предложных оборотов личных и притяжательных местоимений, указательных местоимений, имен собственных: *judged by her clothes (Sn, 19); christened by her (S, 39); upset by that talk (Sn, 125); preceeded by Miss Langshan-Smith (S, 23); governed by dislike of Loona Bimberton (S, 35); sent by Jack (Sn, 112); joined by Georgy (Pr, 59)*.

Индивидуализация, однако, создается не столько отдельными словами, сколько взаимодействием всех лексических единиц, при этом не только

¹⁷ Предлог *by* часто рассматривают как средство выражения агентивных и инструментальных отношений. См., например: *Левецкая А.П.* Предложные словосочетания со значениями орудия и агенса в современном английском языке. Канд. дис. Л., 1972. Однако в этих условиях исходят из структурной схемы: действие и его актанты (источник действия и его объект, агенс и пациенс). В данной же статье речь идет об атрибутируемых глаголом признаках, их конкретизаторах и различных отношениях при конкретизации. О выражении предлогом *by* результативных отношений см.: *Bolinger D.* Meaning and form. London — New York, 1977, p. 9—10.

лексики конкретизатора, но и глагольной лексики (в силу тесной связи, существующей между глаголом и дополнением), ср.: *swayed by hunger and by love* (S, 35) — каждое слово в отдельности не принадлежит никакому функциональному стилю, но принадлежность целого художественному стилю речи очевидна. В результате взаимодействия лексических единиц создается обычно соотносительность с некой единичной ситуацией: *commenced by asking her unsuspecting pupil to tea* (S, 15); *cut short by the appearance of the animal itself* (S, 37); *followed by a request for a large scale map of the locality* (S, 43); *joined by his wife and the younger children* (Pr, 12).

Достаточно часто все же взаимодействие глагола с лексическими единицами состава конкретизатора не создает еще соотносительности с частной ситуацией. Поэтому возможность отнести все словосочетания в целом к тому или иному стилю речи отсутствует и судить об этом позволяет лишь взаимодействие всего этого целого с именем объекта, которому приписывается упоминаемый признак, иначе говоря, необходим весь контекст предложения. Так, например, сложное целое *satisfied by the little world he had built up* (Sn, 125) могло бы иметь и обобщенный смысл и принадлежать научному стилю речи, если бы местоимение *he* было употреблено в абстрактном смысле 'человек'. Но поскольку в тексте оно соотносится с именем конкретного человека, местоимение *he* оказывается употребленным в индивидуализирующем смысле, и все предложение становится частью описания частной ситуации. Конкретная, единичная референция позволяет классифицировать предложение, а следовательно, и глагольный конкретизатор как принадлежащие функциональному стилю художественной литературы.

Нередко контекст предложения оказывается тоже недостаточным. Например, глагольный признаковый комплекс *bounded on the north by the British Channel* (S, 25) мог бы принадлежать тексту любого стиля речи. Естественно, что название территории, о которой идет речь (объекта атрибутируемого признака), также ничего не проясняет: это могло бы быть предложение не из художественного текста (а ему-то оно и принадлежит в действительности), а из научного географического описания. Только знакомство с более крупным отрезком текста, чем одно предложение, позволит прийти к какому-либо заключению.

В научной прозе, подобно произведениям художественной литературы, не наблюдается каких-либо ограничений в использовании глагольной лексики, она достаточно разнообразна. Так, например, в статьях по проблемам радиозлектроники на первых десяти страницах встретились глаголы: *accomplish, achieve, affect, alter, calculate, call up, change, clock, combine, construct, continue, control, delay, display, divide, eliminate, expand, form, generate, hold, insert, interrupt, limit, perform, produce, provide, record, remove, renew, set, synchronize, tend, time, visualize* (REE). Глагольное объектное словосочетание в узкоспециальных текстах приобретает стилистическую отнесенность в результате того, что в составе дополнения часто используется терминологическая лексика: *interrupted by operator intervention* (REE, 58); *accessed by line pulses* (REE, 59); *gene-*

rated by two counters (REE, 59); set by the pulse time (REE, 59); provided by a storage system (REE, 49).

Но терминологическая лексика не является единственным критерием отнесенности глагольного словосочетания и самого глагольного конкретизатора к научному функциональному стилю. Свидетельство стилистической принадлежности — это то, что номинативные структуры называют объекты и их свойства, которые представляют собой предмет научного исследования: established by the brain (A, 6); established by the nerve-fibres (A, 9); induced by an electric shock (A, 6); accompanied by electric changes (A, 11); accompanied by small electric currents (A, 13) и т.д.

Стремление к повышенной точности выражения, отмеченное у темпоральных конкретизаторов научного стиля, характерно и для результативных конкретизаторов. Например, независимо от контекста всегда используется сочетание electric current, хотя смысл существительного current ('ток', а не 'течение') бывает совершенно ясен.

В географических научных текстах лексика предложных дополнений часто не представляет собой ничего специфически научного. Но ее повторяемость в постоянных соотношениях обнаруживает стилистическую специфику: separated by low hills (G, 18); filled by silt (G, 40); formed by these rivers (G, 29); deposited by the flood water (G, 32); covered by a huge sheet of ice (G, 35); broken by deep, narrow valleys (G, 19).

В текстах общетеоретического характера лексика дополнений также обнаруживает стилистическую специфику, хотя и не в своей отдельности, но в своей совокупности: это названия научных направлений и специальностей, имена ученых, наименования научных профессий, этапов процесса научного исследования и т.д. Глагольная же лексика при этом стилистически нейтральна и в отдельности и в совокупности: presented by some very famous scientists and philosophers (DB, 1); neglected by the theory (DB, 4); made small by careful instrumentation (DB, 5); hoped for by a physicist (DB, 6); taken care of by Heisenberg's conditions (DB, 7); surprised by new experimental results (DB, 10).

Сопоставление глагольных словосочетаний из художественной публикации (сборник рассказов) и естественнонаучной (начальный курс для студентов университетов) оказывается весьма показательным. В первом случае те элементы информации, которые содержатся в объектном конкретизаторе глагола, относятся к людям и обстоятельствам их повседневной жизни: accelerated by senile decay (S, 37); admired by the county (S, 38); affected by the strawberry (S, 16); beset by a hurricane of inquiry (S, 31); caused by sudden report of the rifle (S, 37); carried by an Algerian aviator (S, 35); cut short by the appearance of the animal itself (S, 37); driven by the increasing infirmities of age (S, 35); preceded by Miss Langshan-Smith (S, 23). Все обстоятельства чрезвычайно пестры по своему содержанию. Во втором случае (научный текст) информационные уточнения глагольного конкретизатора весьма единообразны по содержанию: объекты, их свойства, исследования объектов

и свойств: attracted by some object (S, 12); crushed by the airpressure (Sc, 25); defined by the properties (Sc, 5); developed by experiment (Sc, 37); held by the pressure of the air (Sc, 26); inspired by a theory (Sc, 13); obtained by mechanical means (Sc, 32); produced by friction (Sc, 48).

Поскольку объектом научного исследования, а следовательно, и описания являются не отдельные предметы, а классы однородных предметов, определенный артикль, личные, притяжательные и указательные местоимения в научных текстах уже не имеют, как правило, индивидуализирующей силы в противоположность текстам художественным.

”В настоящее время можно наблюдать как параметры научного языка с ярко выраженной художественно-образной системой, так и художественные произведения, язык которых насыщен определенной научной, профессиональной терминологией, которая не производит здесь впечатления инородного тела, а является нормальным, общим для всех стилей компонентом национального литературного языка”¹⁸. Но сопоставление профессиональных элементов в научных и художественных текстах — особая проблема, предмет отдельной статьи и здесь рассматриваться не может.

Все сказанное выше можно кратко суммировать следующим образом:

1. Нетерминологические глаголы в основной своей массе стилистически нейтральны.

2. Материалом для глагольных темпоральных конкретизаторов и конкретизаторов результативных отношений в текстах разных функциональных стилей может служить одна и та же нетерминологическая лексика. Но сочетания лексических единиц образуют комплексы, характер содержания которых часто соответствует либо стилю художественной, либо стилю научной речи.

3. О принадлежности конкретизатора художественному стилю речи можно говорить в случае индивидуализации его содержания, его соотнесенности с некой частной ситуацией. Этому способствует, в частности, наличие в составе лексики конкретизатора индивидуализирующих прилагательных, личных, притяжательных и указательных местоимений, индивидуализирующего определенного артикля.

4. Конкретизаторы, которые могут быть отнесены к научному стилю речи, характеризуются обобщенным, отвлеченным характером содержания, отсутствием соотнесенности с какой-либо частной ситуацией реальной действительности.

5. Конкретизаторы глагола в научных текстах обнаруживают, кроме того, стремление к повышенной точности выражения информации как в случае результативных, так и в случае темпоральных отношений. В художественной литературе положение дел иное. ”Художественное время не столько календарный отсчет событий, сколько соотнесенность событий, установление ассоциативных, причинно-следственных, психологических связей между ними, создание сложного ряда событий, выстраива-

¹⁸Белодед И.К. Научно-технический прогресс и язык художественной литературы. — ВЯ, 1977, № 3, с. 4.

емых в сюжетной канве"¹⁹. Такой же относительный характер имеют и результативные отношения.

6. Стилистическая принадлежность темпоральных и результативных конкретизаторов глагола обнаруживается не столько отдельными лексическими единицами, сколько лексикой обстоятельств или дополнений в ее совокуности.

Принятые сокращения

- A — *Adrian E.D.* The physical background of perception. Oxford, 1974.
B — *Bentley Ph.* Inheritance. London, 1967.
Chr — *Christie A.* The secret adversary. London, 1961.
D — *Davin D.* English short stories of today. London, 1959.
DB — *Dockx S., Bernays P.* (ed). Information and prediction in science. New York — London, 1965.
G — *Hodgkinson E. J., Preece D.M.* A first course in modern geography. London, 1956.
Gr — *Green G.* The confidential agent. London, 1963.
M — *Marsh N.* Scales of justice. London, 1960.
Pr — *Priestley J.B.* Charles Dickens. Cologne, 1961.
R — *Maurier D.* Rebecca. Moscow, 1965.
REE — The Radio and Electronic Engineer. The Journal of the Institution of Electronic and Radio Engineers, 1974, vol. 44, № 2.
S — Selected stories by Saki (H.H. Munro). London, 1939.
Sc — *Davis I.C., Sharpe R.W.* Science. New York, 1943.
Sn — *Snow C.P.* Strangers and brothers. London, 1962.
St — *Stevenson R.L.* A child's garden of verses. London, 1963.
W — *Wyler R., Ames G.* Inside the Earth. New York, 1968.

Л.В. СЛАВГОРОДСКАЯ

О ФУНКЦИИ АДРЕСАТА В НАУЧНОЙ ПРОЗЕ

1. Успехи в лингвистическом изучении коммуникативного аспекта текста — как в плане лингвистики текста, так и в плане теории речевой деятельности — дают возможность по-новому подойти к некоторым проблемам стилистики, в частности поставить вопрос о стилеобразующей функции адресата.

Речевое произведение, как известно, выполняет свою коммуникативную задачу лишь в том случае, когда содержащаяся в нем информация адекватно воспринимается соответствующим реципиентом. А потому говорящий, если он хочет быть правильно понятым, обычно в той или иной мере ориентируется на определенного адресата речи как в отборе языкового материала, так и в построении речи, иногда даже в звуковом ее оформлении.

Подобная речевая "мимикрия" может стать особенно заметной при наличии значительной дистанции между говорящим и слушающим, например в разговоре с ребенком, с иностранцем или в речи человека, попавшего в чуждую ему социальную среду. Так, в художественной литературе

¹⁹ *Тураева З.Я.* Категория времени. Время грамматическое и время художественное. М., 1979.

часто комически обыгрывается ситуация, когда малообразованный человек, оказавшись в кругу людей образованных, пытается выразиться "по-ученому". С другой стороны, типичная ошибка неопытного пропагандиста — подстроиться под аудиторию, что находит выражение в первую очередь в языке. Эти и подобные случаи демонстрируют стремление говорящего "приспособиться" к собеседнику, которое, очевидно, обусловлено самим механизмом речевого общения — взаимодействием двух его сторон: порождения и восприятия речи.

Движущей силой речетворчества является, как отмечает Карл Боост, стремление говорящего удовлетворить ожидание слушателя, уравнивать его с собой в знании определенной информации¹. С другой стороны, по определению Б.Ю. Нормана, "восприятие текста — это активный встречный процесс, он характеризуется стремлением слушающего предвосхитить сообщение"². А потому восприятие — "это и предсказание, прогнозирование, угадывание. Слушающий идет навстречу говорящему... обгоняет получаемые физические единицы сообщения"³. Механизм приема отражается на построении речи, поскольку, как убедительно показал Б.М. Гаспаров, говорящий "интуитивно чувствует... специфику в восприятии"⁴.

Наиболее полно — на всех языковых уровнях — ориентация на восприятие реализуется в устной спонтанной речи, где есть момент обратной связи: реакция собеседника показывает, правильной ли была ориентация. А потому совершенно справедливо утверждение Д. Брчаковой: "В любой устной коммуникации, даже если примерная концепция будет монологической, мысль об адресате сопутствует созданию коммуниката"⁵.

Чтобы нагляднее представить себе моменты, которые учитываются говорящим, если он хочет вызвать у собеседника адекватную реакцию, приведем пример диалога, в котором реакция оказывается неадекватной. Это разговор Алеси с бабушкой из повести Горького "Детство":

— Ты откуда пришла? — спросил я ее.

Она ответила:

— С верху, из Нижнего, да не пришла, а приехала! По воде-то не ходят.

Это было смешно и непонятно: наверху, в доме, жили бородатые крашенные персияне, а в подвале старый желтый калмык продавал овчины. По лестнице можно съехать верхом на перилах... И при чем тут вода? Все неверно и забавно спутано (Г, 15).

Чтобы правильно воспринять услышанное, ребенку не хватило как знаний о мире (факта, что можно ездить по воде), так и владения языком (что значит в этом контексте "с верху", "Нижний"). В результате "текст, организованный со стороны говорящего по всем правилам связ-

¹Boost K. Neue Untersuchungen zu. i Wesen und Struktur des deutschen Satzes. Berlin, 1955, S. 11—12.

²Норман Б.Ю. Синтаксис речевой деятельности. Минск, 1978, с. 60—61.

³Там же, с. 59.

⁴Гаспаров Б.М. Устная речь как семиотический объект. — Учен. зап. Тартуского гос. ун-та, 1978, вып. 442. Семантика номинации и семиотика устной речи (лингвистическая семантика и семиотика), с. 69.

⁵Брчакова Д. О связности в устных коммуникатах. — В кн.: Синтаксис текста. М., 1979, с. 249.

ности, толкуется адресатом как несвязный и теряет свою коммуникативную информативность⁶.

Общие денотативные знания и соответствующее владение языком (или подязыком) являются, как известно, исходными моментами эффективной коммуникации, составляя (по терминологии немецких лингвистов) так называемый горизонт каждого из говорящих⁷. Горизонт определяет не только круг возможностей собственного речетворчества, но и правильное прогнозирование реакции собеседника, которая возникает на пересечении двух горизонтов и будет близка к предполагаемой в случае близости горизонтов.

Но пересечение двух горизонтов имеет место и при понимании читателем письменного текста (не случайно М.М. Бахтин утверждает, что всякое понимание диалогично, понимание текста — уже диалог с его автором⁸). Отличие от спонтанного диалога лишь в том, что здесь горизонт реципиента не реализуется в ответной реплике, по которой автор мог бы проверить правильность ориентации на адресата и внести в свою речь соответствующие коррективы. Он может лишь угадывать возможную реакцию своего потенциального адресата. Ориентация на воображаемую реакцию воображаемого собеседника является условной и обретает, как правило, форму специфических стиливых приемов.

Итак, стремление получить определенный эффект "на выходе", т.е. в сознании реципиента, обязательно для речевой деятельности, а потому ориентация на адресата — неотъемлемая черта всякой речи. Однако есть формы речи, в которых эта черта проявляется наиболее ярко и последовательно на всех языковых уровнях, и есть такие, в которых она менее очевидна. К первым относится спонтанная устная речь, преимущественно диалогическая, ко вторым — книжная письменная, в том числе и научная.

В письменной книжной речи нет конкретного адресата — им может оказаться любой. Но автор — конкретный живой человек. Он должен как-то представлять себе своего потенциального читателя, должен знать, для кого пишет. Поэтому мы находим и в письменной "безадресной" речи следы диалога с читателем. Есть они и в научной прозе.

2. В силу своей функциональной направленности научная проза не может не ориентироваться на читательскую аудиторию. Ибо, публикуя результаты своих исследований, ученый не просто сообщает другим определенную информацию, но и рассчитывает на какой-то отклик, претендует на то, чтобы его данные и выводы были учтены в других работах, вступает в полемику и хочет добиться признания. Не только положительная или отрицательная оценка какой-либо концепции, одобрение или критика, но и простое упоминание, цитата, ссылка уже являются ответной реакцией на чужое высказывание, которое, таким образом, становится репликой в своего рода научном диалоге. Иными словами, научный текст — не только носитель информации, но и средство научного общения.

Более того, чтение научного текста, т.е. восприятие его адресатом, есть, как показывает современное науковедение, активный творческий

⁶ Там же, с. 250.

⁷ Brinkmann H. Die deutsche Sprache. Düsseldorf. 1971, S. 730.

⁸ Бахтин М.М. Проблема текста. — Вопросы литературы, 1976, № 10, с. 149.

процесс: "Проникая в содержание осваиваемого продукта, человек выявляет способ деятельности творца продукта и в своей деятельности отождествляется с деятельностью творца. Между ними возникает своеобразный диалог, в процессе которого, осваивая предмет, человек его изменяет"⁹. Именно на такое творческое восприятие текста должен ориентироваться автор научной публикации.

Но не следует при этом забывать, что научное общение осуществляется, как правило, между людьми, обладающими общей сферой знаний и представлений. Сфера эта создает как бы единый контекст, с которым в какой-то мере соотнесено каждое речевое произведение и который полагается известным адресату. Поэтому автор научного текста обычно представляет себе своего будущего читателя как человека, достаточно хорошо знакомого с данной областью науки и достаточно хорошо владеющего принятой в ней системой знаков, чтобы понимать сказанное "с полуслова", а иногда и без слов — по формулам или условным изображениям. Иными словами, в том диалоге, который развертывается между автором и реципиентом в процессе восприятия текста, между партнерами не возникает дистанции ни в плане владения языком, ни в сумме предварительных "знаний о мире": ученый вправе рассчитывать на читателя, горизонт которого максимально близок его собственному. «В сущности, все, что мы говорим, — пишет Е.Д. Поливанов, — нуждается в слушателе, понимающем "в чем дело"... Мы говорим только необходимыми намеками; раз они вызывают в слушателе нужную нам мысль, цель достигается»¹⁰. В роли "намеков", вызывающих у подготовленного читателя нужные представления, функционирует в научной литературе и специальная лексика, характерный словарь данной области знаний. Знаменитый немецкий публицист Курт Тухольский остроумно назвал научные термины "сокращенными обозначениями человеческих мыслей прошлого"¹¹. Их адекватное понимание базируется на так называемой общей памяти автора и адресата. На ее объем в тексте часто указывают обороты: *как мы знаем, как известно* и т.п. К фонду общей памяти автор отсылает читателя, например, когда пишет: *Es ist bekannt, daß mehrere oligomere Enzyme beim Abkühlen dissoziieren. Das ist eine der Ursachen für die Kälteelabilität* (Н, 101); *Da die Rechenregeln der Matrizen als bekannt vorausgesetzt werden können, lassen sich die entscheidenden Ergebnisse der Born-Jordanschen Arbeit schnell zusammenfassen* (L, 32); *Man denke in diesem Zusammenhang an einen durch Maikäfer oder Raupen im ersten Frühjahr kahl gefressenen Wald* (W, 215).

Но в ходе научного изложения автор ссылается не только на то, что для читателя является известным, но и на то, что для него становится очевидным в силу его способности логически мыслить и умения пользоваться определенной системой доказательств: *Es ist leicht einzusehen,*

⁹ Глазман М.С. Научное творчество как диалог. — В кн.: Научное творчество. М., 1969, с. 222.

¹⁰ Поливанов Е.Д. По поводу звуковых жестов японского языка. — В кн.: Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968, с. 296.

¹¹ Tucholsky K. Die hochtrabenden Fremdwörter. — In: Tucholsky Ein Lesebuch für unsere Zeit. Weimar, 1962.

daß ein stabiles Dimer ausschließlich sologe Kontakte haben muß (H, 103); Unser Verfahren nennen wir Polynom-Methode. Es ist klar, daß es hinreichenden Charakter hat (S, 17); Die Wahrscheinlichkeit für P und der Erwartungswert von P sind identisch, was ja auch dem Begriff nach dasselbe ist (L, 65).

Опираясь на знания и навыки своего читателя, автор может позволить себе опустить некоторые звенья в цепи своих рассуждений и предоставить читателю самому произвести некоторые логические или математические операции. Для подготовленного читателя вполне достаточно, например, такого указания: Ein Isomorphismus zwischen beiden Räumen ist nach obigem Verfahren leicht herzustellen (L, 44).

Заполняя подобные пропуски, читатель получает возможность проявить при этом известную самостоятельность, по-своему осмыслить излагаемый материал. Интересно, что М.С. Глазман называет такого рода логические пропуски "окнами в предметный, содержательный строй теории"¹². Автор, включающий их в свои теоретические выкладки, явно рассчитывает на активное участие читателя в освоении теории, делает его потенциальным соавтором. Не случайно местоимение *мы*, которое в современном научном тексте используется для обозначения субъекта изложения, чаще всего объединяет автора и читателя, что связано в основном с "интимизацией повествования для создания контакта между автором и читателем"¹³.

Аналогичное отношение автора к адресату закреплено и в речевых клише, которые направляют в научном тексте последовательное изложение материала. Одновременно они регулируют и "общение" автора с воображаемым адресатом.

3. Первые реплики диалога между малознакомыми людьми часто имеют целью установление контакта между ними и создание определенной семантической атмосферы, которая позволяет партнерам яснее представить себе, о чем пойдет речь¹⁴. Для читателя научной литературы она обеспечивается самим фактом принадлежности работы к определенной области знаний (который может быть дополнительно подтвержден фактом публикации в определенном издании), затем названием работы и именем автора (если он уже известен) и, наконец, оглавлением, аннотацией, предисловием.

В структуре самого научного текста аналогичную роль выполняют обычно конструкции, обеспечивающие так называемую прямонаправленную связность текста и оповещение читателя о дальнейшем ходе изложения¹⁵. Они должны прежде всего сформировать у реципиента то ожидание, которое затем поможет ему наиболее адекватно воспринять новую информацию: Wir beginnen mit der zonalen Vegetation der Laubmischwälder und fügen die extrazonale hinzu. Dann gehen wir zur azonalen Vegetati-

¹²Глазман М.С. Указ. соч., с. 224.

¹³Троянская Е.С. "Безличность" изложения — важный лингвистический признак стиля научной речи. — В кн.: Лентгометодические основы преподавая иностранных языков. М., 1979, с. 185.

¹⁴См.: Sprachliche Kommunikation und Gesellschaft. Berlin, 1974, S. 424.

¹⁵См. об этом статью Е.А. Зверевой в настоящем сборнике.

он über und ordnen sie in ökologischen Reihen an. Zum Schluß fügen wir die auf starken menschlichen Eingriffen beruhenden Gesellschaften an (W, 128).

Сообщая читателю свои намерения, автор стремится вызвать у него нужные ассоциации, актуализировать уже имеющиеся у него знания. Эту же задачу выполняют, по сути дела, и разного рода ссылки и напоминания, в том числе и указания на связь с предыдущими отрезками текста: Ein Protein mit Quartärstruktur ist, wie bereits erwähnt, aus Untereinheiten aufgebaut (H, 95).

Подобные "ссылки на самого себя", речевые клише, выражающие обратнаправленную связность текста, активизируют как память, так и работу мысли, стимулируют процесс творческого восприятия и как бы формулируют его, указывая, какие элементы текста должны теперь обогатиться новыми логическими связями: Die Rolle polarer Wechselwirkungen wurde am Beispiel des Hämoglobins ausführlich erörtert (S, 92 ff.); Wir können also sagen: Die Entstehung und Aufrechterhaltung einer spezifischen Proteinstruktur ist ein kooperativer Prozeß, an dem mehrere Kräfte beteiligt sind (H, 102).

Так подготавливается контекст, на который "ляжет" новая информация. За счет соотнесения ее с уже имеющейся происходит осмысление этой новой информации и освоение ее реципиентом, т.е. включение в его собственную систему знаний.

Поэтому связи, регулирующие порядок изложения материала, отражают одновременно и логику восприятия этого материала адресатом, более того — зачастую непосредственно подчинены ей: Damit hätten wir die wichtigsten Verbreitungstatsachen, soweit sie die mitteleuropäische Flora betreffen, kennengelernt. Verstehen kann man sie nur, wenn man sie als historisch-genetisches und ökologisches Problem betrachtet. Deshalb werden wir uns im nächsten Teil zunächst genauer mit den historischen Tatsachen vertraut machen (W, 41).

Характерно также, что прямонаправленные связи могут быть сформулированы и как выражение авторских намерений и как побудительные предложения, обращенные к читателю: Wir betrachten als denkbar einfachstes Anwendungsbeispiel der Wellengleichung einen Massenpunkt im kräftefreien Falle (S, 6); Betrachten wir nun die einzelnen Schritte, die bei der Reaktion durchlaufen werden (H, 92).

«Этой побудительной формой, — говорит Е.С. Троянская, — автор как бы приглашает читателя к "сомышлению", стремится установить с ним более тесный контакт, что способствует большей ясности его размышлений для читателя»¹⁶.

Еще в большей степени стирается грань между апелляцией к читателю и авторским комментарием в предложениях, подчеркивающих значение и важность сообщаемой информации. В них на равных правах употребляются формы 1-го лица, безличные обороты и побудительные конструкции: Wir möchten hervorheben — es sei hervorgehoben — es muß dabei beachtet werden — beachten wir etwa — man beachte и т.п.

¹⁶Троянская Е.С. К вопросу о технико-стилистических приемах в научной речи. — В кн.: Язык научной литературы. М., 1975, с. 79.

Как совершенно верно отмечает Троянская¹⁷, автор, с одной стороны, дает свою оценку важности какого-либо факта, с другой – побуждает читателя присоединиться к ней. Так, комментируя вводимую информацию и порядок ее изложения, автор попеременно переносит центр тяжести то на собственные намерения, то на восприятие читателя, то на объективный смысл этого комментария. Но все три момента постоянно присутствуют в тексте в более или менее выявленной форме. А. Вежбицка сравнивает такого рода метатекст с "заметками на полях", которые с равным успехом могут быть сделаны как автором, так и реципиентом¹⁸.

Предметное содержание научного текста заключено, таким образом, в некую рамку, объединяющую авторскую интенцию и читательское восприятие. Ее можно сравнить с рамочной инструкцией в художественной прозе, когда повествование имитирует ситуацию устного рассказа с образами рассказчика и слушателей. В научном тексте "рамка" не получает, конечно, ни сюжетного, ни композиционного оформления, а складывается из компонентов стиля, причем условным в ней является не столько "рассказчик", сколько "слушатель".

С помощью двуголосого метатекста наглядно выявляется коммуникативная направленность научного изложения: монологический письменный текст отражает диалогическую ситуацию научного общения.

Итак, современный стиль научной прозы закрепил систему отношений между автором и читателем, которая определяется условиями функционирования этого стиля: он призван обеспечить творческое восприятие текста читателем-ученым. Многие штампы научного стиля речи являются как бы редуцированными формами того диалога автора с читателем, который ведется по ходу изложения и восприятия материала. Нормативный характер этих речевых клише, в свою очередь, становится дополнительной гарантией адекватного восприятия в пределах данной коммуникативной сферы, так как их использование соответствует ожиданиям адресата, владеющего данным функциональным стилем речи¹⁹.

4. И все же, обратившись к анализу стиля значительного по объему научного произведения – монографии или большой проблемной статьи, – мы обнаружим, что выявленная нами общая схема взаимоотношений автора с читателем может существенно варьироваться в зависимости от поставленной автором задачи, концепции, материала исследования и, наконец, его индивидуальности.

Вспомним, например, заметки О. Манделъштама о стиле Дарвина: "Если мы хотим определить тональность научной речи Дарвина, то лучше всего назвать ее научной беседой. Это не профессорская лекция в обычном смысле и не академический курс. Вообразите ученого-садовода, который водит гостей по своему хозяйству и, останавливаясь между

¹⁷ Там же.

¹⁸ Вежбицка А. Метатекст в тексте. – В кн.: Новое в зарубежной лингвистике, вып. 8. Лингвистика текста. М., 1978, с. 403.

¹⁹ См.: Techtmeier B. Die kommunikative Adäquatheit sprachlicher Äußerungen. – In: Normen in der sprachlichen Kommunikation. Berlin, 1977, S. 150.

грядками и клумбами, дает им объяснение"²⁰. Конечно, Дарвин создавал свою книгу в эпоху, когда научный стиль был иным. Однако и современная научная проза дает нам примеры интересного стилового решения проблемы "автор—читатель".

Возьмем ту часть фундаментального труда А. Зоммерфельда "Atom-*bau und Spektrallinien*", которая посвящена волновой механике. Она является не результатом собственных исследований, а осмыслением открытий других физиков, и автор предлагает своему читателю как бы заново создать волновую механику, повторяя уже пройденный наукой путь: *Wie können wir nun ohne zu große Willkür zu einer den Atom-Vorgängen angepaßten Mikromechanik gelangen? Wir folgen Erwin Schrödinger, wenn wir von dem umfassenden analytischen System der Hamiltonschen Mechanik ausgehen (S, 2); Wir beginnen mit der Makromechanik des einzelnen Massenpunktes in rechtwinkligen Koordinaten. Ausgehend von der Energiegleichung erhalten wir die Hamiltonsche Differentialgleichung (S, 3); Wir kommen zu einem zweiten fundamentalen Punkt der ursprünglichen de Broglieschen Theorie (S, 9).*

Анализируя чужие теоретические построения, автор сам оказывается в положении читателя, с которым он поэтому солидаризируется, сохраняя, однако, дистанцию по отношению к автору излагаемой теории: *De Broglie lie als materiellen Kern des Wellensystems eine Unendlichkeitsstelle der Wellenfunktion zu. Wir sehen daher die de Brogliesche Theorie als einen bedeutsamen Vorläufer der Wellenmechanik an, aber nicht als deren endgültige mathematische Form (S, 9).*

В то же время Зоммерфельд исподволь руководит своим читателем. Разъясняя смысл полученных результатов, он нередко предвосхищает реакцию читателя и направляет его мысль в нужное русло: *Dieser zunächst so seltsam anmutende Überlichtgeschwindigkeits-Wert ist also nichts anderes als ein (reziprok genommener) Koeffizient in der Lorentz-Transformation (S, 11); Nach dem vorstehenden, konnte es so scheinen, als ob der Ansatz (7) physikalisch notwendig sei. Das ist nicht der Fall (S, 12).*

Характер общения автора этой книги с читательской аудиторией больше всего напоминает атмосферу семинарского занятия. И действительно, первый вариант этого тома явился, по свидетельству самого Зоммерфельда, итогом его занятий со студентами, во время которых он пытался "уяснить себе и слушателям основное содержание волновой механики"²¹. Хотя в дальнейшем книга была переработана, стиль изложения в основном сохранился.

Монография Г. Вальтера "Общая геоботаника" предназначена в первую очередь тем, кто еще овладевает основами этой науки. Однако читатель Вальтера, несомненно, должен обладать определенными профессиональными знаниями и навыками, на которые автор опирается в своем изложении, когда пишет: *zwar wissen wir, daß...; zwar können wir beo-*

²⁰ *Мандельштам О.* Записные книжки. Заметки. — Вопросы литературы, 1968, № 4, с. 197.

²¹ *Sommerfeld A.* *Atom-*bau und Spektrallinien.* Wellenmechanischer Ergänzungsband.* Braunschweig, 1929, S. IV.

bachten... (W, 123). Но прежде всего у читателя предполагаются достаточное знакомство с окружающей флорой и способность к наблюдению, так как "геоботанику нельзя изучить по книгам" (W, 5): Jedem aufmerksamen Beobachter wird es auffallen, daß sich in einem bestimmten Gebiet gewisse Artenkombinationen unter ähnlichen Umweltbedingungen häufig wiederholen (W, 99); Einen Begriff vom Aufbau eines primären Urwaldes gibt uns der einzige größere Bestand in Nieder-Österreich. Auffallend ist die Zusammensetzung der Krautschicht aus Arten völlig verschiedener pflanzensoziologischer Klassen (W, 129–130).

Из этих конкретных знаний и результатов наблюдений читатель — вместе с автором — делает определенные обобщения, идет от конкретного к абстрактному: Wir sehen somit, daß der Kampf ums Dasein in der Natur nicht so unerbittlich ist, wie unter konstanten künstlichen Bedingungen (W, 95); Klimalinien, die mit Arealgrenzen zusammenfallen, können uns einen Anhaltspunkt dafür geben, in welcher Richtung wir die kausalen Beziehungen zu suchen haben (W, 18).

Но геоботаническая концепция Вальтера отличается как раз тем, что он не признает геоботаники, которая исходит из описания видового состава растительности на небольших территориях (в этом суть его полемики с так называемой биосоциологической школой). Поэтому Вальтер идентифицирует себя с адресатом книги лишь там, где делаются индуктивные выводы на основе доступного читателю материала, и четко противопоставляет себя ему там, где необходимо исходить из глобальных геоботанических представлений. В этих случаях автор дает читателю указания, рекомендации и наставления, которые чаще всего сформулированы как модальные конструкции со значением косвенного приказа или запрета, предостережения: An Stelle des Klimaxbegriffes sollte man ganz allgemein den Begriff der zonalen Vegetation verwenden, der frei von allen Spekulationen ist. Man darf den Begriff der zonalen Vegetation nicht zu eng fassen (W, 116); Wenn man die Vegetation der gesamten Erde erfassen und von ihr eine anschauliche Vorstellung vermitteln will, was die Aufgabe der zönologischen Geobotanik ist, so muß man nicht von unten mit den kleinsten Einheiten beginnen, sondern von oben mit den größten, sonst vorausgab man sich im Unwesentlichen (W, 126).

Значительно меньше дистанция между автором и адресатом в книге Г. Цинзерлинга "Abriß der griechischen und römischen Kunst". Она ведет читателя преимущественно от конкретного материала к общим выводам. Но поскольку материалом этим являются произведения искусства, то выводы делаются прежде всего на основе непосредственных зрительных впечатлений, а автор обращает внимание читателя-зрителя на детали, которые особенно важны для понимания искусства той или иной эпохи: Dieses Bestreben zeigt sich in der Gestaltung des Ganzen ebenso, wie in jeder Einzelform. Beachten wir etwa den knapp gespannten Hüftbogen, die sich klar unter dem eng anliegenden Gewand abhebenden Brüste oder die nach außen drängende Spannung der Einzellocken (Z, 58–59); Auch hier erscheint der Körper gegliedert. Die stärkere Differenzierung des Gesichts deutet auf eine Entstehung im ersten Viertel des 6. Jahrhunderts hin

für das auch die Gewandbehandlung spricht. Die großen strahlenden Augen und die überhohe Stirn lassen erkennen, daß wir es hier mit einem attischen Werk zu tun haben (Z, 59).

Знакомя читателя с историей античного искусства, автор берет на себя функции экскурсовода.

Итак, характер взаимоотношений автора с читателем обусловлен у Зоммерфельда — целеустановкой автора, у Вальтера — особенностями его научной концепции, у Цинзерлинга — своеобразием предмета, о котором он пишет. Но во всех трех случаях авторы намечают для читателя некую позицию, с которой он, в их представлении, должен воспринимать сообщаемую информацию. Благодаря этому читатель становится "действующим лицом" авторского изложения.

Чем более широкой представляется автору-ученому его читательская аудитория, тем более четко должен обрисовать контур роли, которую предназначает читателю в своем изложении; так как "читатель-профессионал" не нуждается в его указаниях, его восприятие нет надобности направлять: оно предельно близко авторскому. Поэтому, например, в узкоспециальных статьях ориентация на читателя, как правило, сведена до минимума²².

Однако в отдельных областях знания складывается иногда и такая проблемная ситуация, когда новая информация не укладывается ни в какие сложившиеся ранее представления. В этом случае стилистически релевантным становится разрыв между кругом понятий автора и читателя: автор вынужден учитывать традиционные представления своего читателя и ориентироваться на них. Этим объясняется тенденция к диалогизации научной прозы в некоторых областях знания, например в физике микромира.

Язык научной литературы принято считать одним из наиболее характерных образцов той письменной книжной речи, которая дальше всего отстоит от живой разговорной. И тем не менее адресат и его восприятие играют в научном стиле изложения очень важную роль. Если Ю.М. Скребнев говорит, что "в отличие от механического приемного устройства слушатель является как бы соавтором говорящего"²³, то это в полной мере можно отнести и к научной прозе: "запрограммированный" автором адресат вместе с ним строит текст, его предполагаемое восприятие отражено в словесной ткани произведения и является компонентом стилевой структуры. Поэтому изучение стиля с учетом адресата речи может иметь не только теоретическое, но и практическое значение. В частности, такой анализ необходим при обучении чтению и пониманию научной литературы, так как без правильной оценки роли адресата невозможно полностью выявить точку зрения автора.

²² Особый случай составляет научная полемика, где автор должен переубедить читателя или же заручиться его поддержкой в споре с оппонентом. Эта проблема нуждается в отдельном исследовании.

²³ Скребнев Ю.М. Общие лингвистические проблемы описания синтаксиса разговорной речи. Автореф. докт. дис. М., 1971, с. 35.

Принятые сокращения

- Г — Горький М. Полн. собр. соч., т. 15. М., 1972.
Н — Hofmann E. Eiweiße und Nucleinsäuren als biologische Makromoleküle. Berlin, 1975.
L — Ludwig G. Wellenmechanik. — In: Wellenmechanik. Einführung und Originaltexte. Berlin — Oxford — Braunschweig, 1970.
S — Sommerfeld A. Atombau und Spektrallinien, Bd 2. Braunschweig, 1951.
W — Walter H. Allgemeine Geobotanik. Stuttgart, 1973.
Z — Zinserling G. Abriß der griechischen und römischen Kunst. Leipzig, 1977.

Р.К. ТЕРЕШКИНА

К ВОПРОСУ ОБ АВТОРСКОЙ РЕЧЕВОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ

Традиционно вопрос об индивидуальности речи автора связывают с художественной литературой, в которой наличие собственного слога является неизбежным и неотъемлемым ее качеством, одной из закономерностей художественного творчества. Стиль речи каждого крупного писателя непременно отличается неповторимостью, индивидуальностью. Что касается авторской речевой индивидуальности стиля ученого, то это качество научной речи рассматривается лингвистами как нечто не имеющее существенного значения, необязательное и даже вообще несвойственное научному стилю. Так, автор интересного и глубокого исследования по функциональным разновидностям русского языка, Д.Н. Шмелев, отмечая, что авторский стиль изложения может облегчать или затруднять восприятие содержания, нравиться или раздражать, указывает: "В научной работе нас в общем-то интересует только ее содержание, и, по-видимому, никто не читает специальных исследований ради их стиля"¹.

Порой в идеал научной коммуникации возводится общение абстрактных личностей — как субъекта-продуктора и передатчика научной информации, так и адресата. Высказывая столь категоричное мнение, А.Н. Васильева признает, что "в действительности субъект не может абстрагироваться от всех не существенных в плане научной коммуникации черт своей личности", но она настаивает на том, что принцип такого устранения является нормой стиля и норма утверждает себя в том, что речевые элементы, порождаемые проявлением этих черт, воспринимаются как иностилевые или несобственно стилевые².

Исследуя материалы редакторской правки научных статей и акцентируя ее роль в нивелировке стиля автора, О.А. Лаптева приходит к печальному для стилистики выводу: "...чтобы написать в наше время научную статью, не нужно вообще уметь писать: достаточно иметь

¹ Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях (к постановке проблемы). М., "Наука", 1977, с. 62—63.

² Васильева А.Н. Курс лекций по стилистике русского языка. Научный стиль речи. М., 1976, с. 22—23.

в своем распоряжении лишь некоторый сравнительно ограниченный набор языковых средств”³.

Некоторые ученые говорят о проявлении речевой индивидуальности в научных текстах как о чем-то допустимом⁴. В связи с этим возникает важная культурно-речеведческая проблема допустимости проявления индивидуальности в научном стиле, которая должна решаться с учетом связи речемыслительного процесса с гносеологически-психологическими основами научного творчества и коммуникации в сфере науки, а также таких экстралингвистических факторов, как время написания произведения и жанр, область науки.

Р.А. Будагов говорит о влиянии больших ученых на формирование научного стиля, полемизирует с вышеприведенным мнением О.А. Лаптевой, приводит многие убедительные высказывания крупных ученых, свидетельствующие об их внимательном отношении к языку, о том, что ”развивать науку дальше можно только на общелитературном языке во всем его богатстве, во всех его безграничных возможностях”, проводит параллель между мастерством выдающихся писателей и ученых⁵, исследует отношение В.И. Ленина к научному языку и говорит о подлинно научном стиле этого величайшего теоретика марксизма, стиль которого использует все ресурсы языка, отличается яркой индивидуальностью и вместе с тем сохраняет специфику строго научного изложения⁶.

Специалист в области научной работы и редактирования М.П. Сенкевич высказывает мнение о необходимости бережного отношения к авторской манере изложения⁷. С.Д. Береснев пишет об авторском стиле ученого как об одном из пределов функционального стиля, когда авторская манера изложения оказывается сильнее стандартности⁸. На проявление индивидуальности речи ученого обратил внимание еще Л. Ольшки, один из первых исследователей научной литературы. Он указывает на то, что стили таких гениев, как Леонардо да Винчи, Джордано Бруно и Галилео Галилей, отличались неповторимой индивидуальностью, что у отдельных писателей бросается в глаза забота о способах выражения, стремление создать свой индивидуальный стиль, соответствующий предмету мыслей и личности мыслителя⁹. Таким образом, Ольшки отмечает сознательное

³ Лаптева О.А. Внутрестилевая эволюция современной русской научной прозы. — В кн.: Развитие функциональных стилей современного русского языка. М., ”Наука”, 1968, с. 131.

⁴ Гальперин И.Р. Речевые стили и стилистические средства языка. — ВЯ, 1954, № 4, с. 109; Разинкина Н.М. Стилистика английской научной речи (элементы эмоционально-субъективной оценки). М., 1972, с. 33.

⁵ Будагов Р.А. Что такое развитие и совершенствование языка? М., 1977, с. 135, 138, 139.

⁶ Будагов Р.А. В.И. Ленин о научном стиле языка. — В кн.: Человек и его язык. М., 1974, с. 42—43.

⁷ Сенкевич М.П. Стилистика научной речи и литературное редактирование научных произведений. М., ”Высшая школа”, 1976, с. 31.

⁸ Береснев С.Д. Функциональный научный стиль и его пределы. — В кн.: Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. Свердловск, 1973, с. 16—17.

⁹ Ольшки Л. История научной литературы на новых языках, т. 2. М.—Л., 1934, с. 56—57.

отношение ряда ученых к стилю, поднимает вопрос о связи стиля с личностью ученого, хотя и не исследует, не раскрывает детально, в чем же конкретно заключается проявление индивидуальности речи в текстах.

Как видно из этого краткого обзора мнений, до сегодняшнего дня проблема авторской индивидуальности стиля в научных текстах остается дискуссионной и, следовательно, требует специального изучения. Между тем специальных лингвостилистических исследований по этой теме почти не существует; имеющиеся и выполненные в последнее время на конкретном материале текстов научной прозы работы посвящены либо очень узким вопросам¹⁰, либо сами авторы говорят о необходимости дальнейших изысканий. Так, М.Н. Кожина и Л.М. Титова подчеркивают нерешенность проблемы "стилистика-речевой индивидуальности научных текстов как в теоретическом, так и в практическом аспектах"¹¹

В связи с этим встречаются указания на некоторые общие задачи и пути исследования проблемы. Так, Р.А. Будагов говорит о необходимости изучения соотношения общего и индивидуального в формировании стиля научной речи в разных языках¹². М.Н. Кожина ставит вопрос о степени и характере индивидуальных различий в разных функциональных стилях и о влиянии стиля великого ученого (а не только писателя) на стиль его последователей, т.е. поднимает проблему речевого стиля научных школ и направлений¹³.

Иногда в конкретных исследованиях грамматических и лексических явлений научного стиля попутно отмечаются факты чисто личной специфики употребления некоторых категорий, указывается на необходимость учитывать при анализе функционирования данных явлений особенности индивидуального стиля автора¹⁴.

Многочисленные факты проявления яркой индивидуальности речи таких крупных ученых, как К.А. Тимирязев, А.Е. Ферсман, А.Г. Столетов, И.П. Павлов, И.М. Сеченов, рассматриваются в связи с изучением проблем методики ораторского и лекторского мастерства¹⁵.

¹⁰Троянская Е.С. К вопросу о проявлении общего и индивидуального в стиле научной речи (указательные местоимения в качестве замены существительного). — В кн.: Язык и стиль научной литературы. М., 1977, с. 108—122.

¹¹Кожина М.Н., Титова Л.М. К вопросу об авторской индивидуальности в научном стиле речи. — В кн.: Исследования по стилистике, вып. 5. Пермь, 1976, с. 111 (см. также с. 120).

¹²Будагов Р.А. Что такое развитие..., с. 163.

¹³Кожина М.Н. Стилистические проблемы теории коммуникации. — В кн.: Основы теории речевой деятельности. М., 1974, с. 285.

¹⁴Так, С.А. Рылов отмечает своеобразное развертывание высказывания, связанное с активным выбором согласованных определений у И.П. Павлова (Рылов С.А. О некоторых особенностях выбора грамматических элементов высказываний в разновидностях художественного и научного стилей современного русского языка. — В кн.: Лексика. Терминология. Стили, вып. 5. Горький, 1975, с. 115—116; см. также: Мальчевская Т.Н. Специфика научных текстов и принципы их классификации. — В кн.: Особенности стиля научного изложения. М., 1976, с. 109).

¹⁵Хохтев Н.Н. На трибуне ученые. М., 1976; Этюды о лекторах. Сост. Н.Н. Митрофанов. М., 1974. Большинство наблюдений над особенностями индивидуального речевого стиля в этих научно-популярных работах основано на материале печатных изданий курсов лекций, научных трудов, сочинений.

Таким образом, мы видим, что проблема проявления авторской речевой индивидуальности в научных текстах, признаваемая актуальной и пока что остающаяся дискуссионной, не получила должного специального теоретического исследования. Будучи затронутой в отдельных статьях попутно с другими вопросами, эта проблема, как отмечалось, имеет, кроме того, противоречивые толкования. Это происходит иногда вследствие того, что автора специального исследования в основном интересуют выдвинутые им самим проблемы, высказываемое мнение по поводу проявления индивидуальности не всегда является теоретически обоснованным, так как это не входит в число основных задач автора. В свою очередь, конкретные исследования нуждаются в расширении объема изучаемого материала и, более того, в продолжении исследования этой темы на большем материале.

Одной из важных сторон рассматриваемой проблемы является вопрос об экстралингвистических факторах, обуславливающих проявление речевой индивидуальности ученого. Несомненно, что индивидуальность речи любого человека, в том числе и ученого, неразрывно связана с индивидуальностью его личности.

В своей работе мы будем исходить из общей теории индивидуальности, выдвинутой И.И. Резвицким, который считает, что индивидуальность представляет собой многоструктурное образование, включающее в себя природные и социальные свойства человека¹⁶.

Если перенести это положение на речевую деятельность, то, по-видимому, окажется, что природными свойствами человека являются стиль мышления, отраженный в речи, задатки литературных способностей, социальными — навыки речевого выражения мысли, полученные в результате обучения, подчинение нормам того функционального стиля, в рамках которого формируется то или иное высказывание.

Важными сторонами человеческой индивидуальности являются "единичность, неповторимость, без учета которых она не может быть правильно понята, но которые сами по себе еще не образуют феномена индивидуальности"¹⁷. Выделяются такие свойства индивидуальности, как самобытность, способность быть самим собой, быть самостоятельным субъектом деятельности.

Нам особенно важными кажутся указания Резвицкого на то, что индивидуальность включает в себя как общие, так и единичные свойства человека, является неповторимым выражением их целостного единства, что целостность индивидуальности гармонична. При этом особо подчеркнем, что главным, определяющим содержание индивидуальной неповторимости личности является стиль ее мышления, ее творческое самовыражение¹⁸.

В понятие "стиль мышления" входит указание на логику построения, на выражение определенного класса систем знания, а также на описание

¹⁶ Резвицкий И.И. Философские основы теории индивидуальности человека. Докт. дис. Л., 1975, с. 6.

¹⁷ Резвицкий И.И. Философские основы теории индивидуальности. Л., 1973, с. 9.

¹⁸ Там же, с. 13, 16, 29, 31.

и объяснение исследуемых явлений¹⁹. З.М. Семакова подчеркивает, что стиль научного мышления является очень сложным (системным, логическим) явлением, многозначно детерминированным факторами различных уровней организации: гносеологическими, социальными и психологическими. Стилю мышления свойственна не только исторически упорядоченная устойчивость (некая стереотипность, стандартность), но и постоянное совершенствование в связи с усложнением объекта познания и повышением активности субъекта, т.е. изменчивость. Принимая во внимание специфику интеллектуальных свойств исследователя, Семакова указывает на чрезвычайное разнообразие индивидуальных стилей мышления даже в одной и той же области знания. "Индивидуальный стиль мышления настолько сложен и противоречив, что ему одновременно могут быть присущи... и гибкость и стандартность"²⁰.

Выражение определенного класса знаний, объяснения и описания явлений неразрывно связаны и происходят в процессе речевого оформления мысли. Как стиль научного мышления, возникший на определенном этапе развития человеческой культуры, так и стиль научной речи, который своим появлением и формированием обязан потребностям развивающейся науки, является сложным системным явлением, обусловленным (если отвлечься от собственно лингвистических у последнего) одними и теми же факторами: гносеологическими, социальными и психологическими. Как стиль научного мышления, так и функциональный стиль научной речи исторически обусловлен, устойчив и изменчив одновременно, и если существует бесконечное разнообразие внутренне сложных и противоречивых стилей индивидуального мышления, то, вероятно, в рамках единого функционального научного стиля должно существовать разнообразие индивидуальных речевых стилей ученых.

Как известно, в сфере науки трудятся ученые как с ярко выраженной индивидуальностью — и именно они и способны предложить принципиально новые решения, выдвинуть оригинальные идеи, — так и множество других, менее ярких личностей. На подлинно революционные, входящие в историю науки открытия способны только ученые, обладающие ярко выраженной индивидуальностью, нестандартным типом мышления, высоко развитыми способностями, творчески подходящие к стоящим перед ними проблемам, способные преодолеть барьер стереотипности мышления и сложившиеся в науке представления.

Находит ли выражение индивидуальность личности в речи человека? В.И. Ильина, например, считает, что речь, как и всякое другое действие, поступок, несет на себе отпечаток индивидуальных особенностей человека, является репрезентантом его личности²¹. Чтобы сказать что-то ярко, афористично, нужна глубокая, оригинальная мысль. Р.А. Будагов пола-

¹⁹ Лазарев Ф.В., Сагатовский В.Н. О формировании интервального стиля мышления. — НДВШ, Филос. науки, 1979, № 1, с. 64.

²⁰ Семакова З.М. Современный стиль научного мышления и его роль в активизации исследовательской деятельности. — В кн.: Понятие деятельности в философской науке. Томск, 1978, с. 209—210.

²¹ Ильина В.И. К вопросу об изучении вариантов речи. — Вопросы психологии, 1965, № 6, с. 100.

гает, что в подлинно научном стиле существует глубокое взаимодействие между языковыми средствами и замыслом исследователя²². Индивидуальность речи начинается с индивидуальности мысли. Яркая мысль, свежий, оригинальный взгляд на излагаемый предмет определяют и своеобразное построение смысловой стороны высказываний²³.

Как формируется индивидуальный речевой стиль ученого? На формирование речевой способности человека, независимо от имеющихся у него задатков, оказывают влияние семья, школа, среда, которая его окружает, прочитанная литература. Влияют такие факторы, как биография²⁴, уровень образования и круг интересов, социальное положение, политические убеждения, возраст²⁵. Последний отражает период становления речи носителя языка, так как человек, несмотря на некоторую степень эволюции его собственного стиля, сохраняет характерные особенности стиля своего времени²⁶. Обычно все ученые имеют высшее образование, но проявление культуры как устной, так и письменной речи может отличаться в значительной степени в зависимости от общего уровня лингвистической подготовки²⁷, круга интересов ученого, его вкуса.

Культура письменной речи является результатом постоянной работы автора над своим стилем, поэтому, чем больший вклад внес ученый в науку, тем больше научных трудов он написал; он все чаще выступает в роли рецензента и редактора (навыки редактирования и саморедактирования взаимообусловлены). Он все свободнее пользуется средствами данного функционального стиля и на его основе вырабатывает собственный.

На стиль работ, особенно гуманитарных, оказывают влияние и политические убеждения ученого, так как в условиях непримиримой борьбы двух идеологий автор не может и не должен оставаться нейтральным. На это указывают и участники "круглого стола" журнала "Вопросы философии": "Жанры, формы философских исследований и публикаций могут быть самые разные, но философия не терпит одного: серости. Серая философская книга — это уже не философская книга. Философия требует от человека, занимающегося ею, яркой индивидуальности, самобытности (разрядка наша. — Р.Т.)"²⁸.

Совокупность вышеприведенных социальных факторов накладывается на факторы гносеологически-психологические, объясняющие возможное проявление индивидуальности речи в научных текстах. К последним

²² Будагов Р.А. Литературные языки и языковые стили. М., "Высшая школа", 1967, с. 221.

²³ Маркова А.К. Психология усвоения языка как средства общения. М., 1974, с. 71.

²⁴ Тимофеев В.П. Личность и языковая среда. Шадринск, 1971, с. 35–38, 41–43.

²⁵ Лазаренко К.А. Психолингвистическая природа письменной коммуникации и функциональная нагрузка некоторых ее моделей. Автореф. канд. дис. Киев, 1975, с. 6–7.

²⁶ Сиротина О.Б. и др. Изменения в языке научной прозы. — В кн.: Вопросы стилистики, вып. 3. Саратов, 1969, с. 52.

²⁷ Дегтярева Т.А. Культура письменной речи. Стилистика слова. М., 1968, с. 8.

²⁸ Фролов И.Т. Заключительное слово. Круглый стол "Вопросов философии". — Вопросы философии, 1977, № 1, с. 153.

относится генетически унаследованный тип нервной системы, определяющий тип мышления человека, который, мы полагаем, находит свое отражение в динамическом стереотипе речевой деятельности. Отмечая продолжающееся речевое развитие личности, связанное с овладением новыми социальными полями, изменением активного словаря, Е.Ф. Тарасов пишет о том, что опыт первичной социализации речи окажет влияние на всю последующую жизнь²⁹. Параллельно процессу обучения и усвоения речи идет процесс образования динамического стереотипа речи. В.М. Павлов отмечает, что динамически стереотипна любая функциональная система мозга, призванная своей стереотипностью опосредовать целесообразную реакцию организма на (относительную) стереотипность условий жизнедеятельности³⁰.

О динамическом стереотипе как об одном из условий стиля речи, несущего печать своеобразия каждого человека, говорит Э.Г. Элькин³¹, а Е.А. Ароцкер и В.К. Войнов считают, что динамический стереотип отражается в языковом поведении каждого человека, так как во всех языках существуют широкие возможности выражения одного и того же содержания разными средствами. Употребление в текстах излюбленных слов и выражений отражается на количестве словоупотреблений в тексте, на объеме словаря, на количестве синтаксических конструкций того или иного вида³². Очевидно, опыт первичной речевой социализации будущего ученого играет роль в развитии имеющихся у него задатков к формированию речевой способности, чувства языка. При этом мы исходим из данного Б.М. Тепловым определения способностей как индивидуальных особенностей, динамических по своему существу, которые объясняют быстроту приобретения знаний и навыков и сами создаются в процессе деятельности³³. Для нас представляется особенно важным положение Теплова о том, что способности имеют отношение к успешности выполнения той или иной деятельности, но не отдельные способности определяют возможность выполнения какой-либо деятельности, а лишь то своеобразное сочетание этих способностей, которое характеризует данную личность³⁴. Именно двоякая одаренность ученого должна привести к тому, что идеям научного труда будет придана соответствующая литературная форма. Известны случаи, когда ученые становятся признанными авторами прозаических художественных произведений (А.Е. Ферсман, В.А. Обручев), пишут стихи³⁵.

²⁹ Тарасов Е.Ф. Социолингвистические проблемы теории речевой коммуникации. — В кн.: Основы теории речевой деятельности, с. 267.

³⁰ Павлов В.М. Языковая способность человека как объект лингвистической науки. — В кн.: Теория речевой деятельности, М., 1968, с. 58.

³¹ Элькин Э.Г. Психология речи. Одесса, 1972, с. 14.

³² Ароцкер Е.А., Войнов В.К. Об использовании лингвистической статистики для установления автора анонимного текста. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 3. Киев, 1966, с. 143.

³³ Теплов Б.М. Проблемы индивидуальных различий. М., 1961, с. 10, 14, 15.

³⁴ Там же, с. 16.

³⁵ Павловский Е.Н. Поэзия, наука и ученые. М. — Л., 1958; Хильми Г.Ф. Поэзия науки. М., 1970.

Способности человека развиваются на протяжении его жизни, так как они воспитуемы³⁶, зависят от условий их реализации. И чем выше культурный уровень человека, тем больше продолжается у него восходящее развитие речевой способности³⁷. Способности возникают, проявляются и развиваются в деятельности. В нашей работе мы исходим из понятия деятельности как специфически человеческой формы активного отношения к окружающему миру, содержание которой составляет его целесообразное изменение и преобразование³⁸. В любых видах деятельности вообще человек вырабатывает индивидуальный стиль деятельности, который психологи понимают как "индивидуально-своеобразное сочетание приемов и способов деятельности, обеспечивающее наилучшее ее выполнение и устойчиво характеризующее человека в различных условиях"³⁹.

Психологи связывают индивидуальный стиль деятельности с типологическими свойствами нервной системы⁴⁰. Очевидно, и в речевой деятельности у человека складывается устойчивая система способов выражения мысли (излюбленные грамматические конструкции, словосочетания и фразеологизмы), но под влиянием стремления ученого как можно лучше доказать свою правоту, убедить своих оппонентов автор начинает проявлять активность, перерастающую в творчество. В.С. Мерлин считает, что индивидуальный стиль деятельности приобретает при высоких требованиях объективной реальности, при положительном отношении к деятельности, при активном поиске целесообразных способов деятельности⁴¹. Нам кажутся очень убедительными положения А.Г. Осмолова и В.А. Петровского о динамическом подходе к психологическому анализу деятельности, которые говорят о том, что во время движения деятельности наступают моменты собственно активности, преодоления глубоко укоренившихся в мышлении стереотипов и схем. Потенциальные возможности субъекта как бы перерастают уровень требований и, образуя избыток, побуждают субъекта к выходу за рамки этих требований. Осмолов и Петровский рассматривают избыток потенциальных возможностей как источник активности⁴².

При написании научного труда неразрывно связаны два вида деятельности субъекта: собственно научная и речевая, без которой первая оставалась бы "немой". Как известно, в процессе речевого оформления мысли сама мысль уточняется, конкретизируется. Если пользоваться терминами теории деятельности, то речевая деятельность имеет свою инвариантную

³⁶ *Микулинский С.Р., Ярошевский М.Г.* Психология научного творчества и науковедение: В кн.: Научное творчество. М., 1969, с. 14–15.

³⁷ *Богин Г.И.* Противоречие в процессе формирования речевой способности. Калинин, 1977, с. 10.

³⁸ БСЭ, т. 9. М., 1972, с. 180.

³⁹ *Шадрин В.М., Попов А.А.* Типологические свойства нервной системы человека и индивидуальный стиль деятельности. — В кн.: Проблемы психологии индивидуальных различий. Казань, 1974, с. 214.

⁴⁰ *Климов Е.А.* Индивидуальный стиль деятельности в зависимости от типологических свойств нервной системы. Казань, 1969, с. 49.

⁴¹ Очерк теории темперамента. Пермь, 1973, с. 115.

⁴² *Осмолов А.Г., Петровский В.А.* О динамическом подходе к психологическому анализу деятельности. — Вопросы психологии, 1978, № 1, с. 70–80.

систему и свою деятельность, вызываемую такими мотивами действия, как стремление наилучшим образом рассказать о своем открытии, отстаивать свою точку зрения, идущую порой вразрез со сложившимся в науке мнением. Операционные установки, соотносимые с условиями деятельности, в данном случае с письменным выражением мысли, обязательным качеством которого является предварительное обдумывание, тщательный перебор возможных вариантов, которые осуществляются с помощью психофизиологических реализаторов деятельности, подчинены целевым и смысловым установкам автора-ученого. В речевой деятельности, как и в любой другой, проявляется феномен функциональной фиксированности; у пишущего "срабатывает" ранее выработанная система употребления лексических, грамматических и стилистических средств, или система стереотипов. Но речевой деятельности также свойственны избытки потенциальных возможностей, и когда автору необходимо убедить в правоте своей теории, ярко проявляется его активность. "Субъект преодолевает ограничения на пути движения деятельности", начинается движение "поверх барьеров"⁴³, находят свое отражение эмоции автора, связанные с утверждением нового, ломающего привычные представления, в пылу полемического накала появляются выражения и словосочетания, которые не встретишь в обычном описании, проявляется индивидуальный речевой стиль автора. Очевидно, такой психологический феномен, как активность, должен особенно ярко проявляться в том случае, когда письменная речь отражает моменты, связанные с высшим этапом деятельности — творчеством. В процессе творчества активно "работают" интуиция и воображение, неизменно присутствует диалектическая постановка проблемы, которая активно направлена на лучшее решение стоящей конкретной задачи.

Психологи говорят, что невозможно дать исчерпывающего определения понятия творчества "в силу чрезвычайной сложности и специфичности данного феномена. Обычно под творчеством понимают специфическую форму человеческой деятельности, отличающуюся новизной и оригинальностью, свидетельствующую о яркой индивидуальности творца, о его способности выдвигать нешаблонные идеи и предлагать неожиданные решения"⁴⁴. А для того чтобы думать нестандартно — ведь наука нацелена на "нестандартное производство", — человек должен обладать многими способностями и качествами: зоркостью в поисках проблем, гибкостью мышления, цельностью восприятия и способностью к сближению понятий, к оценке и доработке полученных результатов⁴⁵. По-видимому, многие из этих качеств творческого мышления находят свое отражение в речи автора научного текста.

Обычно считается, что речевое выражение мысли выступает как конкретная реализация единства языка и мышления⁴⁶, причем процесс

⁴³ Там же, с. 78.

⁴⁴ Ирина В.Р., Новиков А.А. В мире научной интуиции. М., 1978, с. 76.

⁴⁵ Лук А.Н. Психология творчества. М., 1978.

⁴⁶ Ибрагимова Р.А. Речевое выражение мысли как философско-психологическая проблема. Канд. дис. Фрунзе, 1973, с. 3.

облачения мысли в слово есть процесс развития и более содержательного изложения самой мысли⁴⁷.

Несомненно, качества ученого, которые необходимы ему для того, чтобы он мог подняться до высшей ступени деятельности — творчества, находят свое выражение в его письменной речи. При речевом выражении мысли проявляется и готовность памяти найти нужные лексические и синтаксические средства. Способность к сближению понятий и легкость ассоциирования помогут найти более яркое и точное описание нового явления⁴⁸, способность к самооценке может проявиться в саморедактировании, поиске наилучшего способа выражения мысли, иногда в отказе от броского, но выпадающего из общего тона изложения слова или выражения.

Творчество способствует более глубокому развитию человеческой индивидуальности. Познавая мир, человек отражает его в своем сознании творчески, в результате чего "особенности отражаемого выступают в преобразованной форме, определяемой природой отражающего"⁴⁹. Недаром Г.В. Колшанский считает, что к стилевой индивидуальности следует относить то глубинное содержание, которое оформляется с помощью языковых средств произведения, где автор выступает как творческая личность. Так как выбор форм детерминирован содержанием, то и стиль должен прежде всего характеризоваться изоморфностью содержания и формы текста⁵⁰.

При создании научного произведения ученый подчиняется закономерностям того стиля речи, в "русле" которого осуществляется общение; в его работе мы обязательно увидим проявление таких специфических черт стиля, как отвлеченно-обобщенность, подчеркнутая логичность, смысловая точность в выражении, но степень проявления как этих черт, так и индивидуального в речи зависит также и от экстралингвистических факторов, таких, как уровень развития данной науки и ее значение в жизни общества, степень отвлеченности науки, направленность содержания, жанр, способ изложения, композиционные части, время написания конкретного научного труда и степень редакторской правки.

Итак, предпосылками проявления индивидуальности ре.и ученого является индивидуальность личности, стиль мышления, творческий характер деятельности, активность в поиске лучшего выражения мысли. При этом не только художественному, но и научному стилю должно быть свойственно проявление авторской речевой индивидуальности.

⁴⁷ Рубинштейн С.Д. Принципы и пути развития психологии. М., 1959, с. 112.

⁴⁸ Бунге М. Интуиция и наука. М., 1967, с. 107.

⁴⁹ Давыдова Г.А. Творчество и диалектика. М., 1976, с. 22, 101.

⁵⁰ Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975, с. 211.

IV. ОСОБЕННОСТИ УСТНОЙ НАУЧНОЙ РЕЧИ

Н.М. КРАЕВСКАЯ

СИТУАЦИЯ КАК ФАКТОР ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ТИПОВ УСТНОЙ РЕЧИ

(по материалам советской лингвистической литературы)

Среди многочисленных проблем, связанных с устной коммуникацией, одной из основных является ситуативная обусловленность устной речи. Влияние ситуации общения проявляется во всех тематических сферах, оно охватывает сюжеты обиходно-бытовые, научные, публицистические и канцелярско-деловые. Характер воздействия ситуации на выбор речевых средств и оформление высказывания зависит от того, какой из названных тематических сфер принадлежит конкретное высказывание.

Поскольку устная форма коммуникации, с которой в основном связан фактор ситуации, стала широко изучаться советскими языковедами лишь в последние два десятилетия, действие этого фактора освещено недостаточно. Если вопросы ситуативной обусловленности разговорной речи бытового характера рассматриваются в работах советских лингвистов, то характер влияния экстралингвистической ситуации на речь в сфере устного научного общения практически не исследован. Тем не менее очевидно, что устная научная речь зависит от действия таких составляющих ситуацию параметров, как число участников общения, осведомленность их о предмете речи, подготовленность/неподготовленность речевого акта и др.

Исследование конкретного языкового материала, тех особенностей устной формы научной речи, которые вызваны воздействием определенных ситуативных признаков, целесообразно проводить, когда будет уяснено само понятие "ситуация" и среди различных толкований ситуации учеными будет определено наиболее актуальное для изучения именно данного типа речи.

В настоящей статье будет сделана попытка дать по возможности полный обзор тех точек зрения на ситуацию, которые существуют в советской лингвистической литературе, рассмотреть структуру этого понятия, а также выявить полный перечень составляющих ситуацию параметров.

Термин "ситуация" в последнее десятилетие получил широкое распространение в лингвистике, социо- и психолингвистике, методике преподавания иностранных языков. То толкование, которое дается понятию

"ситуация" в словарях лингвистических терминов¹, является общим и не отражает сложной сущности и многокомпонентности данного понятия. Словарное определение включает лишь одну из составляющих ситуации, безусловно выделяемую лингвистами в качестве основной, — это условия осуществления акта речи.

В основе трактовки понятия ситуации общения как условий общения лежит еще донаучное понимание ситуации, ситуация в "наивно-обывательском" значении. Оно включает в себя понимание ситуации как обстановки, предметного расположения (это толкование, по данным словарей, является первичным) и ситуации как совокупности тех отношений и связей, которые возникают между предметами. Эти два взгляда на ситуацию имеют свои параллели при рассмотрении данного понятия в лингвистических работах, что нашло выражение в различении предметной ситуации речи и общей ситуации протекания речи (см. об этом ниже). Тем не менее следует отметить, что и ситуация обстановки и ситуация отношений уже в донаучном понимании представляет собой некую данность, характеризующуюся полной завершенностью ("и тут возникла сложнейшая ситуация"; "она попала в такую ситуацию!"). При этом ситуация (оба понимания) является как бы результатом определенных действий, событий, но сама совершенно лишена "событийности": ситуация не может развиваться, она способна только изменяться и тем самым порождать новую ситуацию. Все это следует принимать во внимание при рассмотрении данного понятия в связи с речевой коммуникацией, т.е. при анализе одной из разновидностей ситуации — ситуации устного общения.

Дать исчерпывающее и однозначное определение термина "ситуация" крайне сложно, так как разнообразие реальных ситуаций действительности, каким-либо образом связанных с языковым общением, обусловило появление в лингвистических работах многочисленных частных терминов, как-то: знаковая ситуация, языковая ситуация, ситуация общения, ситуация речевого акта, коммуникативная и некоммуникативная ситуация, ситуация высказывания, конситуация. Эти термины также не имеют единого толкования, и объясняется это не только различиями во взглядах ученых на какое-либо явление, соотносящееся с понятием "ситуация", например на речевую ситуацию, но и тем, что тесно связанные с собственно языкознанием социо- и психолингвистика, теория коммуникации рассматривают ситуацию в соответствии со своими специфическими целями и задачами исследования, тем самым вкладывая в один и тот же термин разный смысл (ср., например, понимание речевой ситуации в психолингвистике и лингвистике, языковой ситуации в лингвистике и социолингвистике²).

¹ Ситуация определяется как "контекст речи, т.е. те условия (обстоятельства, цель и т.п.), в которых осуществляется данное высказывание" (*Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969, с. 413*), или как "условия, в которых осуществляется акт речи, оказывающие влияние на высказывание" (*Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1972, с. 356*).

² Имеет место и обратное, когда одно и то же явление называется по-разному.

Общепризнанно, что ситуация является одним из важных экстралингвистических факторов, оказывающих значительное влияние на функционирование языка. Экстралингвистические же средства стали предметом внимания и наблюдения еще в 20-е годы нашего века, когда в отечественном языкознании появляется интерес к серьезному изучению реального речевого общения, устной, в частности разговорной, речи (Л.В. Щерба, Л.П. Якубинский, Б.А. Ларин, Е.Д. Поливанов). Видимо, первые работы, связанные с данной проблемой, отразившие особенную значимость учета внелингвистических факторов при анализе особенностей устной разговорной речи, положили начало традиции рассмотрения ситуации преимущественно при обращении именно к этому объекту. Поэтому в дальнейшем мы детальнее представим обзор работ, касающихся вопроса влияния ситуации на речевое устное общение.

Уже на начальном этапе исследования характера связи особенностей речевого высказывания и экстралингвистических факторов среди последних были особо выделены социальные моменты (главным образом социальные характеристики общающихся), всестороннее исследование влияния которых на речь является одной из задач современной социолингвистики.

Обоснование необходимости и обязательности учета ситуации, а именно социальной ситуации, при изучении структуры высказывания дано в работах В.Н. Волошинова, появившихся в 1930 г. Указывая на зависимость высказывания от реальных условий его осуществления и социальных характеристик участников события, Волошинов приходит к выводу, что "ближайшая социальная ситуация и более широкая социальная среда всецело определяют – притом, так сказать, изнутри -- структуру высказывания"³. Он обращает внимание на ориентированность слова на собеседника в зависимости от принадлежности его к определенной социальной группе и наличия/отсутствия тесных социальных связей с говорящим (ср. современную теорию ролевого поведения: роли постоянные и переменные).

Выделяя "внесловесную часть высказывания" – ситуацию и аудиторию, без понимания которой не может быть понято и само высказывание⁴, Волошинов дает следующее определение ситуации: «три подразумеваемых стороны внесловесной части высказывания: пространство и время события высказывания ("где" и "когда"), предмет или тему высказывания ("о чем говорится") и отношение говорящих к происходящему ("оценку") условимся называть уже знакомым нам словом – ситуацией»⁵. Таким образом, в понятие ситуации автором включается и тема высказывания, хотя в его книге "Марксизм и философия языка" в разделе о теме и значении в языке нет прямого указания на вхождение темы в ситуацию в качестве одного из составляющих элементов, а рассматривается зависимость темы от "внесловесных моментов ситуации". В назван-

³ Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка (основные проблемы социологического метода в науке о языке). Л., 1930, с. 88.

⁴ Волошинов В.Н. Конструкция высказывания. Литературная учеба, 1930, № 3, с. 67.

⁵ Там же, с. 76.

ных работах Волошинова анализируются и некоторые собственно языковые свидетельства осуществления связи ситуации с формой высказывания.

Наиболее продуктивной оказалась мысль Волошинова об обусловленности структуры высказывания "ближайшей социальной ситуацией и более широкой социальной средой". Она находит свое продолжение и разработку в современных работах по социолингвистике (почти всегда без ссылок на данного автора), появление которых в известной степени было вызвано развитием данного направления исследований за рубежом (американская, чешская, японская лингвистика) уже в 50–60-е годы.

Речевая ситуация, ситуация речевого акта, привлекается в социолингвистике при изучении речевого поведения, которое в качестве одного из аспектов включается в предметную область данной науки и трактуется как "процесс выбора варианта для построения социально корректного высказывания", «ориентация говорящего в отношении того, в каком социальном "ключе" должна быть передана заданная информация» или осознание этого слушающим⁶.

Ситуация при этом признается одним из компонентов речевого общения или одной из речевых детерминант, в терминологии Л.Б. Никольского, наряду с такими детерминантами, как отправители и получатели информации, использование разных каналов (непосредственное, устное/опосредованное, письменное общение), разных кодов (языковых, паралингвистических)⁷. При подходе к ситуации как к речевой детерминанте, "равноправной" с детерминантой "отправители и получатели информации", ситуация не включает в себя показателей социального положения и социальной роли коммуникантов, а понимается как условия, в которых происходит языковая коммуникация, с учетом формального/неформального (официального/неофициального) характера обстановки.

Другие ученые не вычленяют в качестве отдельного фактора социальные характеристики участников коммуникации, а рассматривают их в рамках ситуации общения, выделяя различные ситуации в соответствии с изменением этих характеристик. Так, при обращении к стратификационной и ситуативной вариативности в языке и речи, первая из которых связана непосредственно с социальной структурой общества, а вторая проявляется в использовании тех или иных средств в зависимости от социальной ситуации, особое значение придается различию статусу участников коммуникации (он связан со стратификационной вариативностью) и роли, которая определяется социальной ситуацией и варьируется вместе с ней⁸. Теория ситуационных ролей в пределах теории социальных ролей опирается на разработку данной проблемы в работах У. Лабова, У. Гер-

⁶ Никольский Л.Б. Синхронная социолингвистика. М., 1976, с. 121.

⁷ Там же, с. 124–126.

⁸ Швейцер А.Д. Современная социолингвистика. Теория, проблемы, методы. М., 1976. с. 78–81; см. также: Он же. К разработке понятийного аппарата социолингвистики. – В кн.: Социально-лингвистические исследования. М., 1976, с. 31–41.

хардт, Г.П. Драйтцеля и других зарубежных лингвистов⁹. (Следует обратить внимание на деление ситуационных ролей на специфические и диффузные, личностные¹⁰ и на деление всех ситуаций общения на симметричные и асимметричные¹¹. Эти факторы социолингвистического понятийного аппарата в несколько иной терминологии будут учитываться во многих собственно языковедческих работах.)

Ролевое общение изучается в пределах теории речевой коммуникации. При этом ситуация общения рассматривается в связи с ролевой структурой коммуникации. "Типичные для данной культуры коммуникативные ситуации, или классы ситуаций, характеризующиеся определенной ролевой структурой, вырабатывают для себя специфические и традиционные способы организации речи — речевые жанры, т.е. нормы построения определенных классов текстов"¹². К.А. Долинин считает также, что "различные классы коммуникативных ситуаций характеризуются определенными наборами актантов" (субъект, адресат, "публика", транслятор) и сиркантантов (место, время и способ общения), "т.е. различной более менее жесткой сочетаемостью компонентов"¹³. Таким образом, данная точка зрения подразумевает включение в пределы ситуации и участников коммуникации.

В теории речевой коммуникации существует указание на необходимость учета апперцепционных возможностей собеседника¹⁴, о чем ранее писал Л. Якубинский и что является немаловажным моментом при анализе понятия ситуации¹⁵.

⁹ См. о ролевом (речевом) поведении: *Крысин Л.П.* Речевое общение и социальные роли говорящих. — В кн.: Социально-лингвистические исследования, с. 42–52; *Швейцер А.Д.* К разработке понятийного аппарата социолингвистики, с. 31–41; *Тарасов Е.Ф.* Социальные координаты речевого общения. — Учен. зап. Горьковского гос. пед. ин-та иностр. языков, 1972, вып. 49. Теория и практика лингвистического описания иноязычной разговорной речи, с. 235–239; *Он же.* Социально-психологические аспекты этнопсихолингвистики. — В кн.: Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977, с. 38–54; *Пименов А.В.* Социокультурные детерминанты речи. — В кн.: Теоретические проблемы речевого общения. М., 1977, с. 87–214.

¹⁰ См. ссылку на Г.П. Драйтцеля в статье: *Тарасов Е.Ф.* Социально-психологические аспекты этнопсихолингвистики.

¹¹ *Крысин Л.П.* Указ. соч., с. 49.

¹² *Долинин К.А.* Ролевая структура коммуникации и разговорная речь. — В кн.: Теория и практика лингвистического описания разговорной речи, вып. 7, ч. 1. Горький, 1976, с. 152.

¹³ Там же, с. 153.

¹⁴ *Тарасов Е.Ф.* К построению теории речевой коммуникации. — В кн.: Теоретические проблемы речевого общения, с. 42.

¹⁵ С понятием апперцепционного момента, общим прошлым опытом собеседника соотносят понятие пресуппозиции в семантическом синтаксисе при рассмотрении соотношения слова или высказывания и денотата (см.: *Арутюнова Н.Д.* Понятие пресуппозиции в лингвистике. — Изв. АН СССР, СЛЯ, 1973, т. 32, вып. 1, с. 84–89). Пресуппозицией называют иногда и сам факт апперцепции, знания собеседников о предмете речи (см.: *Шелякин М.А.* Ситуативность устной речи как фактор нейтрализации грамматических значений. — Учен. зап. Тартуского гос. ун-та, 1979, вып. 481. Семиотика устной речи).

Понятие речевой ситуации используется и при рассмотрении факторов вариативности речевых высказываний¹⁶. Речевая ситуация, входящая в число факторов, обслуживающих реализацию речевой интенции, соотносится с другими указанными факторами и охватывается ими. В задачу исследования А.А. Леонтьева не входит определение того, с какими именно факторами перекрещивается фактор ситуации. Автор показывает отличие ситуации от обстановочной афферентации, в которую может входить не только объективная ситуация, имеющаяся к началу деятельности, но и преобразованная в результате предшествующих неречевых действий.

Понимание речевой ситуации как средства характеристики общей языковой ситуации представлено в концепции В.А. Аврорина. Речевая ситуация, или ситуация акта речи, определяется им следующим образом: ". . . это сложное целое, включающее в себя производителя и адресата речи со всеми их социально-демографическими признаками и характеристикой их отношений между собой, обстановку, в которой совершается акт речи, тему речевого произведения и, наконец, как функцию всего предыдущего лингвистическую принадлежность речевого произведения"¹⁷. Касаясь взаимоотношения речевой и языковой ситуации, автор считает последнюю не простой суммой ситуаций речевых, а той базой, которая определяет возможности возникновения самих микроситуаций.

Под языковой же ситуацией подразумевается "взаимодействие разных языковых образований (языков или форм их существования, или тех и других) в обслуживании нужд данного народа во всех отраслях и сферах общественной жизни на определенном уровне социального развития"¹⁸. Понятие языковой ситуации оказывается актуальным при изучении функционирования языка в плане его социальной и иной вариативности. При рассмотрении факторов, которыми обусловлено отдельное речевое действие в процессе деятельности, более актуальным является понятие речевой ситуации.

Обращает на себя внимание то, что мысль о включении темы в понятие ситуации акта речи встречается еще у Волошинова. Причем ни у Волоши-

¹⁶ Основы теории речевой деятельности. Под ред. А.А. Леонтьева. М., "Наука", 1974, с. 29–35.

¹⁷ Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л., 1975, с. 116.

¹⁸ Аврорин В.А. О предмете социальной лингвистики. Всесоюз. науч. конф. по теоретическим вопросам языкознания (Тезисы докл. и сообщ. пленарных заседаний). М., 1974, с. 6. Сходное определение понятия языковой ситуации дает и Л.Б. Никольский. Языковой ситуацией он называет "совокупность языков, подязыков и функциональных стилей, обслуживающих общение в административно-территориальном объединении и в этнической общности" (Никольский Л.Б. Указ. соч., с. 79), или "систему функционально распределенных языковых образований", соотносящихся с "континуумом языковой коммуникации общества" (Никольский Л.В. Социоллингвистика, языковая ситуация и речевая ситуативность. — В кн.: Речевая ситуативность в преподавании иностранных языков в специальном языковом вузе (Тезисы докладов научно-методической конференции). М., 1973, с. 81; см. также: Гухман М.М. Соотношение социальной дифференциации и других типов варьирования литературного языка — В кн.: Социальная и функциональная дифференциация литературных языков. М., 1977, с. 41–60.

нова, ни у Аврорина возможность рассмотрения темы как одного из компонентов ситуации не получает специального обоснования. Тема сообщения, по-видимому, зависит от содержания, экстралингвистического контекста высказывания, которые, в свою очередь, обуславливаются речевыми интенциями, функциональной направленностью речи. Тема определяется по свойствам самого сообщения, его содержательной стороны. Это — явление интерпретационного характера, поэтому невозможно говорить о теме как о признаке ситуации.

Отметим некоторые особенности толкования понятия ситуации в психолингвистике, где «между ситуацией общения и речью "помещается" сознание человека, отображающего, моделирующего эту обстановку»¹⁹. Психолингвисты отличают ситуацию как фактор, влияющий на реализацию речевой программы, от ситуации как фактора структуры речевой программы. Они рассматривают только последний аспект. Наиболее полное определение ситуации в данном понимании дает А.А. Леонтьев. Определив ситуацию как "совокупность условий, речевых и неречевых, необходимых и достаточных для того, чтобы осуществить речевое воздействие по намеченному нами плану", Леонтьев позднее вносит в это определение ряд уточнений, поясняя, что имеются в виду те условия, которые обеспечивают воспроизводимость речевого действия, т.е. условия, которыми действие задается. Таким образом, ситуация для Леонтьева — это "совокупность таких факторов предречевой ориентировки, которые являются константными в различных конкретных условиях ориентировки и изменение которых влияет на изменение программы или операционной структуры речевого действия"²⁰. Отмечаются два наиболее характерных вида ситуации: чувственная (описание того, что говорящий непосредственно воспринимает) и вчувственная (говорящий оперирует абстрактными понятиями)²¹.

Изменение речевой ситуации, или ситуации вербального общения, как называет ее И.Я. Зимняя, влечет за собой изменение способа формирования и формулирования мысли, а также форм реализации видов речевой деятельности. Зимняя указывает и на взаимосвязь ситуации вербального общения со всей структурой психологического содержания деятельности²².

Обусловленность программы речевого действия ситуацией позволяет говорить о вероятностном прогнозировании речевого действия на основе

¹⁹ Тарасов Е.Ф. К построению теории речевой коммуникации, с. 21.

²⁰ Леонтьев А.А. К определению речевой ситуации. — В кн.: Речевая ситуативность в преподавании иностранных языков. . . , с. 58–60.

²¹ Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., 1969, с. 162.

²² Зимняя И.Я. Речь и речевая деятельность в ситуации вербального общения. — В кн.: Речевая ситуативность в преподавании иностранных языков. . . , с. 36–38. Стоит обратить внимание на замечание автора о том, что ситуация вербального общения, т.е. речевая ситуация, определяет мотивационно-побудительную сторону деятельности. Ср. мнение Е.Ф. Тарасова о мотиве как глубоко социальном компоненте деятельности, лежащем за пределами речи и речевого высказывания (Тарасов Е.Ф. К построению теории речевой коммуникации. — В кн.: Теоретические проблемы речевого общения. М., 1977, с. 23).

знания и оценки ситуации. При этом под ситуацией понимаются "воспринятые нами определенные фрагменты окружающего мира, отраженные в нашем сознании и служащие фоном для прогнозирования, программирования и совершения ряда вероятностных действий"²³.

Психологические характеристики ситуаций общения являются предметом внимания также и при изучении моделирования смыслового поля партнера по общению²⁴.

Среди лингвистических исследований, направленных на изучение внутренней структуры языка, особенно активно понятие ситуации используется в новых исследованиях русской разговорной речи, диалогической речи, а также в тех методических работах, в которых представлены теоретические основы определения данного понятия.

С позиций семантического синтаксиса ситуация (ситуация высказывания) рассматривается как объединение элементов разных типов, относящихся к множеству предметов и множеству признаков²⁵. Анализируя ситуацию, отражающуюся в высказывании, исследователи отмечают, что она "включает следующие аспекты: 1) описываемые предметные отношения (субстанции, их признаки, их свойства, связи между ними и т.п.), 2) степень информированности собеседников, 3) отношение говорящего к сообщению и содержанию сообщения, 4) обстановку общения. Отмеченным аспектам ситуации соответствуют аспекты высказывания: денотативный, коммуникативный, модальный, прагматический"²⁶. Основным же ядром ситуации признается денотативная сторона²⁷.

При таком подходе к ситуации она опять-таки толкуется не однозначно, а понимается в узком и широком планах. Ситуация в узком плане — это предметы, их признаки и отношения между ними, в широком плане — все те элементы, которые присутствуют в сознании говорящего в момент "сказывания" и влияют на отбор языковых средств при формировании высказывания²⁸. Анализируя определение ситуации разными авторами,

²³ Семенов Н.А. Ситуация и вероятностное прогнозирование речевого действия. — В кн.: Аудио-визуальные средства в преподавании иностранных языков в транспортных вузах. Днепропетровск, 1969, с. 8. Там же рассматриваются отдельные ситуации в данном понимании. См. также: Прогноз в речевой деятельности. М., 1974, с. 8.

²⁴ Собкин В.А. Психологические аспекты вопроса о моделировании смыслового поля партнера по общению. — В кн.: Национальная культура и общение (Материалы конференции). М., 1977, с. 69–71.

²⁵ Гак В.Г. Проблемы лексико-грамматической организации предложения. Автореф. докт. дис. М., 1968, с. 12.

²⁶ Гак В.Г. Ситуация, высказывание и перевод. — В кн.: Речевая ситуативность в преподавании иностранных языков..., с. 27.

²⁷ Гак В.Г. К проблеме соотношения языка и действительности. — ВЯ, 1972, № 5, с. 16.

²⁸ См. об этом: Венскович М.С. Понятие ситуации и смысл высказывания. — Учен. зап. МГПИИЯ им. М. Тареза, 1976, вып. 95. Вopr. романо-германской филологии; Гак В.Г. Высказывание и ситуация. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1972. М., 1973. С этим соотносится разграничение ситуаций у Ю.К. Лекомцева на протоситуации и психические ситуации (Лекомцев Ю.К. Психическая ситуация, предложение: и семантический признак. — Учен. зап. Тартуского гос. ун-та, 1973, вып. 308. Труды по знаковым системам).

М.С. Венкович отмечает общее в понимании ситуации высказывания: "Ситуация — определенный отрезок объективной действительности, отношения между предметами и их признаками, т.е. сложный денотат"²⁹.

Таким образом, ситуация высказывания в данном понимании не что иное, как денотативная (предметная) ситуация, отражаемая в высказывании.

Денотативную ситуацию, отражаемую в высказывании, следует отличать от предметной ситуации как реальной предметной обстановки речи. Чтобы продемонстрировать различие между этими двумя ситуациями, рассмотрим следующий пример. Два высказывания: "Он пишет письмо" и "Пишет" — могут обозначать один и тот же фрагмент объективной действительности: субъект/актант, объект/предмет и существующую между ними связь. Это и будет являться денотативной ситуацией высказывания. Та же реальная обстановка, в которой стало возможным второе высказывание (непосредственный контакт коммуникантов, непосредственное восприятие ими объекта и субъекта действий и т.д.), позволяющая слушающему адекватно семантизировать данную конструкцию, и является реальной предметной обстановкой речи, предметной ситуацией³⁰. Сказанное свидетельствует о том, что среди наблюдений, связанных с проблемами двух данных "ситуаций" (денотативной предметной ситуации и предметной обстановки протекания речи), интересным представляется замечание об их взаимодействии: "В процессе речевой деятельности происходит координация предложения по отношению к речевой ситуации. Другими словами, происходит обязательное соотнесение двух разного рода ситуаций — предметной (денотативной) ситуации, являющейся объектом описания, и речевой ситуации, в условиях которой осуществляется самый акт коммуникации"³¹.

Многими учеными речевая ситуация понимается именно как предметная ситуация акта общения³², хотя в русской и зарубежной лингвисти-

²⁹ Венкович М.С. Указ. соч., с. 37.

³⁰ У Я.Б. Коршуновой "предметной ситуацией" обозначается фрагмент действительности, т.е. денотат высказывания, а предметная ситуация в приведенном выше понимании называется "ситуацией общения" (Коршунова Я.Б. Методические основы отбора тематической лексики для обучения иностранцев русскому языку. Автореф. канд. дис. М., 1977, с. 8).

³¹ Цейтлин С.Н. Стрoение и речевая ситуация (К проблеме эллиптичности предложения). — В кн.: Функциональный анализ грамматических категорий и единиц. Л., 1976, с. 40–51. Речевую ситуацию автор представляет как обстановку речи, те условия, в которых осуществляется общение, т.е. предметную обстановку протекания речи, в нашей терминологии, и указывает, что она включает в себя "момент речи, место речи, противопоставление говорящего лица адресату речи или лицу, не принимающему участия в акте общения" (с. 40).

³² См. определение в работах: Амосова Н.Н. О синтаксическом контексте. — В кн.: Лексикографический сборник, вып. 5. М., 1962, с. 36; Шерстова Е.К. Предметно-событийная репрезентация в разговорной речи. — В кн.: Теория и практика описания разговорной речи. Горький, 1968, с. 28. Некоторыми авторами при этом в ситуацию включаются только те элементы окружающей действительности, обозначенной языковыми средствами, которые способствуют акту коммуникации, в отличие от элементов, препятствующих акту коммуникации (Миньяр-Белору-

ке существует традиция более широкого толкования ситуации, при которой предметная ситуация, условия акта коммуникации входят в общее понятие ситуации в качестве одного из составляющих ее элементов. Другие ученые выступают против такого подхода. Так, Е.И. Пассов пишет: "Ни в коем случае нельзя согласиться с пониманием речевой ситуации как с чем-то лежащим вне субъекта, т.е. как с совокупностью обстоятельств реальной действительности. К сожалению, такое понимание ситуации чрезвычайно распространено в методическом обиходе"³³.

При подходе к ситуации только как к предметной обстановке, в которой осуществляется акт речи, не учитываются такие важные моменты, как характеристика участников коммуникации, их взаимоотношения, их отношение к высказыванию и проч., которые влияют на характер высказывания в не меньшей степени, чем предметная ситуация. Экстралингвистические факторы воздействия на речь, связанные с участниками коммуникативного акта, целесообразнее рассматривать в составе сложного понятия речевой ситуации наряду с такими ее компонентами, как предметная обстановка речи.

Принимая широкое толкование общеречевой ситуации, выдвинутое Ш. Балли³⁴, выделим ее основные признаки, затем попытаемся выявить, какие из названных признаков общей ситуации протекания речи привлекаются лингвистами при анализе особенностей речи, обусловленных экстралингвистическими факторами.

Для более полной характеристики строения общеречевой ситуации выделим признаки, связанные с собственно предметной ситуацией, и признаки, связанные с участниками коммуникации³⁵.

Признаки общей ситуации протекания речи

1. Признаки, связанные с предметной обстановкой речи

1. Условия, в которых протекает акт речи, предметное окружение говорящих, место коммуникативного акта (КА).
2. Наличие/отсутствие предмета речи в момент говорения.

чев Р.К. Отношение "высказывание - ситуация" как переменная величина. — В кн.: Речевая ситуативность в преподавании иностранных языков. . . , с. 73). Данное понимание ситуации (предметной) считаем неверным, так как и элементы действительности, препятствующие акту коммуникации, могут оказывать на высказывание не менее значимое воздействие, чем элементы, способствующие акту коммуникации. Например, плохая слышимость при телефонном разговоре обуславливает появление в речи переспросов, повторений и других особенностей.

³³ Пассов Е.И. Ситуация, тема, социальный контакт (К проблеме организации речевого материала). — ИЯШ, 1975, № 1, с. 55.

³⁴ Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955, с. 52.

³⁵ В выделении этих двух групп признаков мы идем вслед за Е.А. Земской (см.: Земская Е.А. Особенности русской разговорной речи и структура коммуникативного акта. — В кн.: Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов (Загреб-Люблина, сентябрь 1978 г.). Доклады советской делегации. М., "Наука", 1978, с. 196–200), изменяя и дополняя предложенную ею схему. Стоит подчеркнуть, что в указанной статье говорится о признаках КА (детерминантах и компонентах) и перечисляются признаки, ранее названные автором признаками ситуации (см.: Русская разговорная речь. М., 1973, Введение). Нами все признаки рассматриваются только как признаки ситуации.

3. Временная продолжительность/краткосрочность.
4. Высокая/низкая частотность ситуации.
5. Наличие/отсутствие каких-либо действий коммуникантов в момент речи.

(Признаки 3 и 5 являются компонентами предметной ситуации. В то же время следует указать на их зависимость от участников коммуникации, что для признака 5 очевидно. Продолжительность же речевого общения может быть обусловлена как ограниченностью участников коммуникации во времени, так и определенным набором признаков предметной ситуации, примером последнего является приветствие знакомых на движущихся в противоположных направлениях дорожках эскалатора в метро)

II. Признаки, относящиеся к участникам коммуникативного акта

- A. Признаки связанные с участниками коммуникации
6. Число участников коммуникации:
  - а) два/больше двух;
  - б) численные отношения: один/один, много, один/много.
7. Активная или реактивная роль в общении.
8. Взаиморасположение коммуникантов:
  - а) визуальное;
  - б) невизуальное, наличие транслятора.
- Б. Признаки, характеризующие участников коммуникации
9. Социальные и психологические характеристики:
  - а) социальные (возраст, образование, социальное положение, профессия и др.);
  - б) социальный речевой опыт;
  - в) эмоциональное (психическое) состояние;
  - г) индивидуальные особенности характера и речевые особенности.
- В. Признаки, характеризующие отношения участников коммуникации
10. Степень знакомства: не знакомы – мало знакомы – хорошо знакомы.
11. Официальность/неофициальность отношений.
12. Социальные роли:
  - а) постоянные социальные роли (родители–дети);
  - б) социальная роль в данном КА (ситуативная роль);
  - в) симметричность социально-профессиональных отношений (социально-вертикальные, социально-горизонтальные роли).
13. Наличие/отсутствие общей перцепционной базы.
14. Взаимная симпатия/антипатия.
  - Г. Отношение участников коммуникации к речи
15. Осведомленность о предмете речи:
  - а) высокая/низкая;
  - б) одинаковая/разная.
16. Установка на оценочное отношение к речи.
17. Подготовленность/неподготовленность речи.

Различные соотношения данных признаков отражают многообразие ситуаций общения в действительности. Одни из признаков оказывают определяющее влияние на структуру речи, другие – незначительное.

Некоторые из указанных признаков могут быть обусловлены действием других (например, взаимная симпатия или антипатия говорящих может повлиять на длительность/краткосрочность разговора).

Подчеркиваем, что в пределы общеречевой ситуации мы не включаем тему (как характеристику самого речевого произведения) и цель общения (рассматривая ее как причину общения, сам процесс коммуникации — как ее следствие, а ситуацию — как обстановку, в которой реализуется КА).

Существует мнение, что наряду с такими факторами, как обстановка общения, характеристика коммуникатора и реципиента (социальные и психологические показатели), уровень их компетентности и отношение к информации, в пределы ситуации входит и цель общения³⁶. Большинство исследователей не включает цель коммуникации в ситуацию, выделяя воздействующие цели общения на характер высказывания в самостоятельную проблему.

Перечисленные параметры общеречевой ситуации привлекаются при анализе языковых явлений многими лингвистами, занимающимися проблемами устной формы коммуникации и опирающимися на широкое понимание ситуации. Так, при обращении к факту ситуативной обусловленности устной речи О.А. Лаптева считает полезным различать два значения термина "ситуация": 1) реальная предметная обстановка речи (см. о ней выше), 2) общая обстановка протекания речи. Не давая определения этим терминам, она указывает на то, что фактор официальности/неофициальности может рассматриваться как частный случай общеречевой ситуации, а диалогичность/монологичность речи — как следствие определенных ее условий. Автор отмечает влияние ситуации в первом значении на реальный состав той или иной конструкции, а обусловленность выбора "той или иной конструкции из общего арсенала средств устно-разговорной разновидности"³⁷ объясняет воздействием ситуации во втором значении.

Можно выявить определенные соотношения между двумя данными видами ситуаций и стандартными (или стабильными) и переменными (или переменными) ситуациями, выделяемыми Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым, хотя строгого параллелизма здесь нет. Видимо, основной корпус стандартных речевых ситуаций, в которых жестко регламентировано вербальное (и невербальное) поведение человека, охватывается ситуациями предметными. Переменные же речевые ситуации, которые "связаны с социально-личностными взаимоотношениями собеседников, с их общеобразовательным уровнем, с тональностью, в которой протекает беседа"³⁸, — это общеречевые ситуации в широком смысле.

Использует параметры общеречевой ситуации при анализе особенностей структуры диалогов и монологов Р.Р. Гельгардт. Автора интересует влия-

³⁶ *Глаголев Н.В.* Ситуация — фраза — жест. — В кн.: Лингвистика и методика в высшей школе, вып. 7. М., 1977, с. 68–69.

³⁷ *Лаптева О.А.* Русский разговорный синтаксис. М., 1976, с. 56–59.

³⁸ *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. М., 1976, с. 138–144.

ние ситуации на формирование диалогов и монологов, на их восприятие и понимание³⁹. Он подчеркивает зависимость организации произносимого высказывания от таких моментов ситуации, как близость отношений собеседников, степень общности взглядов, анализирует функции ситуативных знаков в тех ситуациях, когда наличествует конфликт между речевым поведением и душевным состоянием человека.

Ранее с подобных позиций подходил к анализу диалогической речи Л.П. Якубинский, который ставил вопрос о том, "в какой мере речевое высказывание и речевое общение определяются с психологической и морфологической (в широком смысле этого слова) точки зрения условиями в данной привычной среде. . ."⁴⁰ Кроме учета влияния "условий общения в привычной среде" и "взаимодействия с непривычной средой" он указывал на следующие "факторы социологического порядка", оказывающие воздействие на речь: формы общения (непосредственные и опосредованные, односторонние и перемежающиеся) и цели общения и высказывания (практические и художественные, безразличные и убеждающие), но самого термина "ситуация" не вводил. Особо подчеркивал Якубинский роль апперцепционного момента в восприятии речи.

Исследуя воздействие внеязыковой ситуации на разговорную речь, в качестве особенностей ситуации, влекущих за собой использование разговорной речи (РР), Е.А. Земская называет непринужденность речевого акта, неподготовленность речевого акта, непосредственное участие говорящих в речевом акте. К элементам же ситуации, влияющим на строение РР, но не определяющим выбор кодифицированного литературного языка (КЛЯ) или разговорной речи, она относит: форму речи, число говорящих, условия осуществления речевого акта (контактные/дистантные), общность апперцепционной базы участников коммуникации, наличие или отсутствие предмета речи при разговоре⁴¹. Перечисленные признаки охватывают и предметную и общеречевую ситуации⁴². Эти взгляды претерпевают изменения, и позднее, рассматривая внеязыковую ситуацию как часть акта коммуникации⁴³, те особенности ситуации, которые влекут за собой использование РР, Земская называет детерминантами, а признаки, не определяющие выбор РР или КЛЯ, — компонентами КА. В работе приводится перечень основных компонентов КА.

³⁹ Гельгардт Р.Р. Рассуждение о диалогах и монологах. — Сб. докл. и сообщ. лингвист. об-ва, II, вып. 1. Калинин, 1971, с. 28–153.

⁴⁰ Якубинский Л. О диалогической речи. — Рус. речь, I. Пг., 1923, с. 100. См. о теоретическом и методическом значении работы Л.Якубинского, в частности о роли апперцепционного момента при формировании высказывания: Уварова О. О диалогическом речевом взаимодействии в коммуникативном процессе. — В кн.: Философско-психологические проблемы коммуникации. Фрунзе, 1977, с. 99–106.

⁴¹ Русская разговорная речь, с. 9–11.

⁴² Указывает на неоднородность понятия ситуации Е.Н. Ширяев. Он пишет, что она включает не только окружающую предметную обстановку, но и весь прошлый опыт говорящих, который Л.П. Якубинский назвал апперцепционной базой (Ширяев Е.Н. О некоторых аспектах описания конситуативных высказываний разговорного языка. — Учен. зап. Горьковского гос. пед. ин-та иностр. языков, 1972, вып. 49).

⁴³ Земская Е.А. Указ. соч., с. 196–220.

Касаясь вопросов строения общеречевой ситуации и КА, необходимо отметить следующие отличительные особенности в их структуре. Факторы, входящие в структуру коммуникативного акта, постоянны – это адресат, адресант, контакт, каналы, коды, сообщения, контекст⁴⁴. Исключение какого-либо показателя из этой схемы повлечет за собой невозможность вообще говорить о коммуникации. Многообразные коммуникативные акты различаются не своим строением – структура их всегда единообразна, – а качественными характеристиками компонентов, лежащих в основе этой структуры. Конкретные же ситуации, в которых имеет место коммуникативный акт, могут отличаться друг от друга как качеством своих соотносительных элементов, так и набором самих элементов.

Показательно, что сама схема строения ситуации основана на принципе наличия/отсутствия выделяемых признаков. Некоторые из признаков даже по этому принципу не могут привлекаться для характеристики ситуации общения. Так, в ситуациях стереотипных "городских" диалогов ("Как пройти?..", "Где находится?..") нельзя определить официальность/неофициальность отношений, симметричность социальных отношений говорящих.

Структура общеречевой ситуации, которая включает в себя несколько обязательных компонентов, тем не менее является подвижным образованием, изменяющимся в зависимости от варьирования других компонентов.

Вышеназванные положения дают основания рассматривать схему, предложенную Е.А. Земской⁴⁵, как перечень наиболее значимых параметров общей ситуации речевого акта, как и указывалось самим автором ранее.

В границы КА нельзя включать предметную ситуацию речи, она представляет собой обстановку, в которой протекает КА, т.е. обстановку непосредственного действия, и не может входить в пределы самого действия. Такой признак, как частотность ситуации, является характеристикой самой ситуации общения, но не компонентом КА. Далее, выделяемые автором в качестве компонента КА следующие показатели: "связь РР с данной ситуацией", речь имеет характер сопровождения действий ПК⁴⁶, "речь имеет характер комментария текущих событий", нельзя признать ни компонентами КА, ни параметрами ситуации, так как данные показатели – это характеристики уже собственно речевого сообщения и по отношению к КА могут рассматриваться только в пределах одного из компонентов его структуры – сообщения и его контекста.

Итак, каждый КА имеет место в определенной экстралингвистической ситуации общения, из числа признаков которой в пределы КА входят

⁴⁴ Модель коммуникации, построенную на основе соотнесения названных факторов и функций языка, выделяемых Р. Якобсоном, см. в статье: *Лейчик В.М.* Особенности устной формы речи. – НДВШ, Филолог. науки, 1970, № 3, с. 81–94.

⁴⁵ *Земская Е.А.* Указ. соч., с. 202–203.

⁴⁶ См. об отдельных признаках ситуации в работах, исследующих модель коммуникации, различные стороны коммуникативного акта: *Лейчик В.М.* Указ. соч., с. 81–94; *Холодович А.А.* О типологии речи. – В кн.: Историко-филологические исследования. М., 1967, с. 202–208.

признаки, относящиеся к участникам общения. Эти признаки не являются структурными, они характеризуют соответствующие компоненты КА. Спаянность КА с речевой ситуацией проявляется как в обусловленности характера элементов структуры КА воздействием отдельных факторов экстралингвистической ситуации, так и в принципиальной невозможности существования данных понятий независимо друг от друга.

В некоторых работах, связанных с вопросами ситуации, указывается на необходимость разграничения понятий речевой ситуации и ситуативности речи. "Речевую ситуацию следует отличать от ситуативности устной речи. Ситуативность – это свойство речи отражать ситуацию (как обстоятельств, так и отношений) специфическими речевыми средствами – компонентами высказывания, а именно – его лексическим составом, грамматическим и ритмико-мелодическим оформлением", – пишут И.М. Берман и В.А. Бухбиндер⁴⁷.

Таким образом, под ситуативностью обычно понимается соотнесенность высказывания с конкретной ситуацией⁴⁸, но ситуативность можно рассматривать и как результат воздействия ситуации на речь, как обусловленность определенных особенностей высказывания влиянием отдельных параметров ситуации. Ситуативностью называет ситуацию М.А. Шелякин, выделяя предметную ситуативность – предметную обстановку речи, определяющую "выбор состава языковых средств (лексических, синтаксических)" в зависимости от "видимых реалий", и коммуникативно-речевую ситуативность – общую обстановку речи, влияющую "на отбор языковых средств в зависимости от характера протекания речи"⁴⁹. Шелякин пишет о существовании и третьего аспекта ситуативности устной речи – пресуппозиции "как предварительном знании собеседников о том, о чем сообщается". При этом автор признает данный аспект ситуативности доминирующим в устной речи, подчиняющим два предыдущих, и отмечает возможность понимания ситуативности как пресуппозиции коммуникативной сущности языка. Считаем, что вопрос о разграничении понятий пресуппозиции и апперцепции требует особого рассмотрения, но, видимо, использование соответствующих терминов должно быть дифференцированным.

Многие исследователи, не обращаясь к определению самого понятия ситуации, рассматривают действие отдельных ее факторов в языке и речи или обусловленность ситуацией отдельных структурных особенностей речи. Так, выясняя состав экстралингвистических факторов, влияющих на функционально-стилистическую дифференциацию языковых элементов, Т.Г. Винокур отмечает такой фактор, как взаимодействие адресую-

⁴⁷ Берман И.М., Бухбиндер В.А. Ситуативность в обучении устной речи. – ИЯШ 1964, № 5, с. 11.

⁴⁸ Гаврилов Л.А. Ситуативность реплики французского бытового диалога. – В кн.: Речевая ситуативность в преподавании иностранных языков. . . . с. 25–27; Пименов А.В. О ситуативной адекватности в обучении речевой деятельности. – Там же.

⁴⁹ Шелякин М.А. Ситуативность как фактор нейтрализации. . . . с. 3. Существует понимание ситуативности как знания собеседниками обстановки и предмета речи (см.: Структурные особенности разговорной речи. Иркутск, 1963, с. 12).

шего и адресата при осуществлении речевого акта (их социальные характеристики, их задачи, их "местоположения", их отношение к сказанному и проч.), называет это соотношение отправителя и получателя общей ситуацией и указывает на зависимость от нее ситуации частной⁵⁰.

Основная масса работ, в которых затрагиваются вопросы ситуативной обусловленности определенных языковых явлений, связана с конкретными проблемами изучения устной речи⁵¹.

Стоит отметить, что все исследователи (см. приведенный выше обзор работ) рассматривают ситуацию как явление экстралингвистического плана; некоторые из них обращают внимание на возможность использования в отдельных ситуациях и паралингвистических знаков (жестов, мимики). Существует, однако, мнение, что ситуация в узком понимании, как предметное окружение в момент высказывания, относится к области паралингвистики, так как она входит в число тех факторов, которые затрагивают лишь конкретное высказывание⁵². Укажем также, что все вопросы, связанные с проблематикой "ситуация—речь", учитывают коммуникативные речевые ситуации, в которых языковые единицы употребляются в качестве языковых знаков⁵³.

Влияние различных сторон ситуации на речь и связанные с этим проблемы вариативности речевых средств и нормы, адекватности высказывания

⁵⁰ *Винокур Т.Г.* О содержании некоторых стилистических понятий. — В кн.: *Стилистические исследования*. М., 1972, с. 7–106. См. в этом же сборнике указания на ситуационную закреплённость некоторых стилистических средств в статье: *Петрищева Е.Ф.* Стили и стилистические средства. с. 160–162.

⁵¹ Широкое понимание речевой ситуации отражено в следующих работах: *Левкин В.Д.* Особенности немецкой разговорной речи. М., 1965; *Святогор И.П.* Ситуативные конструкции в современном русском языке (на материале диалогической речи). — В кн.: *Вопросы истории и теории русского языка*. Тула, 1965, с. 120–131. О воздействии предметной обстановки речи (ситуация в узком смысле) на структурные особенности речи см.: *Мурыгина З.М.* К вопросу об исследовании устной речи. — В кн.: *Теоретические проблемы прикладной лингвистики*. М., 1965, с. 116–135. О функционировании фактора ситуации в пределах устной разговорной речи см. также: *Гальперин И.Р.* К проблеме дифференциации стилей речи. — В кн.: *Проблемы современной филологии*. М., 1965, с. 68–73; *Сироткина О.Б.* Возможности функциональной и окказиональной мотивированности знака. — В кн.: *Проблемы мотивированности знака*. Калининград, 1976, с. 110–115. О действии ситуативно-темагического фактора см.: *Лантсва О.А.* О некодифицированных сферах современного русского литературного языка. — ВЯ, 1966, № 2, с. 40–55; *Винокур Т.Г.* Стилистическое развитие современной русской разговорной речи. — В кн.: *Развитие функциональных стилей современного русского языка*. М., "Наука", 1968, с. 12–100. О выделении конкретных ситуаций общения при обработке материалов для лингвостатистического справочника русской разговорной речи см.: *Вопросы лингвостатистического анализа русской разговорной речи*. М., 1976.

⁵² *Колшанский Г.В.* Функция паралингвистических средств в языковой коммуникации. — ВЯ, 1973, № 1, с. 16–25. См. также о понятии "бессловесной подпочвы", сложном явлении экстралингвистического и паралингвистического характера, которое включает в себя как составную общеречевую ситуацию, в статье: *Григорьев А.Г.* К вопросу о терминах "речь разговорная" и "речь письменная". В кн.: *Проблемы русского языка и его методика*. Красноярск, 1972, с. 39–52.

⁵³ *Ветров А.А.* Семиотика и ее основные проблемы. М., 1968, с. 106. Выявляя соотношение знаковых и коммуникативных речевых ситуаций, автор говорит о том, что не все речевые ситуации знаковые (например, заучивание текста).

и ситуации и др. нашли отражение в многочисленных работах методического характера, в которых даются не только методические рекомендации по учету фактора ситуативной обусловленности речи в преподавании языка, но и их теоретические предпосылки⁵⁴. Вопросы создания учебно-методических ситуаций решаются на основе изучения различных сторон реальной ситуации речевого общения, но при этом такие факторы, связанные с участниками коммуникации, как отношения между собеседниками, апперцепционный момент, знание говорящих о предмете речи, а также частотность ситуации, ее кратковременность/длительность, число участников общения, учитываются недостаточно.

Анализ компонентов, составляющих понятие "ситуация", как оно представлено в современных работах, где исследуется воздействие ситуации на выбор и организацию языковых единиц, позволяет выделить как основные и наиболее употребительные следующие определения ситуации:

1. В социолингвистике – языковая ситуация как взаимодействие различных функционально-распределенных языковых образований, соотносящихся с "континуумом языковой коммуникации общества", и ситуация речевого акта как целое, включающее в себя обстановку акта речи, социальные характеристики участников коммуникации и их социальные отношения.

2. В психолингвистике – речевая ситуация как совокупность факторов предречевой ориентировки.

3. В собственно лингвистических работах, предмет исследования которых – внутренняя структура языка:

а) предметная денотативная ситуация, ядром которой является денотативная сторона;

б) предметная ситуация как предметная обстановка протекания акта речи (большинством исследователей включается в пределы общеречевой ситуации);

в) общая ситуация речи (речевая ситуация в широком понимании), объединяющая в себе как компоненты, связанные с предметной ситуацией (конситуацией), так и компоненты, связанные с участниками коммуникации.

Итак, дефиниция ситуации речевого общения (речевого акта) строится на выделении различных ее компонентов (элементов, сторон, признаков, параметров). Представленность этих признаков (единичное выделение какого-либо признака не учитывается) в соответствии с рассмотренными выше аспектами лингвистического исследования отражена в таблице.

Таким образом, целый ряд признаков ситуации рассматривается как в собственно языкознании, так и в социо- и психолингвистике. Это позво-

⁵⁴ С учетом взаимоотношений обучающихся даст определение понятия "ситуация" Е.И. Пассов (*Пассов Е.И.* Указ. соч., с. 56). Его определение, в котором сделана попытка синтезировать выделенные другими методистами аспекты ситуации, направлено на то, чтобы служить основой организации речевого материала в обучении. Показать ситуацию как источник речевой деятельности, обеспечивающей содержательную сторону высказываний, ставит своей задачей Е.М. Розенбаум (см.: *Розенбаум Е.М.* Основы обучения диалогической речи на языковом факультете педагогических вузов. М., 1975, с. 38-40; *Он же.* Обсуждаем статью Е.И. Пассова "Ситуация, тема, социальный контакт". - ИЯШ. 1976, № 5, с. 58-61).

Т а б л и ц а
П а р а м е т р ы с и т у а ц и и

Признак	Социо- лингви- стика	Психо- лингви- стика	Теория комму- никации	Собст- венно языко- знание	Мето- дика
Условия, в которых имеет место языковая коммуникация, предметное окружение, конкретная обстановка общения	+		+	+	+
Социальные характеристики участников коммуникации, социальные связи коммуникантов	+			+	+
Рольевая структура общения	+		+		
Отношения между собеседниками	+			+	
Апперцепционные возможности собеседников, прошлый речевой опыт, общность интересов, предшествующий разговор		+	+	+	
Фон для прогнозирования ряда вероятностных действий		+	+		
Социальный речевой опыт человека	+		+		
Совокупность факторов предречевой ориентации		+			+
Отраженность ситуации в сознании говорящих		+			+
Предмет или тема	+			+ (редко)	+
Предметы и их свойства, отношения между предметами и их свойствами				+	+
Знание говорящих о предмете речи, различная осведомленность о предмете, наличие/отсутствие предмета речи				+	
Время высказывания	+		+		
Отношение к речевому общению (оценка)	+			+	+
Учет различного набора актантов (субъект, адресат, публика, транслятор) и сирконтантов (место, время, способ общения)			+		
Контактность – дистантность коммуникантов (форма устная/письменная)				+	+
Кратковременность – длительность				+	
Частотность ситуации				+	
Число говорящих				+	
Лингвистическая принадлежность высказывания	+				
Подготовленность – неподготовленность речевого акта				+	
Способность порождать потребность в умственной деятельности					+
Динамичность					+

ляет говорить о некоторой их универсальности. Таковыми признаками будут: предметная обстановка речевого общения; социальные характеристики участников коммуникации, их социальные и личностные отношения, речевая структура коммуникативного акта; апперцепционные возможности собеседников; их оценочное отношение к речевому общению. Другие же признаки часто являются зависимыми от вышеназванных. Тем не менее выделение какого-то признака в пределах только одного аспекта изучения еще не может свидетельствовать о незначительности его влияния на языковые особенности высказывания. Вопрос о степени воздействия отдельных признаков ситуации на языковое оформление высказывания требует специального изучения.

Среди определений ситуации, представленных в современных советских исследованиях и рассмотренных в данной статье, для ситуативной обусловленности устной речи (в частности, устной научной речи) актуальным будет понятие общей ситуации речи, включающей в себя признаки, связанные с предметной обстановкой речи, и признаки, связанные с участниками коммуникации.

Рассматривая влияние фактора ситуации на устную речь, необходимо учитывать, какая взаимосвязь существует между ситуацией и темой. Различные темы в разной степени ограничивают круг ситуаций, в которых они могут использоваться. Широко распространенными и, следовательно, в меньшей степени ограничивающими число ситуаций являются темы, принадлежащие обиходно-бытовому циклу. Научные сюжеты, разумеется, могут встречаться в разнообразных ситуациях (в профессионально-производственной, дружеской неофициальной обстановке), но круг этих ситуаций значительно уже того, который связан с использованием обиходно-бытовых тем.

Ограниченность круга ситуаций в сфере устного научного общения ограничивает сам набор признаков ситуации, оказывающих основное воздействие на речь. В данном случае такими признаками будут: число участников коммуникации (непосредственно связано с фактором публичности/непубличности) и количественные их отношения, характер осведомленности о предмете высказывания (он не только влияет на синтаксическую организацию речи, но и проявляется в выборе жанра устного научного общения). Признаки неосновные — это: наличие каких-либо действий в момент речи, эмоциональное состояние участников общения, официальность/неофициальность, взаимная симпатия/антипатия. Другие, не названные нами, признаки или связаны со всеми ситуациями научного общения (например, данная ситуация требует определенного культурно-интеллектуального уровня), или не соотносимы с ними вообще (временная непродолжительность).

Различный состав основных признаков ситуаций обиходно-бытового и научного общения требует дифференцированного подхода к изучению воздействия ситуации на речь разной тематической принадлежности.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РИТМИКО-ИНТОНАЦИОННОГО ЧЛЕНЕНИЯ УСТНОГО НАУЧНОГО ТЕКСТА

За последние годы заметно возрос интерес к изучению структурных особенностей связного текста. Коммуникативная направленность свойственна тексту как письменному, так и устному и определяет особенности его организации (лексической, синтаксической, интонационной). Интонация играет важную роль в выражении тех смысловых отношений, которые возникают в процессе порождения определенной последовательности высказываний в той или иной ситуации речевого общения.

Интонационное построение высказывания исследовалось в основном на материале озвученного письменного текста (т.е. текста в дикторском прочтении)¹. На этом материале сделаны и отдельные наблюдения над особенностями интонации научной речи². Так, слуховой и экспериментально-фонетический анализ интонирования английского научного текста показал, что звучащая научная речь не уступает речи художественной прозы ни выразительностью, ни разнообразием акцентно-мелодических рисунков (контуров) фразы и мелодического оформления конца синтагмы (неконечной)³. Было также отмечено, что для ритма научной речи характерна некоторая неравномерность, что обусловлено "повышенной выделенностью логических центров, которая достигается замедленным чтением самих центров и беглым, ускоренным чтением остального состава предложения"⁴.

Задача изучения интонации дикторского текста облегчена отсутствием влияния ситуативного фактора на языковое (в том числе интонационное) оформление высказывания. Это влияние является определяющим при функционировании устного сообщения.

Действительно, ритмико-интонационное членение письменного текста есть не что иное, как звуковая расчлененность речи, предопределяемая ее смысловым и синтаксическим строем⁵. В тех или иных особенностях лексико-синтаксической организации предложения может содержаться косвенное указание на то или иное синтагматическое членение. На этот факт не раз обращали внимание исследователи ритма прозы: "В письменной речи ритм есть спектр синтаксиса. Вот почему легко отождествить ритмические единицы (колоны) с синтаксическими (синтагмами)... Колон потому на деле совпадает с синтагмой, что ритм прозы воспроиз-

¹ См., например: *Кандинский Б.С.* Текст как интонационная структура. Автореф. канд. дис. М., 1968; *Он же.* Целый текст и его интонационная структура. — *Иностранные языки в высшей школе*, 1968, вып. 4.

² См.: *Ильина С.Г.* Основы синтагматического членения и мелодики при чтении научного текста. — В кн.: *Чтение. Перевод. Устная речь*. Л., 1977; *Шевякова В.Е., Пинаева Ж.Б.* Интонация научной речи. — Там же.

³ См.: *Пинаева Ж.Б.* О некоторых интонационных особенностях чтения английских художественных и научных текстов. Автореф. канд. дис. М., 1975.

⁴ *Шевякова В.Е., Пинаева Ж.Б.* Указ. соч., с. 170—171.

⁵ См.: *Томашевский Б.В.* О стихе. Л., 1929, с. 309 (гл. "Ритм прозы").

водит синтаксис"⁶. "К числу особенностей ее (художественной прозы. — Т.С.) ритмической организации, передаваемой на письме графически, относятся обозначенность в прозе не только границ слов и предложений, но и границ синтагм с помощью так называемых ритмических фигур"⁷.

Если ритмико-интонационное членение озвученного текста есть по существу функция фразировки, т.е. использования говорящим суперсегментных средств в данном конкретном чтении (избираемая расстановка пауз, темп, динамика и т.п.⁸), то в спонтанной речи это членение не является производным от заданной синтаксической структуры, поскольку порождение говорящим высказывания и его интонационное оформление осуществляются одновременно. При этом "говорящий свободно распределяет акценты, определяющие ритм, независимо от того, согласуются они с прочими элементами речи или нет"⁹. В спонтанной речи происходит, как верно отметил Б.В. Томашевский, "автоматическая координация ритма и синтаксиса"¹⁰, которая и приводит, видимо, к тому, что границы фонетических единиц не всегда совпадают с границами синтаксических единиц. На это явление неоднократно указывалось в лингвистической литературе¹¹. К. Кожевникова, в частности, пишет: "Спонтанная устная речь часто отмечается асимметричностью взаимоотношения плана содержания и плана выражения и асимметричностью отдельных компонентов плана выражения (синтаксических, лексических, звуковых)"¹².

Эти высказывания подтверждают мысль о том, что синтаксис и интонация устной речи находятся в сложных взаимоотношениях. По нашим наблюдениям, комбинация интонационных и синтаксических средств организации высказывания в спонтанной монологической речи подчиняется динамизму информативного развития текста. Динамическая интонационная структура речевого сообщения формируется в процессе взаимодействия суперсегментных средств на синтагматической и парадигматической осях их реализации с лексическим наполнением и синтаксической структурой текста. Синтагматическая ось в данном случае представляет собой определенное соотношение акцентных, мелодических, временных интонационных характеристик при продуцировании высказывания. На парадигматической оси имеет место градация степени выраженности

⁶ Там же, с. 309–310.

⁷ См.: *Черемисина Н.В.* Ритм и интонация русской художественной прозы. Автореф. канд. дис. М., 1971, с. 8.

⁸ См.: *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1969, с. 504; *Шишкина Т.Н.* К вопросу о ритмическом построении речи. Канд. дис. М., 1974, с. 68.

⁹ *Томашевский Б.В.* Указ. соч., с. 306.

¹⁰ Там же.

¹¹ См., например: *Общее языкознание. Внутренняя структура языка.* М., 1972, с. 323; *Белошапкина В.А.* Сложное предложение в современном русском языке. М., 1967, с. 26–27; *Ванников Ю.В.* К вопросу о речевом членении предложения. — В кн.: *Вопросы теории и методики изучения русского языка.* Труды II науч. конф. кафедр рус. яз. пед. ин-тов Поволжья. Куйбышев, 1961, с. 148; *Рудзит Г.А.* Из опыта исследования фразы как просодической единицы методом слухового анализа. — В кн.: *Анализ и синтез как взаимообусловленные методы экспериментально-фонетических исследований речи.* Минск, 1973, с. 253.

¹² *Кожевникова К.* Спонтанная устная речь в эпической прозе. Прага, 1970, с. 32.

компонентов интонации. Синтагматические и парадигматические связи интонационных средств с элементами лексико-синтаксической структуры устанавливаются в процессе порождения текста.

Предмет нашего рассмотрения — устный научный спонтанный текст, продуцируемый в различных ситуациях научного общения (в учебной аудитории, на конференциях, мемориальных чтениях, симпозиумах, семинарах и др.). Жанровые разновидности этого текста могут быть представлены лекцией, докладом, сообщением, выступлением, отдельной репликой. Говоря о спонтанном характере данных текстов, мы имеем в виду отсутствие преимущественной письменной опоры при порождении высказывания (показатель не абсолютный, а возможный).

Безусловно, степень спонтанности устного публичного текста может быть различной и зависит, в частности, от степени официальности/неофициальности речевого акта. Устная научная речь как речь в целом заранее продуманная, подготовленная и тематически определенная отличается по этому признаку от устно-разговорной разновидности литературного языка. Несомненно, что большая или меньшая подготовленность речевого сообщения влияет на его языковое оформление (парадигматику, т.е. выбор той или иной синтаксической конструкции, и синтагматику — связь конструкций в речевом потоке), но тем не менее некоторые общие принципы организации устного высказывания (например, вынос наиболее важного в препозицию по отношению к менее важному, возможное отступление от первоначально избранной синтаксической схемы высказывания, лексическое распространение высказывания по принципу ассоциативного нанизывания элементов сообщения, обладающих неравной коммуникативной значимостью) оказываются решающими для того, чтобы устный научный текст противопоставить письменному, где действуют иные формы логического построения сообщения (последовательный переход от менее важного к более важному).

С письменными жанрами научного изложения (статья, обзор, рецензия, аннотация и т.п.) устный научный текст сближает коммуникативная направленность на сообщение определенного объема научной информации. Однако информативная насыщенность этого текста ограничена условиями его устной презентации, рассчитанной на непосредственное восприятие слушателем. Поэтому закономерно, что детализация смысловых отношений данного текста не может не включать некоторый элемент избыточности, дублирования, повторения. Эта особенность информативного развертывания устного текста отражается на характере интонационного и синтаксического членения речевого потока и их соотношении.

Надо сказать, что если отдельные просодические явления устной, в частности разговорной, речи подвергались специальному рассмотрению в литературе¹³, то закономерности интонационного членения спонтанного

¹³ См., например: *Розанова Н.Н.* Суперсегментные средства русской разговорной речи. Канд. дис. М., 1978; *Русская разговорная речь.* М., "Наука", 1973; *Липтева О.А.* Русский разговорный синтаксис. М., 1976; *Сиротинина О.Б.* Современная разговорная речь и ее особенности. М., 1974.

монологического текста в его временной перспективе еще мало исследованы¹⁴.

В настоящей статье обобщены некоторые наблюдения над особенностями ритмико-интонационного членения речевого потока, сделанные в ходе слухового анализа записей устной научной речи, хранящихся в фонотеке Института русского языка им. А.С. Пушкина.

1. Просодическая сегментация устной научной речи находится в соответствии с линейно-организованной и расчлененной во времени на смысловые центры подачей информации. Текст членится на отдельные коммуникативно более или менее автономные сегменты с помощью акцентных, мелодических, темпоральных интонационных средств. Приведем два примера:

1) Значит э / у нас / язык специальности в сущности // эта дисциплина / которая начинает функционировать // буквально / со второго месяца пребывания / студентов // и / до сих пор / очень много здесь нерешенных вопросов // по многим причинам // ну / в частности // введение предметов // э вот которое начинается через месяц // носит / очень нерегулярный характер // (на заседании);

2) В таком случае / вот мы бы сейчас / предложили // обязательно затем вернуться к обсуждению этого вопроса, // но // сейчас // снять этот вопрос // (там же)¹⁵.

¹⁴ См., например: *Бровченко Т.А.* О просодике коммуникативных единиц монологической речи. — В кн.: *Интонация*. Киев, 1978; *Дешевицын М.П.* Об интонационном членении некоторых видов монологических высказываний (на материале французского языка). — В кн.: *Экспериментальная фонетика*, вып. 1. Минск, 1972.

¹⁵ При расшифровке записей устной научной речи были использованы следующие условные обозначения интонационного членения текста: знак / обозначает членение, выраженное перепадом тона, / — паузу, воспринимаемую на слух, // — паузу повышенной темпоральной длительности, — усиление акцентных характеристик слова, — — длительность произнесения отдельных гласных; темповые изменения, а также тихое и неразборчивое произнесение обозначаются пометой под сегментом текста, выделенным уголками снизу; подчеркивание слова указывает на его особое выделение комплексом фонетических средств; интонационные типы обозначены по системе интонационных конструкций, разработанной Е.А. Брызгуновой (см.: *Брызгунова Е.А.* Интонация и смысл предложения. — Рус. язык за рубежом, 1967, № 1; *Она же.* О смыслоразличительных возможностях русской интонации. — ВЯ, 1971, № 4; *Она же.* Звуки и интонация русской речи. 3-е изд. М., 1977). В расшифровках записей устной научной речи с помощью принятых условных обозначений мы пытались отразить воспринимаемую на слух градацию акцентно-мелодических и временных характеристик речевого потока (существенную для передачи смысловых отношений звучащего текста), а также их соотношение (в том случае, если оно было достаточно акустически выражено) на линейной оси построения высказывания (существенное для передачи таких функций интонации, как членение и связь). Основанием для такого подхода было принятие той концепции, согласно которой интонация в процессе общения выполняет три важнейшие лингвистические функции: с помощью собственных акцентных, мелодических, временных характеристик она членит речевой поток на некоторые сегменты, связывает их внутри высказываний и выражает между ними и между высказываниями смысловые отношения (см.: *Николаева Т.М.* Фразовая интонация славянских языков. М., 1977, с. 9–10).

Понятие "сегмент" нами принято как рабочий термин для обозначения единицы интонационного членения устного текста. Как известно, в отечественном языкознании в этом случае употребляется понятие "синтагма". Теория синтагматического членения разработана в основном на материале хорошо интонационно и синтаксически построенной дикторской речи, для которой характерны достаточная четкость фонетического оформления стыков синтагм и совпадение интонационных границ с границами формально-смысловыми. Отсутствие опоры на письменный текст, планирование высказывания "на ходу" при спонтанном говорении приводят к а) несовпадению места паузы и синтагматического членения, б) несоответствию между интонационно-ритмическим оформлением и семантико-синтаксической структурой, в) невыраженности или слабой выраженности отдельных показателей членения¹⁶.

Есть мнение, что паузы внутри синтагмы, возможные в разговорной речи, не разбивают единство синтагмы, которое создается централизующим синтагматическим ударением. В пользу такой трактовки хезитационных внутрисинтагменных пауз свидетельствуют результаты экспериментов по наблюдению восприятия паузы (внутрисинтагменные паузы, как правило, не воспринимаются аудитором)¹⁷, инструментальный анализ движения тона в послепазуальном сегменте (если мелодическая кривая не сломана внутрисинтагменной паузой, то сегмент идентифицируется как часть синтагмы)¹⁸.

Наш материал, обработанный методом слухового анализа, не дает однозначного решения этой проблемы. В ряде случаев, действительно, сегменты, отделенные паузой, объединяются в одну синтагму единым движением тона. При этом не возникает затруднения в определении межсинтагменных границ. Если же паузальное членение сопровождается усилением акцентной выделенности слов внутри сегментов или слабо выраженным мелодическим перепадом на их границах, то бывает трудно определить, являются ли эти речевые отрезки частями одной синтагмы или самостоятельными синтагмами. Сложность членения речевого потока связана также и с тем, что внутри синтагмы возможна градация акцентной и мелодической выделенности составляющих ее элементов¹⁹, реализация двух и более интонационных центров²⁰.

¹⁶ См. об этом, например: *Шустикова Т.В.* К вопросу об интонации русской разговорной речи. — В кн.: *Русская разговорная речь.* Саратов, 1970; *Розанова Н.Н.* О некоторых интонационных особенностях разговорной речи. — *Вопросы стилистики,* 1977, № 2.

¹⁷ *Каспарова М.Г.* Восприятие паузы. Автореф. канд. дис. М., 1964.

¹⁸ *Бондаренко Л.П.* Членение спонтанной речи паузами колебания и его соотношение с синтагматическим членением (экспериментально-фонетическое исследование на материале американского варианта английского языка). Автореф. канд. дис. Л., 1978.

¹⁹ См.: *Кривнова О.Ф.* Об акцентной функции мелодики. — В кн.: *Интонация.* Киев, 1978.

²⁰ См. тексты разговорной речи, данные в интонационной транскрипции, в кн.: *Русская разговорная речь. Тексты.* М., 1978. На стремление синтагмы в спонтанной речи к ритмической и мелодической многоцентровости обратили внимание Н.Д. Светозарова и Н.И. Гейльман, анализируя записи спонтанных диалогов.

Сказанным выше не исчерпываются все особенности фонетической модификации синтагмы в потоке речи, но уже отмеченные моменты заставляют нас более осторожно подойти к употреблению этого термина применительно к сегментации спонтанной речи.

В результате слухового анализа записей устной научной речи мы пришли к наблюдению, что степень выраженности просодического членения варьируется. Градуальность перехода от четко к менее и слабо обозначенному членению определяется следующим: 1) каким набором просодических характеристик представлен сигнал членения (мелодический перепад + пауза; только пауза; только мелодический перепад; отсутствие паузы и перепада при стремлении к распределению акцентной и мелодической выделенности между двумя центрами); 2) насколько выражен акцентный, мелодический, временной компонент в этом наборе; 3) как этот набор комбинируется с семантико-синтаксическим членением.

Отсюда следуют неоднозначность восприятия сегмента и отражение его границ в расшифровке. Степень достоверности соответствия обозначения интонационного членения текста в расшифровке его реальному функционированию в речи и восприятию группой аудиторов была проверена экспериментально и составляет 70–75%. Оценка данных аудиторских экспериментов показала, что расшифровка какого-либо фрагмента устного текста является среднестатистическим вариантом распределения зон жесткого и свободного выбора (т.е. тех членений, которые воспринимаются большинством аудиторов и однозначно интерпретируются, и тех членений, которые в своей совокупности представляют область индивидуальной трактовки, т.е. наибольшего расхождения в оценке). На основе этих экспериментов можно было убедиться в том, что специфику интонационного членения исследуемых текстов составляет сочетание диффузных и дискретных воплощений просодических сигналов в потоке речи, что соответствует общей закономерности формального устройства речевых единиц²¹.

2. Тенденция к синкретизму и расчлененности отчетливо проявляется в характере сочетания интонационного и семантико-синтаксического членения. Асимметризм, свойственный взаимоотношению синтаксиса и интонации в спонтанной речи, можно показать на нашем материале следующим образом:

1) интонационная нерасчлененность при синтаксической расчлененности:

а) интонационное объединение нескольких синтаксических конструкций внутри предложения в один фонетический сегмент:

В научном отчете кафедры фонетики Ленинградского государственного университета за 1978 г. по теме "Исследование способов анализа и синтеза элементов просодической структуры высказывания" этот факт был отмечен указанными исследователями как одна из особенностей ритмико-интонационной организации этого типа речи (см.: Проблемы и методы экспериментально-фонетического анализа речи. Л., 1980. Гл. "Литературное произношение. Разговорная речь").

²¹ В дальнейшем вслед за авторами монографии "Русская разговорная речь" (М., 1973) эту закономерность мы будем называть тенденцией к синкретизму и расчлененности.

Вот если перечислить // ²общий список хотя бы того что прочитал [...] за последние ну двадцать пять лет // то это может быть уложено в тот список который я хотел бы вам сейчас сообщить / и который естественно не будет претендовать на исчерпывающую полноту // (из доклада)²²;

б) интонационное объединение предложений в одну фонетическую фразу:

Направление ⁴важное // достáточно сказать что / сего⁶дня // производ⁶ится // ²мáлых электрических машин / по дáнным 1975 года // на сумму более ста милли⁶онов рублей // в вось²мидесятые гóды // ²уже — так сказать — эта (скрг. незбр.)

цифра возрастáет // до более двухс⁶от миллионов рублей // производ⁶ством // ²мáлых электрических машин // у нас зáнято // двáдцать // ²вось⁶ь // установ⁴ок // ⁴ведушим // явлáется // союзэлект⁴роагрегáт // в производ³стве / зáнято // так по предвáрительным подсчетам // поря⁴дка / сорока тысяч человек // ²³ [2];

2) интонационная расчлененность при синтаксической нерасчлененности:

а) интонационное расчленение одной синтаксической конструкции внутри предложения на ряд фонетических сегментов:

[...] сказа¹л // ⁶полиста⁶в // этог¹ слова⁶рь // Чт¹о же // ⁶я // ⁶искрен⁶не // ¹рад // ³что / на³ш слова⁶рь // након⁶ец увид¹ел // св¹ет // [1];

б) интонациональное расчленение одного предложения на ряд фонетических фраз:

Такое полож²ение требовало принятия необходимых м⁶ер // по улучш⁶ению технологического обеспечения пред⁶приятий // ¹отрасли // Включáя // ²проекти⁴рование // ⁴строительство // и реконструкцию цехов и за⁶водов // насыщение технологии новейшими достиж⁶ениями в этой области // и проведения научно обоснованных // ⁶специализаций производ¹ства // [2].

Таким образом, для соотношения синтаксиса и интонации в спонтанной речи характерно, с одной стороны, интонационное расчленение синтаксического единства на отдельные сегменты, и, с другой — объединение двух или более синтаксических целых в одном фонетическом сегменте.

3. Синкретизм и расчлененность в построении устного научного высказывания проявляются также в том, что отдельные сегменты сообщения интонационно "выдвигаются" на передний план, другие же — характеризуются ослабленной выраженностью. Это связано с особенностями ин-

²² Приводимые примеры взяты из следующих источников: 1) доклады на Виноградовских чтениях в МГУ (1977); 2) лекция по электрическим микромашинам и машинам малой мощности на ВДНХ (1976); 3) доклад на Симпозиуме по проблемам автоматизированной обработки научно-технической информации (1976); 4) заседание одного из секторов Института русского языка им. А.С. Пушкина (1976). Далее источник указывается цифрой, заключенной в квадратные скобки

²³ Интонационное объединение предложений, как правило, создается мелодическим повышением в конце предыдущего предложения. Оно может указывать на тесную смысловую связь между предложениями.

формативного построения устного текста – “неравномерной колеблющейся конденсацией и неравномерной логизацией сообщаемого содержания”: “в один контекстный ряд могут выстраиваться смысловые сегменты с недостаточной информативностью и сегменты, богатые информацией”²⁴. В силу этого акцентное, мелодическое, темпоральное подчеркивание информативно ценных элементов сообщения чередуется с ослаблением фонетических характеристик коммуникативно менее важных сегментов:

Еще² один фактор // на который хотелось бы обратить внимание⁴ /// это фактор промышленности¹ // Я о нем уже указывал¹ // Значит системы² // (тише)
научно-технической информации⁶ / которые действуют и функционируют в настоящий момент времени // весьма⁵ разнообразны по своим // показателям / по объему ввода информации⁴ / по объему предоставляемых услуг⁶ / и по номенклатуре³ этих услуг /// Так вот практика² / и зарубежная и отечественная показывает¹ /// что только начиная¹ // с некоторых² / объемных / показателей / по этим² / услугам / по этим услугам³ // в системе (убыстр.)
начинают проявляться² новые² качественно // качества промышленной системы¹ // [3].

На акустическом уровне градиция коммуникативной значимости сегментов выражается переключением с большей интонационной интенсивности на меньшую и наоборот. Это переключение может быть сигналом новой информации в тех участках текста, где наблюдается уменьшение плотности синтаксических внутрифразовых связей. Разрыв этих связей обычно сопровождается падением мелодического тона и интенсивности, а укрепление их, т.е. синтаксическое развертывание высказывания и вместе с тем появление новых информативных центров, – новой дугой интонационной интенсивности.

4. Периодическая повторяемость в речевой цепи сегментов разной информативной ценности обусловлена автоматизированным/неавтоматизированным характером устной речи вообще. Степень автоматизма в использовании языковых средств при оформлении высказывания определяется экстралингвистическими условиями протекания речевого акта, т.е. комплексным ситуативно-тематическим фактором (в числе составляющих которого могут быть названы, например: характер обстановки общения – в кругу семьи, на научном или производственном совещании и т.п.; характер адресованности речи – публичный–непубличный; характер отношений между участниками коммуникации – официальный–неофициальный; характер структуры речевого акта – монолог–диалог; характер прикрепленности речи к обиходно-бытовой или общественно-научной тематике в широком смысле), а также таким признаком, как форма речи (устная, письменная)²⁵.

²⁴ Кожевникова К. Указ. соч., с. 29–30.

²⁵ О влиянии ситуации, темы, формы речи на выбор речевых средств устной публичной речи и устно-разговорной разновидности литературного языка см.: Лантева О.А. Указ. соч.; Она же. Современная русская публичная речь в свете теории стиля. – ВЯ, 1978, № 1.

В наибольшей степени автоматизированность свойственна обиходно-бытовой речи²⁶, в наименьшей — устной речи публичного назначения, для которой характерно сознательное обращение к определенным приемам интонационно-словесной выразительности в целях повышения эффективности воздействия на аудиторию.

В устной научной речи проявляются обе тенденции, но функциональный вес каждой из них при построении высказывания различен в зависимости от ситуативных условий (при большей свободе речевого акта, т.е. при меньшей официальности обстановки и отношений между участниками коммуникации, выше степень автоматизма в использовании языковых средств).

Автоматизм предполагает постоянное воспроизведение типизированного, неавтоматизм — возможность выбора из ряда имеющихся вариантов. Первое предсказуемо, второе нет. В первом проявляется тенденция к регулярности языкового выражения, во втором реализуются экспрессивные возможности языка. И то и другое взаимообусловлено и ситуативно ограничено.

Автоматизированный/неавтоматизированный характер использования языковых средств при построении высказывания в устной научной речи проявляется не только в ее лексическом и синтаксическом строе, но и в интонационном оформлении. Интонационный автоматизм характеризуется следующими признаками: автоматичностью распределения пауз и чередования звучащих отрезков различной протяженности (при данном темпе речи автоматически устанавливается определенный "режим" координации временных характеристик, например длительности пауз и длительности постпаузальных сегментов), автоматичностью употребления интонационных конструкций, высокой частотностью мелодических повторов, тяготением интонационного центра к концу сегмента. Интонационный автоматизм устойчив по своей природе. Именно в нем проявляется структурная упорядоченность суперсегментных средств организации высказывания, присущая просодии того или иного языка. Это тот "базовый ритм", который является канвой в организации речевого потока на данном языке²⁷. Структура базового ритма создается определенным пространственно-временным соотношением просодически выделенных — невыделенных элементов в потоке речи.

Интонационный автоматизм (естественная ритмичность) не исключает, а, наоборот, предполагает возможность сознательного выбора говорящим определенных способов интонационного оформления высказывания: акцентно-мелодического подчеркивания, увеличения длительности отдельных гласных, замедления темпа речи, подчеркнуто скандированного произнесения некоторых слов, соблюдения определенного чередования интонационных типов, равновесия паузальных интервалов, со-

²⁶ Об автоматизированном/неавтоматизированном характере устно-разговорной речи см.: Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис, с. 66.

²⁷ Якушина Н.И. Об изохронности как мере времени в ритмической организации речевого потока. — В кн.: Романское и германское языкознание, вып. 1. Минск, 1977, с. 102.

знательного употребления сверхдолгих пауз в информативно важных участках сообщения.

Если же акцентное, мелодическое, темпоральное подчеркивание компонентов высказывания реализуется на протяжении некоторого участка звучащего текста и определенным образом организовано, то есть основание думать, что оно не является случайным, а отражает определенные коммуникативные установки говорящего — актуализировать в высказывании информативно наиболее ценные элементы сообщения, повысить эффективность его воздействия на аудиторию. Таким образом, намеренная ритмизация имеет отношение к формированию коммуникативной направленности устного научного текста. Если естественная ритмичность, или спонтанно проявляющийся ритм родного языка, синкретична в своей основе (представляет собой "один из наиболее трудно вычленимых компонентов звуковой структуры фразы на акустическом уровне"²⁸), то интонационные средства намеренной ритмизации образуют более расчлененную структуру — они всегда контрастно выделяются на фоне естественно-ритмичного течения речи. В плане функциональной нагрузки естественная ритмичность есть проявление организующей функции речевого ритма, намеренная ритмизация — его динамической, коммуникативной сущности.

Взаимодействие естественной ритмичности и намеренной ритмизации в речевом потоке приводит к образованию устойчивых с точки зрения типов и динамических с точки зрения места в высказывании и объема ритмических конфигураций.

Приведем некоторые наблюдения над функционированием одного из приемов намеренной ритмизации — акцентно-мелодических выделений, являющихся проявлением тенденции к расчлененности интонационного построения текста. В ходе слухового анализа записей устной научной речи мы обратили внимание на то, что в расположении особо интонационно подчеркнутых элементов может проследиваться определенная мелодическая упорядоченность, которая подчиняется "логике" интонационного развития некоторой последовательности речевых сегментов внутри одного высказывания:

Только вот причем интересно я перебыю предыдущего оратора / здесь для / информации / причем интересно что // у него // подход // от // высказывания // и идея // высказывания / как некоторой парадигмы // [...] она гораздо по-моему интереснее и методичнее методичнее // [4].

Здесь наблюдается частичный параллелизм мелодического оформления сегментов, интонационно выделенных, но не подчеркнутых и подчеркнутых, выдвинутых на передний план:

[...] причем интересно что // у него // подход // от // высказывания // и идея // [...]

Параллелизм мелодического оформления речевых сегментов возникает и внутри одного высказывания (причем между сегментами как контакт-

²⁸ Барышникова К.К. О ритме диалогической речи. — В кн.: Экспериментальная фонетика, вып. 3. Минск, 1971, с. 3.

но, так и дистантно расположенными), и в пределах двух следующих друг за другом высказываний. Возможен не только частичный, но и полный параллелизм в смене интонационных типов на протяжении высказываний, связанных структурно и по смыслу. Полный и частичный параллелизм может наблюдаться и в расположении в речевой цепи сегментов, особо интонационно выделенных (имеем в виду их положение относительно друг друга в двух соседних высказываниях). Покажем это на примере:

а) Вот недавно // состоялся // большой /// заседание большого ученого совета / Московского университета / под председательством / ректора университета // (6'-6'-6'-2-6-6-6-1) [1].

Там обсуждали // специально вопрос // о путях развития Московского университета // о том как стать Московскому университету // образцовым / учебным / заведением // (6'-6'-6'-2-6-6-6-1) [1];

б) его // как заведущего / кафедрой // я знала / в двух разных ситуациях /// (3-1-3-6-1) [1];

Во-первых /// В Тобольске // где он заведовал кафедрой // в Омском педагогическом институте который в то время помещался в Тобольске // (3-1-3-1) [1].

Высказывания в группе (а) мелодически параллельны полностью, но частично — с точки зрения расположения в них особо акцентированных сегментов (это показывают схемы смены мелодических типов); высказывания в группе (б), наоборот, обладают полным параллелизмом расположения интонационно подчеркнутых элементов и частичным мелодическим. И в том и в другом случае интонационно подчеркнутые элементы выделены с помощью одних и тех же мелодических типов: ИК-6 в группе (а), ИК-3 в группе (б). Думается, что функциональная нагрузка мелодического параллелизма состоит в том, чтобы подчеркнуть, с одной стороны, коммуникативную однородность, равноправность отдельных сегментов одного высказывания и, с другой — акцентировать интонационно-смысловую связь некоторой последовательности высказываний.

В потоке речи акцентно-мелодические подчеркивания различаются: 1) интонационными типами и их сочетаниями; 2) расположением интонационно акцентированных элементов в речевой цепи и степенью их просодической выделенности; 3) функциональной нагрузкой. Остановимся на каждом из аспектов.

1. Интонационное подчеркивание лексических компонентов высказывания осуществляется чаще всего с помощью ИК-2, ИК-3, ИК-6.

Чередование интонационных типов в потоке речи ритмически организуется обычно следующим образом: посредством повторения одной интонационной конструкции в ряде последовательно расположенных сегментов (схематично: *aa...*), повторения определенного сочетания интонационных конструкций в прямом порядке: *ab(в)... ив(в)*, и в обратном порядке: *ab(в)... (в)ба*.

Эту же закономерность можно проследить и в мелодическом оформлении акцентного выделения. Так, в приводимых ниже фрагментах устного научного текста мелодическая организация подчеркивания основа-

на на определенном повторении ИК-2 и ИК-6 и укладывается в первые две схемы – *абаб бб* (2-6-2-6-2-2-2) (см. пример 1), а также на чередовании ИК-2 и ИК-3, реализующем схему: *бааб ббб* (3-2-2-3-2-2-2). (пример 2):

1) Другой вариант // другой вариант // Может быть большой реги-
он / который сам / ничего не вводит / но имеет за собой / очень / большой /
контингент / пользователей // с весьма большим использованием инфор-
мации / обрабатываемой так // и ориентированной на // другой класс ма-
шин // ну допустим на БЕСМ-6 / АС-6 // система какая-нибудь в Ново-
сибирске // Наверное // людям занимающимся обработкой системы
в таком регионе / нужно / позаботиться // об использовании информации
подготавливаемой вот на этих // носителях // на этих носителях // [3];

2) Для нас / в принципе // не очень важно // э скажем пособие или не
пособие / составная часть / вот самого учебника, но / на чем мы настаи-
ваем // что безусловно вот скажем четыре вида речевой деятельности
должны быть там // общий учебник разбитый на части для учащихся и
для преподавателей / это теперь уже не является дискуссионным вопро-
сом / а дальше // нам бы провести эту линию / что в области каждого вида
речевой деятельности / а что это будет // внутри // м учебника или / учеб-
ника плюс пособие // для нас / не столь принципиальный вопрос // [4].

2. Расположение интонационно акцентируемых членов в высказывании может быть контактными и дистантными. Контактность акцентно-мелодических подчеркиваний наблюдается при актуализации каждого члена некоторой цепочки синтаксически связанных словоформ (т.е. в пределах одного синтаксического единства), дистантность – при актуализации лексических компонентов в пределах разных синтаксических единств. Нередко та или иная группа контактно или дистантно расположенных интонационных подчеркиваний "поддерживается" со стороны лексико-синтаксической структуры высказывания (синтаксически параллельными конструкциями с однородными членами, повторяющимися словоформами):

Организации занимающиеся связью в системе / есть // и они привле-
чны // организации занимающиеся техникой / соответствующей / есть
[...] [3];

Время было военное // трудное по-всячески // и морально // и мате-
риально / [1];

[...] переживая / все эти трудности / как и все / он однако // жил // не-
обыкновенной / интенсивной / внутренней / духовной / жизнью // [1].

Следует отметить, что помимо лексически полнозначных слов часто подчеркнутую акцентно-мелодическую выделенность получают служебные

слова (союзы, предлоги, частицы²⁹), а также средства связи между разными высказываниями (например, вводные слова, повторяющиеся лексические элементы синтаксически параллельных высказываний):

Может быть большой регион... ориентированный на / другой класс машин... [3];

...промышленная система // требует // минимальной / зависимости / от // человека //... [3];

И они // могут / на любой запрос руководства очень быстро ответить / не обращаясь к автоматизированной системе //... [3];

Хотелось бы // здесь // нам с вами // договориться о том / что мы понимаем // под / этой системой // [3].

Дистантная акцентная выделенность служебных слов служит для подчеркивания синтаксической связи между сегментами одного высказывания и между соседними высказываниями; контактное интонационное подчеркивание в большей степени направлено на выявление семантической связи близлежащих сегментов одного высказывания. В целом интонационные подчеркивания, как контактные, так и дистантные, ориентируют внимание слушающих при восприятии устной публичной речи, облегчая извлечение коммуникативно ценной информации из сообщения. Так, в приводимом ниже примере акцентно-мелодическое выдвигание структурно-смысловых элементов двух синтаксически параллельных высказываний способствует осмыслению их содержательной противопоставленности:

Одно дело / отработать пятьсот / ретроспективных запросов в год // (убыстр.)
тогда с каждым запросом можно возиться // и обсасывать его и сосать /
Другое дело // обработать / пять ; пятнадцать ; двадцать тысяч таких за-
просов // // двадцать тысяч таких запросов // [3].
(тихо)

Акцентно-мелодическая противопоставленность элементов сообщения может наблюдаться не только в пределах высказывания, но и внутри более мелких отрезков речевой цепи, например словосочетания. Увеличение акцентной самостоятельности компонента словосочетания сигнализирует о его большей информативной ценности в данном контексте.

Просодическое оформление словосочетания в целом определяется его текстовой нагрузкой и поэтому органически включается в общий интонационный контекст высказывания. Именно поэтому на положение особо акцентируемого элемента в том или ином словосочетании, вычленяемом в самостоятельный сегмент, влияет общее распределение мелодических акцентов в высказывании.

Неконечный просодически подчеркнутый компонент словосочетания обычно несет большой объем коммуникативной информации — он выделяется неавтоматизированным интонационным центром (в другой терминологии — "логическим ударением"). Заключительный же компо-

²⁹ См. об этом: Розанова Н.Н. Суперсегментные средства русской разговорной речи.

нент словосочетания может подчеркиваться просто в силу действия интонационного автоматизма — он выделяется автоматизированным интонационным центром, назначение которого состоит в членении высказывания на некоторые сегменты, дающие представление о синтаксическом соотношении его частей. Поэтому слово, выделенное конечным интонационным центром в неконечном сегменте, несет больший объем информации синтаксической.

Словосочетание может вычленяться в самостоятельный сегмент с помощью и выделительного (неавтоматизированного) и разграничительного (автоматизированного) интонационных центров. При этом между компонентами словосочетания создается своеобразное интонационное равновесие — этим подчеркивается коммуникативная ценность всего словосочетания в целом, его интонационно-смысловая целостность. Покажем это на примере субстантивных словосочетаний, взятых из одного научного доклада: ²общий банк ⁶данных, ²точные ⁶цифры, ²массовое использование ⁶системы, в каком-нибудь ²сложном процессе проектирования, ⁶большой регион, ²мощные вычислительные ⁶базы. При выделительном/разграничительном подчеркивании начала/конца словосочетания особенно частотны сочетания ИК-2—ИК-6, ИК-6—ИК-2.

Акцентная, мелодическая, темпоральная расчлененность словосочетания (и вместе с тем его смысловая расчлененность) появляется тогда, когда говорящему необходимо подчеркнуть информативную ценность каждого компонента: ²различные / ⁶формы / ²выдачи, ⁶различные / ²варианты / ⁶использования, ²прогрессивная / ⁶эффективная / ²форма. Прием намеренной ритмизации действует в этих участках текста особенно наглядно.

В пределах одного словосочетания, компоненты которого выделены при помощи акцентированного мелодического повтора, может накапливаться ритмическое напряжение. Это напряжение часто снимается интонационным переключением (сменой мелодического типа) в конце цепочки синтаксически связанных словоформ. При этом последний член в ряду интонационно отмеченных элементов, нарушая ритмическую повторяемость одного мелодического типа, получает наибольшую выделенность, даже если его акцентный вес в словосочетании ослаблен, так как здесь имеет место мелодический контраст типа *aa...* — не *a*:

[...] начина¹я // с ²некоторых / ⁶объемных / ²показателей / ⁶по ²этим / ³услугам...

[...] получить ²достаточно / ⁶большой / ²вход / ⁶по ³запросам [...]

[...] ²первая / ⁶очередь // ²единой / ⁶научно-технической информации [...]

4. Текстовая нагрузка интонационно подчеркнутого элемента может состоять не только в выделении нового, но и в акцентировании уже известного, ранее упоминаемого, если этот элемент сообщения приобретает особую значимость в данном контексте. В целом текстовая нагрузка подобных элементов сообщения определяется их ролью в информативном развитии текста.

Посмотрим, какова функция интонационно подчеркнутых элементов в некотором фрагменте устного научного текста (доклад на Симпози-

уме по автоматизированной обработке НТИ). Приведем этот отрывок полностью. Цифра в скобках над интонационно подчеркнутым словом обозначает его порядковый номер в тексте.

На основании ⁶ // разработок ² // как отечественных так и зарубежных ⁴ // в настоящее ² время сложилось / представление о том ; что такое автоматизированные системы ⁶ ; в общетехнической информации ¹ // // Отдельные аспекты ^{3 (1)} этого / я хотел бы всё-таки изложить ⁴ // изложить ; Извините меня за некоторые перечисления ⁶ / но / нам хотелось бы всё-таки // как-то договориться о том что мы понимаем ^{6 (2)} ; под системой научно-технической информации ; что мы от неё // ждём ⁶ автоматизированной системы информации ^{2 (3)} ; // Она включает в себя комплекс ⁴ // следующих функций // Во-первых должны быть средства унифицированного // последовательного по мере // выполнения отдельных э отдельных стадий первичной обработки ; ввода информации // средства ввода информации поступающей в машиночитаемой / форме // средства введения ⁴ (убыстр.) и использования документальных массивов ; допускающих ⁶ // вход в выборку как по тематическим признакам // поиск новых документов ; так и по информассированным признакам ; стандартным признакам ; в частности ; библиографическим признакам // Процедура и формы ^{3 (4)} выборки // способны // видоизменяться ^{2 (5)} ; в зависимости от назначения выборки // избирательных видов информации ; обслуживания индивидуальных абонентов // э индивидуальных ретроспективных опросов // специфические операции по анализу массива ^{6 (7)} // регламентное обслуживание ^{2 (8)} ; э сопряжённых систем // в интегрированной системе обработки информации будь то САПР / или [нрзбр.] система управления // то есть довольно большая ^{2 (9)} номенклатура услуг // Дальше ^{2 (10)} // должны быть предусмотрены средства выпуска разнообразных указателей ^{6 (11)} // по содержанию // фонду ; средства выпуска вторичных ^{2 (12)} информационных изданий ; опять-таки ^{2 (13)} по содержанию фонду // Наконец // должны / обязательно быть предусмотрены средства выполнения вторичной ^{3 (14)} обработки выбранных из фондов документов // Имеется в виду упорядочение ^{2 (15)} // анализ авторов ^{2 (16)} традиционной // э корреляционный ^{2 (17)} анализ ; регистрационный ^{2 (18)} анализ по [нрзбр.] данным ; и так далее //

Из приведенной таблицы видно, что основная функция интонационного подчеркивания сводится к выделению информативных опор, развивающих тему сообщения внутри некоторой последовательности синтаксиче-

№ интонационного подчеркивания	Текстовая нагрузка
1	Выделение элемента сообщения:
2	а) сигнализирующего о введении новой информации, тема которой определена выше;
3	б) акцентирующего предмет изложения;
4	в) имеющего обобщенное значение, содержание которого раскрывается в дальнейшем как аспект новой информации;
5–8	г) вводящего частную микротему;
9	д) раскрывающего содержание этой микротемы;
10	е) в содержании которого есть указание на подведение итога сказанному о данной микротеме;
11–12	ж) в содержании которого есть указание на продвижение информации;
13	з) раскрывающего содержание общей темы;
14	и) в содержании которого есть указание на ранее упоминаемое;
15–18	к) вводящего частную микротему;
	л) раскрывающего содержание этой микротемы.

ски и семантически связанных высказываний. В анализируемом отрывке устного научного текста обнаружилась следующая последовательность раскрытия обозначенной в первом высказывании темы: 1) сигнал о введении новой информации; 2) акцентирование предмета сообщения; 3) обобщенное введение новой информации; 4) раскрытие содержания частных микротем; 5) подведение итога сообщенному; 6) сигнал о продвижении информации; 7) продвижение информации; 8) возвращение к ранее упоминаемому; 9) переход к новой микротеме.

Вопрос о закономерностях распределения акцентно-мелодических подчеркиваний внутри некоторой группы высказываний, объединенной тематически и структурно, входит в комплекс проблем по изучению фонетической организации сверхфразового единства. Исследования в этой области проводились в основном на материале прозаического текста. Отмечалось, что структурная, семантическая, функциональная спаянность частей сверхфразового единства находит свое выражение в единстве интонационного оформления³⁰. Особенности фонетической структуры сверхфразового единства видят в определенном числе "выдыхательных групп", входящих в его состав; в определенной последовательности мелодических контуров, "которые развертываются в виде ряда циклов с понижением тона в конце каждого из них, пока не достигнут самого последнего, финального нисходящего тона"³¹; в наличии определенных физических сигналов, позволяющих вычленить сверхфразовые единства из потока речи (паузы

³⁰ Серкова Н.И. К вопросу о сверхфразовом единстве как фонетической единице. — Сб. лаборатории устной речи филологического факультета. М., Изд-во МГУ, 1968.

³¹ Шевченко Т.И. К вопросу о просодической организации сверхфразового единства. — Там же, 1972, с. 15.

особой длительности, перепад интенсивности)³²; в особой ритмико-мелодической скрепленности его частей³³.

Семантико-синтаксическое и интонационное построение сверхфразовых единств начинает изучаться и на базе звучащих спонтанных текстов³⁴. Анализ ритмической структуры сверхфразового единства с точки зрения распределения в нем акцентно-мелодических подчеркиваний элементов, имеющих особую текстовую нагрузку, может пролить свет на некоторые закономерности его коммуникативной организации в потоке речи.

В заключение надо сказать, что в данной статье мы коснулись лишь некоторых моментов сложной проблемы просодической сегментации спонтанной речи. Задача работы состояла в том, чтобы показать общие особенности ритмико-интонационного членения устного научного текста. Синкретизм и расчлененность как две тенденции в интонационном построении данного текста проявляются и в характере выраженности фонетического сигнала членения, и в степени интонационной выделенности отдельных сегментов, и в ритмической организации высказывания, и в соотношении его интонационного и семантико-синтаксического членения. Синкретизм и расчлененность в комбинации интонационных и лексико-синтаксических средств организации высказывания в устной научной речи являются следствием спонтанного характера его осуществления, регулируются экстралингвистически (ситуативными факторами, психолингвистическими закономерностями порождения речи, коммуникативным намерением говорящего) и ориентированы на построение устного текста как связного целого, организованного в соответствии с определенными содержательными установками его автора.

А.Ю. КОНСТАНТИНОВА

К ВОПРОСУ О ВЫДЕЛЕНИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ВЫСКАЗЫВАНИЯ В УСТНОЙ НАУЧНОЙ РЕЧИ

Описание устной монологической речи как семиотического объекта предполагает определение критерия выделения и размежевания ее основных единиц, а значит, обращение к проблемам сегментации устного текста и поиску методики перехода от конкретного сегмента к структурной единице речи.

Применительно к высказыванию¹ проблема сегментации облегчена совпадением границ высказывания с границами фонетической фразы, т.е. ограничением критерия выделения единицы до ее формального (фоне-

³² Бровченко Т.А. Указ. соч.

³³ См., например: Рудзит Г.А. К вопросу о сверхфразовом единстве в речи. — В кн.: Экспериментальная фонетика, вып. 1. Минск, 1972; Соткис Ю.Н. К вопросу о ритмико-интонационной структуре сверхфразового единства. — НДВШ, Филолог. науки, 1972, № 4.

³⁴ См., например: Бровченко Т.А. Указ. соч.

¹ Под высказыванием понимается автономная коммуникативная речевая единица объемом не больше предложения, структурно изоморфная или неизоморфная ему.

тического) аспекта². Такое ограничение критерия выделения высказывания возможно потому, что его суперсегментный признак (интонация) одновременно вычленяет его из непрерывного речевого потока и придает ему статус коммуникативной единицы, соотнося с ситуацией (объективная модальность, предикация находят свое выражение при этом в вариантах заключительной каденции).

Возможно, именно интонационный способ выражения грамматического значения высказывания послужил причиной того, что в лингвистической традиции определение высказывания исчерпывалось установлением корреляции: предикативность/заключительная каденция, а собственно граница высказываний в устном речевом потоке устанавливалась на основании перепадов основного тона³. Иногда в качестве интонационного средства фразового членения признавалась также пауза⁴, однако лингвистический характер осуществляемого ею членения часто подвергался сомнению⁵. Проблема полного описания интонационных средств, осуществляющих глобальное членение речевого потока, встала особенно остро в последние десятилетия в связи с созданием лингвистики текста и поиском единиц большей протяженности, чем высказывание (сложное синтаксическое целое, сверхфразовое единство, абзац и т.д.). Была предпринята даже попытка выделить эти единицы на эмпирическом уровне путем выявления различий в характеристиках суперсегментных средств, осуществляющих, с одной стороны, вычленение высказывания, а с другой стороны, вычленение единиц больших, чем высказывание⁶.

Наш поиск высказывания в устном научном потоке был ориентирован как на установление самой формы (дискретной или недискретной) его существования, так и на выявление онтологических и интерпретационных моментов его выделения. Исследование проводилось методом слухового и инструментального анализа оригинальных (спонтанных, записанных в естественных условиях) лекций, докладов и заседаний, посвященных различным аспектам науки и научной деятельности, из фонотеки Института русского языка им. А.С. Пушкина.

Анализ этих материалов показал, что интонационный компонент, включающий характеристики интенсивности, пауз, перепадов темпа и

² См. об этом: *Арутюнова Н.Д.* О фонетической организации языка и иерархии его грамматических единиц. — В кн.: *Фонетика. Фонология. Грамматика.* М., 1971, с. 30.

³ См., например: *Crystal D., Quirk R.* Systems of prosodic and paralinguistics features in English. The Hague, Mouton, 1964; *Halliday M.A.K.* Intonation and grammar in British English. The Hague, Mouton, 1967; *Гаузенблаз К.* О характеристике и классификации речевых произведений. — В кн.: *Новое в зарубежной лингвистике*, вып. 8. М., 1978, с. 62–63; *Реформатский А.А.* Введение в языкознание. 4-е изд. М., 1967, с. 332.

⁴ *Fries C.C.* The structure of English. New York, 1952; *Soderlind J.* Utterance, sentence and clause as English speech-units. — In: *English studies to R.W. Zandvoort.* Amsterdam, 1964, p. 52.

⁵ *Блумфилд Л.* Язык. Пер. с англ. М., 1968, с. 197; *Lounsbury F.G.* Pausal, juncture and hesitation phenomena. — In: *Psycholinguistics.* Baltimore, 1954, p. 96–101; см. также обзор: *Николаева Т.М.* Новое направление в изучении спонтанной речи (о так называемых речевых колебаниях). — ВЯ, 1970, № 3.

⁶ *Бровченко Т.А.* О просодике коммуникативных единиц монологической речи. — В кн.: *Интонация.* Киев, 1978.

мелодики и осуществляющий глобальное членение (членение на высказывания) устной научной речи, подвижен в своей организации. Эта его подвижность обусловлена сосуществованием внутри объекта двух норм произношения: дикторской и разговорной. Преобладание одной из этих норм распространяется на сегменты различной протяженности и регулируется экстралингвистически. Так, фактор официальности, публичности ограничивает темпоральные, акцентные, тональные перепады, устанавливая предел их варьированию и приближая произношение к дикторскому. Напротив, яркая индивидуальность ученого, его "маститость", тесный контакт с аудиторией, спонтанность речи обуславливают проявление разговорных тенденций в произношении. Борьба этих типов произношения находит свое отражение в характеристиках каждого интонационного средства, выступающего в делимитативной функции.

Основным интонационным средством, глобально членящим поток устной научной речи на коммуникативные сегменты (высказывания, фразы), является перепад интенсивности (участие ее в выделении высказывания составляет 90–96%). На границе высказываний перепад акцента больше, чем его изменения внутри высказывания. Высказывание характеризуется обычно ярким энергичным началом и затухающим концом. При дикторском типе произношения перепад силы невелик и в тексте расшифровки имеет пометы "тихо", "тише" в конце высказывания и не имеет пометы в начале следующего или в конце одного высказывания и имеет помету "громко", "громче" в начале следующего:

Как правило / они сочетаются / вот такие вещи Или там / ... (из лекции);
(тише)

Дело / в том / что / на текущей странице / ну / как на любой странице / все ячейки / пронумерованы последовательно / от нуля / до сто семьдесят семь // Правильно // (из лекции).
(громче)

Разговорный тип произношения представлен резкими перепадами интенсивности: тихой финалью одного коммуникативного сегмента и очень ярким началом (усилением фонетических характеристик, выделением, помечаемым в тексте расшифровки подчеркиванием) следующего:

Проиллюстрируем простым примером / Все существующие в настоящее время системы автоматизированные вводят информацию из РЖ ВИИТИ // (из лекции).
(убыстр.)

Резкие перепады интенсивности характерны также для случаев, когда второй коммуникативный сегмент представляет собой вопросительную конструкцию с начальным вопросительным словом или аналогичную ей мелодически вослицательную конструкцию:

Ну не надо ладно / не стоит Что / такое // была // было это направление? / (из лекции).
(убыстр., тихо)

Для разговорного типа произношения при этом характерна сниженная резкость перепада интенсивности сравнительно с нормативным типом произнесения.

Паузальное членение в отличие от акцентного не носит преимущественно глобального характера: оно осуществляет как вычленение

ние высказывания из потока речи, так и его дальнейшее членение на коммуникативно неавтономные сегменты.

Пауза градуируется по длительности на короткую, среднюю, длительную и сверхдлительную. Длительность паузы тесно связана с темпом произнесения, поэтому градации длительности паузы устанавливаются применительно к каждому темпу, а не абсолютно. Сегментирующие возможности пауз различной длительности неодинаковы. Длительность является дифференцирующим средством фразового членения (длительные паузы на границе высказывания отмечались в 65–85% высказываний). Однако интерпретация паузы вскрывает не только лингвистическую, но и экстралингвистическую сущность паузы (пауза хезитации, пауза колебания). Длительные (в тексте имеют помету //) и сверхдлительные паузы (...) между высказываниями часто представляют собой результат склейки (они обычно включают заполненную паузу колебания):

Э / значит / это / э / наверное / прежде чем / я / Э / объясню / я хочу просто привести пример / Э / Габаритные размеры приемлика / такие-тише) / то // (из лекции).

Большую последовательность, несмотря на неяркость своих характеристик в дикторском типе произношения (разговорный тип представлен большей яркостью темпоральных изменений), обнаруживает распределение темпоральных изменений в устной научной речи.

Внутри каждого сегмента действует как бы закон нарастающего темпа, причем особенно резким является его перепад на границе высказываний. Закон нарастающего темпа находит свое выражение в том, что замедление темпа распространяется на незначительные сегменты (в примере на один слог, помеченный знаком долготы), в то время как убыстрение охватывает значительные участки устного текста:

Это прежде всего / очерки его / по истории литературного языка семнадцатого / девятнадцатого веков / вышедшие вторым изданием в тридцать восьмом году / Нб / мало кто знает / что автор / пытался так сказать вот создать / и обобщающий труд / по истории русского литературного языка начиная с древности и до наших дней // (из доклада).

Облигаторность темпоральных изменений на границе высказываний может служить основанием для признания их в качестве одного из ведущих признаков интонационного выделения высказывания.

Мелодический компонент, как уже было сказано, традиционно связывался с выделением высказывания как речевой единицы. Он наиболее изучен на материалах разных языков. Был даже выведен универсальный тип заключительной каденции повествовательного предложения, названный шляпой⁷. Для русского языка это модель глубокого понижения в конце коммуникативного сегмента.

В устной научной речи мелодическое решение конца высказывания (повествовательного типа) представлено следующими вариантами:

⁷ *Cohen A., Hart J. On the anatomy of intonation. — Lingua, 1967, vol. 19, N 2.*

а) глубоким понижением тона в ударном / заударных слогах конечного сегмента;

б) движением тона, осуществляемым на том же уровне, что и в неконечных сегментах;

в) повышением тона к концу каденции.

Первый и второй варианты заключительной каденции интонологи относят к нормированному типу, третий же вариант, удачно названный Т.М. Николаевой микрополукаденцией⁸, трактуется ими двояко: как разговорный⁹ и как нормированный для речи молодого поколения¹⁰, и в соответствии с первой трактовкой ему приписывается или не приписывается – в соответствии со второй – фатическое содержание¹¹.

В связи с этим мелодический компонент высказывания в устной научной речи не может быть описан в противопоставлениях его нормированных и разговорных вариантов, несмотря на различие их характеристик и делимитативных возможностей. Делимитативные возможности модели глубокого понижения больше, чем модели, представляющей собой "микрополукаденцию", так как последняя, варьируясь в речи, часто оказывается неотличимой от полукаденции (модели незавершенности).

Вопросительная интонация (антикаденция) представлена также моделью понижения (вопрос с вопросительным словом) и моделью повышения (переспрос, вопрос с "А"). Обе эти модели характерны и для тональной организации начала предложения. Кроме того, модель незавершенности бывает представлена вариантом понижения тона. Таким образом, разграничение модели завершенности и модели незавершенности представляет определенные трудности.

Складывается парадоксальное положение: интонационное средство, на основании которого традиционно определялось высказывание, менее всего способно придавать ему дискретность.

Естественно, что в речи все выделенные нами интонационные средства выступают в определенных комплексах. Сочетаемость интонационных средств иногда носит случайный характер, чаще она обнаруживает закономерности. Так, комплексное функционирование темпа и интенсивности отражает следующую закономерность: медленный темп сочетается с повышенной интенсивностью, а убыстренный – со сниженной. Интерпретация этого момента вскрывает функциональную связь интенсивности и темпа с выражением смысловой значимости/незначимости, автономности/неавтономности сегмента произнесения. Сочетание же мелодики и паузы, скорее, носит чисто фонетический характер: модель понижения обычно сочетается с более длительной паузой, модель повышения – с менее длительной, хотя и мелодика и пауза выступают не только в делимитативной функции (заключительная каденция выражает грамматическое

⁸ См.: Николаева Т.М. Фразовая интонация славянских языков. М., 1977, с. 82.

⁹ См.: Русская разговорная речь. М., 1973 (раздел "Некоторые особенности интонации РР").

¹⁰ См., например: Николаева Т.М. Указ. соч., с. 69.

¹¹ Брызгунова Е.А. Звуки и интонация русской речи. М., 1969, с. 230; Николаева Т.М. Интонация сложного предложения в славянских языках. М., 1969, с. 90; Фирсанова Г.И. Интонация вопросно-ответных конструкций. Автореф. канд. дис. Л., 1972.

значение высказывания, а пауза отмечает точки наибольшего мыслительного напряжения).

Полифункциональность суперсегментного признака устной речи ставит вопрос об убедительности толкования интонационного комплекса как собственно членящего, и членящего именно на высказывания. То, что устный научный текст дискретен и эта дискретность достигается средствами интонации, — факт онтологии. Установление же зон межфразового и внутрифразового членения связано как с выявлением онтологических характеристик комплекса интонационных средств, осуществляющих членение, так и с интерпретацией каждого такого средства.

Убедительность трактовки комплекса суперсегментных средств как направленного на фразовое членение зависит от представленности данных средств, характера их сочетаемости и функциональной ориентации каждого из них. Идеальный вариант такого комплекса включает все выделенные нами средства делимитации, демонстрирует обычную сочетаемость интенсивности и темпа (убыстренно, тихо), модели понижения и длительной паузы, ориентирует все интонационные средства прежде всего на делимитацию:

Только тогда ³ / мы сумеем с вами что-то сделать // имея в виду наши ограниченные ресурсы // ₁ [наши ограниченные ресурсы] // Ну как поступить ² // (из доклада).

Самый распространенный вариант комплекса представлен таким же сочетанием и ориентацией суперсегментных средств при отсутствии одного из компонентов:

Достаточно широкое ² / распространение // ₁ [достаточно широкое распространение] // Далее // предполагается ³ / ² доступ в режиме (отсутствует перепад интенсивности);

Наконец ² / ₁ [должны быть предусмотрены средства разграничения доступа] ⁴ / к системным личным массивам / и средства формирования // отдельных подмассивов / тиражирования / ₁ [подмассивов] // И как управляющая функция / ⁴ конечно / в системе должны быть предусмотрены средства системного учета // ресурсов // ⁴ контроля // за выполнением технологических операций / функций и состояния фондов ₁ [системы] // (отсутствует перепад темпа);

Отдельные аспекты ³ этого / я хотел бы ₁ [всё-таки изложить // ⁶ (быстрее)] ₁ [изложить] // Извините меня за некоторые перечисления / нō / нам хотелось бы всё-таки // как-то договориться о том ¹ что мы понимаем ₁ [о] под системой научно-технической информации / ⁶ что мы от неё // ждем автоматизированной ₁ [системы информации] // (отсутствует пауза) (примеры взяты из лекций).

Варианты интонационных комплексов, представленные двумя из четырех компонентов, обладают разными делимитативными возможностями. Граница высказываний констатируется применительно к тем случаям, когда в составе комплекса, осуществляющего членение, наличествует ориентированный на выполнение этой функции компонент интенсивности (перепад интенсивности признается нами основным делимитативным средством русской устной речи):

Очевидно это нужно решать / по месту // это нужно решать по (тихо)
месту // Основное // основная наша // основное направление это
машины ЭС / и СВТ /// (из доклада).

Продемонстрированные выше варианты однозначно указывают на границу высказывания, устанавливая зону жесткого выбора.

Существуют однако и такие комплексы (и сочетания внутри этих комплексов) интонационных средств, которые не дают объективных показателей границы коммуникативных сегментов. Зона приложения этих суперсегментных признаков может быть интерпретирована двояко: как зона внутри- и межфразового членения устного научного текста. В зону свободного выбора чаще попадают участки текста, отмеченные одним интонационным признаком (кроме интенсивности), обладающим при этом универсальной (внутри- и межфразовой) членящей способностью:

Затем // должны быть обеспечены средства организации комплексного вычислительного процесса / позволяющего эффективно использовать (убыстр.)

вычислительные средства при одновременном соблюдении требования / на время обработки различных видов обращения к системе // и периодичности выполнения // отдельных / видов / работ // П / подчеркиваю время /// (из лекции);

Вообще надо сказать что к этой проблеме // проблеме / изображения одного / и освещения ; одного и того же факта в разных / типах // художественного творчества / и даже в разных типах изобразительного / творчества // он обращался неоднократно // В / качестве примера / приводя // книгу Еврейнова, "Оригинал о портретистах" // которую он / чрезвычайно ценил /// (из доклада).

В примерах в качестве таких средств выступают пауза и модель понижения.

Зона двоякой интерпретации возникает также в тех случаях, когда интонационный компонент, сопровождающий сегмент текста, функционально ориентирован не столько на делимитацию, сколько на экстралингвистику, а также на выражение семантико-синтаксических, экспрессивных отношений и т.д. (в данном примере интенсивность ориентирована не на собственно делимитацию, а на выделение информативно важных элементов текста):

Существующая система не имеет /// Н / наша информационная система система научно-технической информации (из лекции). (Проведенный поздно)
(тише)

нее экспериментальный анализ дал следующие результаты: а) перепад интенсивности между соседними ударным и безударным гласными в неконечных сегментах составляет 2,7 мм, в конечных (на границе высказываний) — 4,9 мм; б) перепад частоты основного тона в неконечных сегментах — 56,1 гц, в конечных — 97,9 гц; в) длительность паузы в неконечных сегментах — 224 мл/с, на границе высказываний — 762 мл/с).

Как объясняется неабсолютная фразовая членимость устного научного текста? Является ли зона свободного выбора интерпретационным, операционным моментом или она является отражением самой формы существования объекта? Исследование Т.А. Бровченко, проведенное на материале речи американских студентов, имело своим результатом безостаточное членение устного текста на высказывания. Это объяснимо, с одной стороны, обработкой материала (запись проводилась студийно, темы бесед задавались исследователями), с другой — особенностью жанра (беседы на бытовые темы) и, наконец, самой ориентацией лингвистического поиска: стремлением выявить различия в выделении высказывания и единиц большей протяженности, чем высказывание. Такая ориентация исследования явилась причиной того, что из сферы лингвистического интереса исчезла проблема градаций такой членимости, т.е. факту членимости на соответствующие единицы придавалась некоторая априорность.

К иному выводу относительно дискретности высказывания в устной речи приходит Б.М. Гаспаров (его вывод, правда, не подтвержден экспериментально, а носит чисто теоретический характер). Он пишет об устном тексте: "Здесь активные д-структурирующие тенденции устной речи выступают с наибольшей отчетливостью. Прежде всего разрушаются границы между фразами. Исчезают дискретные предложения, связанные между собой по определенным правилам межфразовой сочетаемости. Речь строится в значительной степени в виде нанизывания синтаксических сегментов с формально не отмеченной их группировкой в синтаксически самостоятельные единицы"¹².

Видимо, истина заключена между этими крайними точками зрения. Существование зон двойкой интерпретации границы высказываний в речи является отражением самой формы существования высказывания, представленной единством своих дискретных и диффузных характеристик. Однако существование таких зон не отражает ведущей тенденции в структурировании устной научной речи (в других типах речи представленность зон свободного выбора, по всей видимости, также не должна превышать минимума, не нарушающего относительного смыслового тождества разночленных участков речевой цепи, иначе коммуникация становится затруднительной), а носит очень ограниченный характер (в среднем составляет 5–6%), т.е. устная научная речь демонстрирует высокую степень формальной упорядоченности своих коммуникативных единиц.

Расчленение речи на коммуникативные сегменты (высказывания и предложения) вскрывает их функциональную однородность. Размежева-

¹² Гаспаров Б.М. Устная речь как семиотический объект. — Учен. зап. Тартуского гос. ун-та, 1978, вып. 442. Семантика номинации и семиотика устной речи (лингвистическая семантика и семиотика), с. 80.

ние же этих единиц связано с постижением их структурных различий и может быть проведено только при обращении к проблемам стратификации структурных единиц языка.

Современным уровневым концепциям языка соответствует представление о предложении как о 1) речевой или 2) языковой единице. Аргументируя отнесение предложения к речи, ученые первого направления¹³ отмечают, что, во-первых, предложения не составляют формального класса противопоставленных единиц, во-вторых, они не являются интегрантом никакой единицы более высокого уровня, следовательно, они состоят из знаков, но сами не являются знаками. Эта концепция снимает противопоставление предложения и высказывания, так как на уровне речи эти единицы неразличимы¹⁴. Согласно другой концепции, интенсивно развиваемой в последние годы советскими лингвистами, предложение, вернее, его модель (структурная схема) является предикативным языковым знаком обобщенной ситуации¹⁵.

Признание знаковости предложения (вернее, его модели) соответствует такому этапу лингвистического поиска, когда особенно остро встает проблема перехода от конкретной речевой единицы — высказывания к структурной единице языка — модели предложения. Это проблема принципов моделирования предложения и допустимой степени лингвистического абстрагирования. Признавая воспроизводимость в качестве ведущего принципа выделения предложения, лингвисты распространяют этот принцип то на формальный, то на семантический аспект предложения.

Так, модель предложения в концепции Н.Ю. Шведовой¹⁶ ориентирована на формальный аспект. Автор стремится к очень высокой степени лингви-

¹³ Обоснование этой концепции см.: *Бенвенист Э.* Уровни лингвистического анализа. — В кн.: *Общая лингвистика*. М., 1974; *Звегинцев В.А.* Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976; *Солнцев В.М.* О понятии уровня языковой системы. — ВЯ, 1972, № 3; см. также: *Адмони В.Г.* Синтаксис современного немецкого языка. Л., 1973, с. 336; *Ахманова О.С.* Что такое предложение и как его следует изучать. — В кн.: *Общее и романское языкознание*. М., 1972, с. 131.

¹⁴ См., например, у Э. Бенвениста: «Предложение — единица в силу того, что оно является сегментом речи, а не в силу того, что оно противопоставляется другим единицам того же уровня. Но предложение является полной единицей, которая имеет одновременно и смысл, и референцию: смысл — потому что оно несет смысловую информацию, а референцию — потому что оно соотносится с соответствующей ситуацией» (*Бенвенист Э.* Указ. соч., с. 140). Эти же характеристики справедливы и для высказывания.

¹⁵ О предложенческой (пропозитивной) номинации см.: *Арутюнова Н.Д.* Синтаксис. — В кн.: *Общее языкознание. Внутренняя структура языка*. М., 1972, с. 309—310; *Она же.* О номинативном аспекте предложения. — ВЯ, 1971, № 6; *Она же.* О номинативной и коммуникативной моделях предложения. — Изв. АН СССР, СЛЯ, 1972, № 1; *Она же.* Предложение и его смысл. М., 1976; *Венскович М.С.* Грамматическая структура и смысл высказывания. Автореф. канд. дис. М., 1976; *Гак В.Г.* О двух типах знаков в языке (высказывание и слово). — В кн.: *Материалы к конференции "Язык как знаковая система особого рода"*. М., 1967; *Она же.* К типологии лингвистических номинаций. — В кн.: *Языковая номинация (общие вопросы)*. М., "Наука", 1977; *Ломтев Т.П.* Проблема знака и значения в применении к предложению. — В кн.: *Проблемы изучения семантики языка*, ч. 1. Днепропетровск, 1968.

стического абстрагирования, позволяющей расщепить предложение и раздельно моделировать его формальную и семантическую стороны¹⁷. Выделение знака при этом может включать одну ступень: 1) выделение минимальной структурной схемы по конститутивным элементам, носителям предикации, или две: 2) с ее последующим расширением до номинативно достаточной¹⁸. Значение предложения определяется действием трех факторов: 1) грамматическим значением предикативного минимума; 2) грамматическим значением номинативного минимума; 3) лексическим наполнением предложения¹⁹. Последователи этой концепции дают закрытый и очень ограниченный список моделей предложения.

Иная точка зрения на уровень лингвистического абстрагирования и принципы построения модели предложения представлена концепцией Г.А. Золотовой. Модель предложения в этой концепции ориентирована на содержание: модель предложения, или его предикативная основа, определяется "как минимально достаточное сочетание взаимообусловленных синтаксических форм, образующее коммуникативную единицу с определенным типовым значением"²⁰. "И типовое значение, и модель — синтаксические абстракции, являющиеся результатом обобщения структуры определенного множества предложений, наблюдаемых в употреблении, но взятых в существенном и типическом", — пишет она²¹. И далее: "...принципиально важно, несмотря на трудность подобной задачи, ориентироваться не на избранные схемы, а пытаться систематизировать подлинные, во всем их многообразии модели, которые служат коммуникативными единицами русского языка"²².

Коммуникативная установка исследователя определяет совместное моделирование им формы и содержания предложения. Автор стремится к комплексному выражению в модели грамматического и собственно лексического. Словоформа в ее лексико-грамматическом значении должна быть положена, по мысли Золотовой, в основу формализованной записи модели: "Единицами формализованной записи, более адекватной

¹⁶ Шведова Н.Ю. Синтаксис. Простое предложение. — В кн.: Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970; см. также: Белошанкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977; Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории. М., 1979; Москальская О.И. Проблемы системного описания синтаксиса. М., 1974.

¹⁷ См. ее полемическое высказывание в пользу такого расщепления: «(Внимание к семантической стороне предложения привело некоторых современных авторов к утверждению, будто бы семантика и есть грамматика. По мысли этих авторов, абстрактных образцов предложений не существует в природе, и предложение сразу складывается из "кусочков смысла" в соответствии с требованиями информации. Такие утверждения на практике означают отказ от тезиса об "асимметрическом дуализме языкового знака"» (Шведова Н.Ю. О соотношении грамматической и семантической структуры предложения. — В кн.: Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов (Варшава, август 1973 г.). Доклады советской делегации. М., "Наука", 1973, с. 483).

¹⁸ См.: Белошанкова В.А. Указ. соч., с. 116–117.

¹⁹ Там же, с. 120.

²⁰ Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., "Наука" 1973, с. 124.

²¹ Там же, с. 25.

²² Там же, с. 130.

структуре предложения, могли бы быть... не слова в их морфологической форме, а структурно-смысловые компоненты предложения в единстве их формы и значения, поскольку компоненты плана содержания и компоненты плана выражения в структуре предложения — одни и те же"²³. Такая запись, однако, затруднена формальным варьированием компонентов модели, и автор не пользуется ею.

Естественно, что эти теоретические разногласия в трактовке модели предложения безразличны для результатов применения формального и семантического критерия при переходе от речевой единицы — высказывания к языковой единице — предложению. Другая трудность состоит в том, что и теория предложения и теория высказывания рассматривают свои единицы в связи с ситуацией или актом речи. Между тем последние не получили еще в лингвистической литературе однозначной трактовки²⁴. И наконец, третья и, может быть, главная причина нерешенности этой проблемы заключается в том, что многочисленные попытки такого разграничения сводились к выбору одного из критериев²⁵: 1) грамматического, 2) смыслового, 3) функционального. Между тем ничто не противодействует их комплексному применению и совмещению кажущихся противоположными подходов. Конечно, учитывая перечисленные трудности, можно только очень общо привести разграничение коммуникативных сегментов на потенциальные предложения и собственно высказывания.

Применение формального критерия позволяет выявить характер связи высказывания с ситуацией²⁶, способы выражения им своего грамматического значения — предикации, наличие или отсутствие модели.

Речевые построения, имеющие структурную схему, выражающие свое грамматическое значение — предикацию — грамматически и интонационно и соотносящиеся с классом ситуаций (немотивированные конкретной ситуацией), согласно этому критерию могут быть интерпретированы как предложения. Им будут противопоставлены речевые построения, мотивированные конкретной ситуацией. Их актуализация предполагает только одно синтаксическое время и только одну модальность, выраженные интонационно (средствами заключительной каденции). Для таких высказываний невозможна модально-временная парадигма, они не поддаются моделированию. Это собственно высказывания (построения, структурно неизоморфные предложения, феномены речевого уровня).

Естественно предположить, что между этими крайними проявлениями

²³ Там же, с. 236.

²⁴ О необходимости изучения высказывания в связи с актом речи см.: Земская Е.А. Особенности русской разговорной речи и структура коммуникативного акта. — В кн.: Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов (Загреб — Люблина, сентябрь 1978 г.). Доклады советской делегации. М., Наука, 1978; Барнет В. К принципам строения высказываний в разговорной речи. — Bulletin ruského jazyka a literatury, Praha, 1974, XVIII; *Idem*. Komunikativní act a výpověď. — Slovo a slovenost, 1973, N 1; Texte gesprochenen deutschen Standardsprache, III. Alltagsgespräche. Max Hueber Verlag. München, 1975; Lehrgang Sprache. Einführung in die moderne Linguistik. Lieferung. 4. Beltz Verlag. Tübingen, 1974, S. 1027—1029.

²⁵ См. об этом: Торсуева И.Г. Интонация и смысл высказывания. М., 1979.

²⁶ Под ситуацией здесь понимается диалектически связанный комплекс условий коммуникации и реакции ее участников.

связи предложения и высказывания с ситуацией находится обширный класс речевых построений переходного типа. Это — высказывания, утрачивающие тесную связь с ситуацией, обретающие систему форм и способность служить моделью для построения себе подобных.

Применение смыслового критерия тесно связано с применением формального и направлено на снятие структурной омонимии. Так, могут быть отграничены предложения и высказывания, внешне совпадающие с ними, т.е. на первый взгляд воспроизводящие определенную модель. Выявление комплексного механизма (разных семиотических систем), участвующего в формировании смысла таких высказываний, проясняет степень их спаянности с ситуацией и, следовательно, формальное устройство.

И наконец, последний критерий — функциональный. Собственно говоря, его применение связано с корректировкой уже проведенного по другим основаниям разграничения описываемых единиц. Как справедливо полагает И.Г. Торсуева²⁷, необходимо различать собственно языковые (денотативную, коммуникативную, экспрессивную и т.д.) функции и функцию общения. Функция общения в отличие от языковых функций присуща только речи. По этому признаку к высказываниям следует отнести все речевые построения: 1) выполняющие фатическую функцию (формулы речевого этикета); 2) выявляющие место говорящего в ситуации речи (выражения согласия/несогласия, подтверждения/отрицания, выражения различных эмоций и т.д.); 3) осуществляющие воздействие на собеседника (призывы, обращения, общие вопросы и ответы и т.д.).

Все эти построения отличаются от предложений формальным устройством и степенью спаянности с ситуацией. По существу здесь следует говорить не о высокой степени спаянности этих речевых построений с ситуацией, а об их вхождении в формальный аппарат ситуации, что и находит свое подтверждение в их формальном устройстве и функциональной ориентации.

Подведем итог. Проблема выделения и интерпретации предложения и высказывания может быть решена последовательным применением следующих критериев: 1) фонетического — при выделении высказывания; 2) формального (грамматического), смыслового и функционального — при интерпретации коммуникативного сегмента (высказывания) в качестве предложения или собственно высказывания. Такое решение проблемы, конечно, не является окончательным. Это гипотеза. Но, как представляется, она важна для понимания принципов структурирования устной речи, устройства ее коммуникативных единиц и методики перехода от речевых единиц коммуникации к структурным единицам языка.

Применительно к устной научной речи постановка этой проблемы важна еще и потому, что она открывает путь к использованию объективных методов исследования этого феномена, способствует неаприорному представлению о составе его средств, их функционировании и системной организации. Это, в свою очередь, позволит определить степень самостоятельности устной научной речи как функциональной разновидности литературного языка, ее возможные границы, место в ряду других функциональных разновидностей и характер взаимодействия между ними.

²⁷ Торсуева И.Г. Указ. соч., с. 15.

Л.А. СТРОИТЕЛЕВА

КОМПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ НАУЧНО-ЭПИСТОЛЯРНОГО ЖАНРА XVII В.

Исследование проводилось на материале переписки английских ученых XVII в. Ф. Бэкона, И. Ньютона, Р. Бойля, Дж. Флемстида, Р. Бентли, Дж. Локка, Р. Гука, Г. Ольденбурга и др. Анализу было подвергнуто свыше тысячи писем ученых. Предметом исследования является так называемое научное письмо, которое, по определению Л. Ольшки, "выражает дух и цели новой республики ученых"¹. Сами ученые XVII в. свои письма, содержащие научную информацию, называли "learned letters"². Для XVII в., и особенно для первой его половины, когда не было еще ни одного периодического научного издания, переписка между учеными служила не только средством личного общения, но и становилась своеобразной формой обмена информацией.

Научное письмо появилось и сформировалось в результате социального заказа, т.е. для удовлетворения определенных социальных потребностей, и призвано было выполнять коммуникативную функцию передачи разнообразной научной информации. Перед учеными XVII в. стояло много нерешенных проблем, и, следовательно, было много причин, побуждающих их браться за перо. В научном письме излагался ход экспериментальной работы, велась научная полемика, предлагались рабочие гипотезы, давались рецензии на опубликованные или готовящиеся к печати научные труды и т.д. Многие письма ученых едва ли можно назвать письмами, если опустить такие характерные элементы эпистолярного жанра, как обращение "Dear Sir", подпись "Your obedient Servant", дату и т.п. Научное письмо было рассчитано не только на конкретного адресата, но и на множество читателей-ученых³ и представляло собой научную статью, имеющую некоторые языковые особенности, характерные для эпистолярного жанра.

Период процветания научного письма начинается на рубеже XVI—XVII вв. (время больших дискуссий) и длится до основания первых журналов и выхода регулярных академических отчетов. Когда в 1665 г. появились "Journal des Savants" в Париже и "Philosophical Transactions" в Лондоне и за ними последовали Лейпцигские "Acta eruditorum", а в

¹ Ольшки Л. История научной литературы на новых языках, т. 2. М.—Л., 1934, с. 46.
² Newton to Oldenburg. — Philosophical Transactions, 1671/72, N 80, Feb. 19, p. 3087.

³ Есть немало прямых свидетельств тому, что эти письма постоянно переходили из рук в руки, тщательно сохранялись, переписывались, коллекционировались, служили предметом различных обсуждений и т.п.

Италии после ряда попыток, предпринятых еще в 1668 г., был основан "Giornale de'Letterati" (1710), ученые получили периодический печатный орган. Статья, доступная всем заинтересованным лицам, заняла место письма и приняла более объективную, менее личную форму, при сохранении некоторых особенностей, характерных для обеих литературных форм. Известный английский ученый-научковед А.Р. Холл справедливо отмечает, что "один из истоков современной научной статьи лежит в обмене научной корреспонденцией, которую можно проследить до конца 16 века"⁴.

Ряд советских исследователей-лингвистов, занимающихся вопросом развития и становления языка научной прозы⁵, указывает на то, что многие письма ученых XVII в. по существу представляли собой научные статьи⁶. Строки из письма Дж. Коллинза Генри Ольденбургу⁷ убеждают нас в этом. Письмо носит характер обзорной статьи. По мнению Коллинза, метод математических превращений, предложенный Г.В. Лейбницем, принципиально отличается от методов, предложенных И. Ньютоном, Дж. Грегори и Чирнаусом. Коллинз приводит ряд доказательств, подтверждающих его точку зрения. Кроме того, письмо Коллинза является ярким примером того, что научное письмо действительно передавалось из рук в руки, неоднократно перечитывалось и обсуждалось. В письме Коллинза слово letter (письмо), скорее, понимается как paper (статья):

Sir, be pleased to acquaint Mr. Tschirnhaus I have perused his *letter*, which was pleasant to me: and first he mentions the method of transformations M. Leibnitz is fallen into, which doubtless is one of the best accessions to the analytics that could be expected; and whereas he saith he did not see the same series in Mr. Newton's *letter*; that is true, but nevertheless his method is as well applicable to a sector of a circle as to a zone, arch, or segment. . .

Mr. Gregory in his *letters* asserting that by elevating any aquation he could take away its intermediate powers. M. Tschirnhaus is in doubt whether this assertion or method be not the same with another following, concerning the attaining the surd roots of all aquations: I answer not, and give the following narrative of the occasion of Mr. Gregory's *letters*. . . (Correspondence of scientific men of the 17-th century. Oxford, 1841, p. 211, 214).

⁴ Hall A.R. The scientific revolution 1500-1800. London - New York - Toronto, 1954, p. 203.

⁵ Разинкина Н.М. Развитие языка английской научной литературы (лингвостилистическое исследование). М., "Наука", 1978.

⁶ Швецова О.А. Становление жанра статьи в английской научной литературе. - В кн.: Язык и стиль научной литературы. М., "Наука", 1977.

⁷ Генри Ольденбург (1626-1678) - первый секретарь Королевского научного общества (1663-1677). Образованнейший человек своего времени, он вел научную переписку более чем с 70 учеными. Г. Ольденбург начал публикацию "Philosophical Transactions" с первого номера и продолжил ее до 136 номера (июнь 1677). Джон Коллинз (1624/5-1683) - член Королевского общества, математик, издатель научной литературы. Дж. Коллинз вел широкую научную переписку со многими учеными. Его ценнейшая коллекция писем и рукописей издана в книге: Correspondence of Scientific Men of the 17-th Century. Oxford, 1841.

Задача настоящей статьи — исследовать композиционные особенности текстов научно-эпистолярного жанра и выявить ряд присущих научному письму лингвистических особенностей и характеристик. При исследовании композиционных особенностей научного письма акцент делается на структурном аспекте текста, а именно на формальном способе членения и соединения элементов текста, включая актуальное членение, средства выражения логических связей в тексте, структуру СФЕ, абзаца и др. Научно-эпистолярный жанр, получивший в XVII в. большое распространение, указывает Н.М. Разинкина, "сыграл немалую роль в становлении композиционного строя научных текстов"⁸.

В специальной литературе существуют различные точки зрения на понятие композиции текста. Термин "композиция" не имеет однозначного толкования. Под композицией иногда понимают внешнюю организацию произведения (деление на главы, части, явления, акты, строфы и т.п.); иногда ее рассматривают как структуру художественного содержания, как его внутреннюю основу — "внутренняя композиция". Однако основная содержательность композиции воплощается не в отдельных элементах, но в их взаимодействии. "Композиция есть сложное, пронизанное многосторонними связями, е д и н с т в о компонентов, созданное в процессе творчества . . ."⁹

Композиционные системы и приемы изменяются вместе с изменением исторических условий, но наряду с этим композиция характеризуется и рядом устойчивых принципов. Это принципы композиционной целостности и единства произведения, принципы подчинения второстепенного главному и т.д.

Композиция научного письма обуславливается взаимодействием следующих трех компонентов:

1. Внутренняя структура (содержательный аспект), представляющая собой предметно-логическую организацию сообщения, например логическое следование таких частей письма, как постановка проблемы, теоретическое и экспериментальное доказательство и заключение.

2. Внешняя структура (формальный аспект), т.е. архитектурное деление текста на такие единицы, как СФЕ, абзац и др.

3. Форма изложения материала (содержательно-формальный аспект, т.е. языковые средства, используемые автором для изложения научного материала) объясняется использованием трех типов рассуждения в научно-эпистолярном жанре XVII в.¹⁰:

а) рассуждение, связанное с личной манерой изложения, при широком использовании авторского "я";

б) рассуждение, написанное целиком в неличной манере изложения и имеющее характер научной статьи;

в) промежуточный случай, когда автор письма свободно переходит от личной к неличной манере изложения.

Рассмотрим внутреннюю и внешнюю структуры.

⁸ Разинкина Н.М. Указ. соч., с. 73.

⁹ Краткая литературная энциклопедия, т. 3. М., "Сов. энциклопедия", 1966, стб. 695.

¹⁰ Разинкина Н.М. Указ. соч., с. 77.

Внутренняя структура

Выражением внутренней структуры научного письма является его предметно-логическая организация. Для научного стиля (научно-эпистолярный жанр является его разновидностью) характерна логичность высказывания. Под логичностью мы понимаем последовательность изложения, непротиворечивость, а также ясное отграничение главного от второстепенного. Научное письмо XVII в. отличается строгой логичностью построения. В тексте письма четко прослеживаются следующие части: причины, побудившие автора написать письмо, постановка той или иной проблемы, теоретические доказательства, описание эксперимента. Изложение принимает такую форму, которая дает адресату достаточное количество иллюстраций, фактов и обобщений, подводит его к соответствующим выводам. Приведенный ниже отрывок из письма И. Ньютона Г. Ольденбургу служит примером такой предметно-логической организации высказывания:

St

Not having tryed many proportions of the Arsenick and Metall I am not assured wch is absolutely best, but there may conveniently be used any quantity of Arsenick, equalling in weight between a sixt and eight part of ye Copper. A great proportion makes the metall brittle.

The way wch I used it is this. I first melted the Copper alone, then put in ye Arsenick, which being melted I stirred them a little together, bewareing in the meane time that I drew not in breath neare the pernicious fumes. After that I put in the Tin and again, so soon as that was melted wch was very suddenly, I stirred them well together, and immediately powered them of (The Correspondence of Isaac Newton, vol. 1. Cambridge, 1959, p. 84).

Ньютон прежде всего выделяет главную мысль письма, а именно: четко определяет количество добавок мышьяка (... between a sixt and eight part of ye Copper) в сплаве меди. Все мысли автора подчинены этой главной идее, послужившей причиной написания письма. При описании опыта (определившего количество добавок) автор письма четко выделяет логические связи — целевые и причинно-следственные. Эти связи отражают последовательный ход изложения научной мысли, когда каждое последующее предложение развивает предшествующее, как бы вытекает из него, образуя цепные связи. При этом Ньютон не переходит резко с одного предмета на другой, не "предупредив" тем или иным способом своего адресата. Так, переход от той части письма, в которой Ньютон определяет количество добавок, к описанию эксперимента осуществляется при помощи связующего предложения (The way wch I used it is this), которое определяет отношения между двумя мыслями автора, объединяя их в логическое построение.

Для приведенных примеров характерна личная манера изложения с широким использованием авторского "я". Письмо облекается в форму простых предложений или в форму сложных предложений с четко выраженными средствами сочинения и подчинения (употребление союзов и союзных слов and, which, then, but, after that и т.п.), что придает изложению строгую логическую последовательность. Отбор лексики подчиня-

ется основной задаче — адекватно передать особенности изучаемого явления. Используемые слова реализуют в тексте письма основное (ведущее) предметно-логическое значение. Необходимо попутно заметить, что для научного стиля вообще характерным является использование слов в основных предметно-логических значениях. В этом стиле слова редко используются в переносных и других контекстуальных значениях.

Хотя в исследуемый период в композиционном отношении научное письмо не выявляет черт, присущих современной научной статье с ее четким композиционным построением, включая такие части, как "Введение" (Introduction), "Материалы и методы" (Materials and Methods), "Результаты" (Results), "Обсуждение" (Discussion), "Заключение" (Conclusion), "Благодарность" (Acknowledgement) и др. Однако более внимательное изучение дает основание выделить вступительную часть, которая или содержит ссылки на предшествующие исследования в данной области, или излагает план предстоящего научного сообщения, или представляет собой непосредственное начало сообщения, например:

Sir

Mr Barrow shewed mee some of your papers in wch I was much pleased at Monsieur Cassinis invention for finding ye Apogea and excentricity of ye Planets (Newton to Collins. — The Correspondence of Isaac Newton, vol. 1, p. 23).

Sir

To perform my late promise to you, I shall without further ceremony acquaint you, that in the beginning of the year 1666 at which time I applyed my self to the grinding of Optick glasses of other figures than spherical I procured me a Triangular glass-prisme to try there with the celebrated Phaenomena of Colours (The Correspondence of Isaac Newton, vol. 1, p. 161).

Нередко письмо начинается со слов благодарности за ту или иную услугу. Как правило, вступительная часть начинается с обращения и повествование ведется от 1-го лица:

Sir

I thank Mr. Flamsteed for his kind mention of me in his letters to Mr. Crompton, and as I commend his wisdom in differing to publish his hypothetical notions till they have been well considered both his friends and himself. . . (Newton to Crompton for Flamsteed. — The Correspondence of Issac Newton, vol. 2. Cambridge, 1960, p. 340).

Иногда слова благодарности выносятся в P.S.:

P.S. I thank you for your kind proffer of these last "Transactions". But my Carrier was immediately gone towards London before the receipt of your letter (Newton to Oldenburg. — The Correspondence of Isaac Newton, vol.1, p. 139).

Несколько труднее выделить в научном письме заключительную часть. Порой только общее содержание последнего абзаца или употребление глагола to conclude дают основание выделить заключительную часть письма, хотя она и не озаглавлена словом Conclusion:

So far this Learned and very Ingenious Letter which having being by that Illustrious company before whom it was read with much applause

committed to the consideration of some of their Fellows. . . (Newton to Oldenburg. — "Philosophical Transactions", 1671/72 N 80, p. 3087).

To conclude I am not without hope that your Majesty, managing this Business, according to your great Wisdom (into which I acknowledged my self. . .) will make profit of this accident, as a Thing of God's sending (Bacon to the King, Feb. 21, 1615, Letters of Sr Francis Bacon).

Внешняя структура

В данной работе мы придерживаемся той точки зрения, что единицей текста научной прозы является абзац, а в научной статье, как отмечают некоторые исследователи, "вполне регулярной единицей членения речи является СФЕ, равное абзацу"¹¹.

В таком небольшом по объему тексте, каким является научное письмо, именно абзац есть средство композиционной организации высказывания, выражением его внешней структуры. Абзац представляет собой подобие главы, параграфа, обозримого отрезка повествования, который тесно связан с соседними абзацами единством содержания, логикой повествования, ходом рассуждения. Точно так же как и раздел, глава, параграф и т.д., абзац является сигналом начала новой темы, на которую следует обратить внимание. При этом абзац может быть определен как часть крупного речевого произведения в его письменном варианте, как интегрирующая часть текста.

В исследовании абзаца как единицы текста научно-эпистолярного жанра можно выделить два аспекта: внешний и внутренний. Под внешним аспектом понимается рассмотрение абзаца в единстве более высокого порядка: текста, сверхабзаца. Сверхабзац (СА) представляет собой реализацию СФЕ, состоящего из нескольких абзацев, связанных единством темы. Под внутренним аспектом абзаца понимается целостность структуры, создаваемая соотносительностью отдельных предложений — компонентов абзаца — с основным стержневым предложением, а также языковые средства выражения связности абзаца.

Говоря о связности научного текста, нельзя не заметить, что она выражается в основном эксплицитно¹². Каждый абзац в научном тексте представляет собой законченную единицу высказывания, в каждом можно выделить основную мысль. Принципы логического построения абзацев находят в научном тексте свое максимально четкое осуществление. На строгое деление научной прозы на абзацы указывает И.Р. Гальперин¹³.

В научно-эпистолярном жанре как разновидности научной прозы эта четкость и строгость деления текста на абзацы осуществляется с помощью следующих средств:

¹¹ Серкова Н.И. Членение текста на сверхфразовом уровне. — ВЯ, 1978, № 3; см. также: Дубовик О.К. Некоторые структурно-семантические особенности английских научно-технических текстов. Автореф. канд. дис. М., 1978.

¹² См.: Скибо В.Н. О контактности предложений в английской научной прозе. — Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М. Горького, 1973, вып. 73.

¹³ Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М., 1958.

а) выделение каждого абзаца или СА, имеющих свою микротему, с помощью нумерации цифровой – 1, 2, 3 и т.д. или буквенной – а, б, с и т.д.;

б) употребление вводных слов (first, firstly, second, secondly и т.д.), указывающих на порядок изложения идей, фактов, положений и т.д.;

в) сочетание существительного с порядковым числительным (the first experiment, the second experiment и т.д.) или сочетание существительного с порядковым числительным и притяжательным местоимением (your first objection, your second objection и т.д.);

г) сочетание существительного со словами another, next, last, further (another experiment, the last experiment и т.д.). Такой способ представляет собой скрытую нумерацию и также способствует четкому и строгому делению текста;

д) графические средства выделения. При делении текста на абзацы границы каждого абзаца маркируются при помощи элементов его внешней структуры, а именно при помощи графических средств (красная строка, отступ);

е) все виды лексических повторов;

ж) синтаксический параллелизм. Синтаксический параллелизм способствует внесению четкой логической организации в высказывание. Синтаксически параллельно организованные структуры предложений в абзацах способны организовать весь текст в целом. При этом такие структуры являются смысловым центром, т.е. выражают основную мысль абзаца¹⁴: The second Experiment I made in Water; The next Experiment I made in un-compounded Colours. . . ; Another Experiment I made in order to some further discovery. . . ;

з) употребление повторяющихся союзов и союзных слов (наречий) в начале абзацев. Абзацы при этом тесно связаны в цепи логически последовательного повествования в едином тексте, представляющем собой рассуждение-описание:

Then I suspected, whether by any unevenness in the glass or other contingent irregularity, these colours might be thus dilated. And to try this, I took another Prisme like the former. . .

I then proceeded to examin more critically what might be effected by the difference of the incidence of Rays, coming from divers parts of the sun, and to that end, measured the several lines and angles belonging to the Image. . .

Having made these observations, I first computed from them the refractive power of that glass, and found it 20 to 31. And then, be that ratio, I computed the Refractions of two Rays. . .

Then I began to suspect, whether the Rays. . . (Newton to Oldenburg. – "Philosophical Transactions", 1671/72, N 80, p. 3076–3078).

Все указанные выше средства связи (нумерация, графические средства, повторы, синтаксический параллелизм и т.д.) рассматриваются как сово-

¹⁴ О синтаксическом параллелизме в английских научных текстах см.: *Разинкина Н.М.* Об одном из способов синтаксической организации научной прозы (стилистический прием параллелизма). – В кн.: *Лингвистика и методика преподавания иностранных языков.* М., "Наука", 1976.

купность средств, служащих как для ограничения абзацев, так и для их сцепления.

Остановимся подробнее на структурном построении (взятого с некоторыми сокращениями) письма Антони Лукаса¹⁵ Генри Ольденбургу, касающегося проведения Лукасом ряда экспериментов по новой теории Ньютона, и проследим, как сочлениются в этом письме абзацы и какими средствами эта связь реализуется¹⁶:

Honrd Sir,

0. Mr. Gascoigne having received your obliging Letter of Jan. 18, with fresh directions from Mr. Newton; but wanting convenience to make the Experiment according to the said instructions, he has requested me to supply his want. In compliance with his request I have made many Trials; the issue whereof I here acquaint you with: next, with some exceptions, grounded on Experiments, against Mr. Newton's new Theory of Light and Colours. The Experiments I pitched upon for this purpose, are as follow:

1. Having frequently observed, that the form of Objects viewed in the Microscope consists almost in an indivisible point, I concluded, two very small pieces of Silk, the one scarlet, the other violet colour, placed near together, should, according to Mr. Newton's Theory, appear in the Microscope in a very different degree of clarity, in regard their unequal refrangibility must cause the scarlet rays or species to overreach the due focus of the violet ones, and consequently must occasion a sensible confusion in the vision of the former, and one the same point of the Scarlet object affecting several nerves in the Retina. Yet upon frequent trials I have not been able to perceive any inequality in this point.

2. The second Experiment I made in Water. I took a brass Ruler, and fastening thereunto several pieces of Silk, red, yellow, green, blew and violet, I placed it at the bottom of a square vessel of water: then I retired from the Vessel so far as not to be able to see the aforesaid Ruler and coloured Silks otherwise than by help of the refracted Ray. Now, did Mr. Newton's doctrine hold, I conceived, I should not see all the mentioned Colours in a streight line with the Ruler, in regard the unequal refrangibility of different Rays must needs displace some more than others. Yet in effect, upon many Trials, I constantly found them in as streight a line as the bare Ruler had appeared in.

3. To advance this Experiment, I adjoined a second refraction to the former of the Water, by placing my Prism so as to receive perpendicularly the refracted species of the Silk and Ruler; whereby only the emergent species suffered a second refraction. But still with equal success, as to their appearing in a straight line, to the eye placed behind the Prism.

4. To these two Refractions I further added a third, by receiving the coloured species obliquely upon the Prism; whereby both incident and

¹⁵ Антони Лукас (1633–1693) – иезуит, профессор теологии, ректор Английского колледжа в Риме (1687).

¹⁶ Мы сохраняем нумерацию абзацев, предложенную автором письма. Исключения составляют вводимые нами нулевой и девятый абзацы.

emergent species suffered their respective refractions. But still with the same success as formerly, as to the streight line they appeared in.

5. The next Experiment I made in uncompounded Colours (as Mr. Newton terms them) as follows. Having cast two coloured Images upon the Wall. . .

6. Another Experiment I made in order to some further discovery of that surprizing Phaenomena of the coloured Image, which occasioned Mr. Newton's ingenious Theory of Light and Colours, as also his excellent invention of the reflecting Telescope and Microscope.

7. The next Experiment was made in order to Mr. Newton's doctrine of Primary Colours, as Prop. 5. Having covered the Hole in the Window-shuts with a thin slice of Ivory, the transmitted light appeared yellow; but upon adding three, four, and more slices, it became red. Whence it seems to follow, that yellowness of light is not a primary colour, but a compound of Red, etc.

8. The last Experiment was made to Mr. Newton's 12 Prop. where from his own principles he renders a very plausible Reason of a surprizing Phaenomenon, related by Mr. Hooke; namely . . .

9. These Experimental Exceptions will not, I hope, be unwelcome to Mr. Newton, his only aim being the improvement of Natural knowledge, as it is also of,

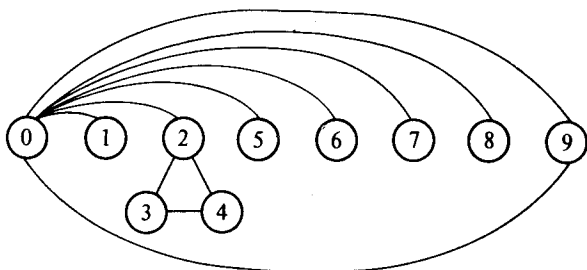
Sir,
Your humble Servant,
Anthony Lucas

(Isaac Newton Papers and Letters of a Natural Philosophy and related documents. Cambridge, 1958, p. 163–168).

Письмо состоит из десяти абзацев. Обращаясь к Г. Ольденбургу, А. Лукас сообщает, что провел ряд экспериментов по новой ньютоновской теории с учетом последних указаний Ньютона, и в данном письме он описывает ряд экспериментов, не получивших ранее научного освещения. Это нулевой абзац. Он значительно отличается от остального повествования. Это абзац-постулат. Общим признаком таких абзацев является наличие обобщающего компонента, раскрывающегося в последующих абзацах. В данном примере таким обобщающим компонентом является предложение: The Experiments I pitched upon for this purpose, are as follow. Затем следуют абзацы-темы; последний абзац-тезис подводит итог сказанному. Такая структура характерна для различного рода описаний. С одной стороны, абзацы-темы имеют параллельное построение (т.е. между ними существуют отношения соположения) и выделяются соответствующей нумерацией (1, 2, 5, 6, 7, 8), а с другой – все они раскрывают так называемый обобщающий компонент письма, выдвинутый в абзаце-постулате, таким образом реализуя в тексте письма лучевую связь (см. схему) абзацев (компонентов текста). При этом 1, 2, 5, 6, 7, 8-й абзацы, представляющие собой описание очередного эксперимента, как указывалось выше, являют собой некоторое подобие главы, параграфа, законченного отрезка повествования. Абзацы такого типа достаточно автосемантически, т.е. способны давать довольно полную информацию и менее зависимы друг от друга.

От 2-го абзаца тоже расходятся связи к 3-му и 4-му абзацам, а 3-й и 4-й соединены цепной связью; следовательно, 2, 3 и 4-й абзацы образуют замкнутое единство – сверхабзац, представляющий собой реализацию СФЕ в виде трех абзацев, связанных единством микротемы (описание второго эксперимента); абзацы в этом СА синсемантически, т.е. зависят друг от друга, хотя сам СА относительно автосемантичен в ряду других абзацев-тем. Абзац-постулат и абзац-тезис в единстве структуры всего текста синсемантически, т.е. зависят от остального повествования, они образуют своеобразную рамку, внутри которой располагаются поясняющие абзацы-темы.

Таким образом, мы видим, что научное письмо XVII в. обладало определенной структурой, способствующей связности текста, логичности и по-

следовательности изложения. Проследим, каким образом осуществляется связь между абзацами:

1. Выделение абзаца-темы соответствующей нумерацией (1–8). 3-й и 4-й абзацы хотя и не являются абзацами-темами (они входят в СА), тем не менее выделены автором письма соответствующими цифрами. Эти абзацы представляют собой описание отдельных испытаний, проведенных с целью уточнения и расширения данных, полученных во втором эксперименте. Эти данные также требуют пристального внимания.

2. Широкое применение ключевых слов. Под ключевыми словами мы понимаем слова-”темы”, повторение которых в тексте способствует связности текста, объединению его в единое целое. В тексте письма такими словами-”темами” являются слова Experiment, Mr. Newton’s Theory (doctrine, assertion), которые используются в каждом абзаце один или два раза.

3. Синтаксический параллелизм. Этот прием в тексте научного письма указывает на равнозначность частей высказывания (абзацев), подчеркивая логику мысли: The second Experiment I made . . . The next Experiment I made in . . . Another Experiment I made in . . . The next Experiment was made in . . . The last Experiment was made in . . . Нередко синтаксический параллелизм сопровождается лексическим повтором, отчего связь между соседними абзацами становится теснее, а изложение непрерывнее (2-й и 4-й примеры).

4. Употребление ключевого слова (существительного Experiment) в абзаце-теме с порядковым числительным second и со словами the next, another, the last. . . Такой прием, напоминающий скрытую нумерацию,

употребляется автором наряду с явной нумерацией для достижения четкости изложения и способствует ясности понимания.

На уровне СА наблюдаются те же средства связи между абзацами, что и на уровне текста. Это — нумерация абзацев (2, 3, 4), употребление ключевого слова *Experiment*, однокорневых слов *refract, refracted, Refraction, refrangibility*. Употребление указательного местоимения *this* в сочетании с ключевым словом *Experiment* вносит дополнительный элемент уточнения предыдущего высказывания. *This Experiment* как бы замещает смысл предшествующего, выраженного целым абзацем, являясь своеобразным средством связи — “скрепой” между абзацами. Кроме того, это сочетание слов переключает читателя на новое в абзаце. Употребление сочетания существительного *Refractions* с указательным местоимением *these* и количественным числительным *two* в 4-м абзаце обеспечивает его связь со 2-м и 3-м абзацами, указывая на то, что при проведении первого эксперимента использовалась одна рефракция (*one Refraction*), второго — две (*two Refractions*).

Спускаясь на более низкую ступень иерархической лестницы организации текста, проследим, каким образом осуществляется контактность предложений в научном письме и какими лингвистическими средствами она достигается. Для анализа используем отрывок из письма И. Ньютона А. Лукасу:

... To go over your Letters your first objection, that of ye Microscope, depends on these mistakes. 1-st you suppose ye focus or Image of a point of ye Object to be almost an indivisible point wch is not so: It's big enough to conteine ye foci of all sorts of rays, as any one may perceive ye observes how much ye distance of ye object from ye Glass may be altered without making ye object indistinct. Secondly you suppose ye colours of ye silks to be uncompounded wch are really as compounded as almost any in Nature. 3-dly you doe not consider how ye eye alters and fits it self to see distinctly ye Images of objects at several distances in your Glass as it does to see distinctly objects at several distances in the air (Newton to Lucas, The Correspondence of Isaac Newton. Cambridge, 1859—1861).

Основным моментом, создающим контактность предложений в научном письме XVII в., является прием нумерации. Так, вскрывая и перечисляя ошибки, допущенные Лукасом при проведении опытов, Ньютон использует вводные слова *1-st, secondly, 3-dly*, указывающие на порядок изложения фактов. Кроме того, такой прием подчеркивает связность и логичность высказывания; следует отметить, что при этом автор письма использует двойную нумерацию, используя сочетание существительного с порядковым числительным и притяжательным местоимением *your first objection, your second objection*, которые употребляются в разных абзацах и тем самым способствуют интеграции текста в целом, и употребление вводных слов типа *1-st, secondly, 3-dly* (на что указывалось выше).

Наряду с приемом нумерации автором письма использован и синтаксический параллелизм. Ряд параллельно организованных предложений представляет собой перечень аргументов. Логическая и смысловая целостность абзаца (СФЕ) определяется не только перечислением, но также

четко обозначенными отношениями причины и следствия, сопоставления и уточнения, например: 1-st you suppose ye focus or Image of a point of ye Object to be almost an indivisible point wch is not so: . . . secondly you suppose ye colours of ye silks to be uncompounded wch are really as compounded as almost any in Nature. При этом параллельные структуры являются смысловым центром, выражая основную мысль абзаца.

Употребление сочетания существительного mistakes (ошибки) с указательным местоимением these (эти) и числительным three (три) как бы выделяет главный в данном контексте предмет мысли — ошибки, просчеты, допущенные Лукасом во время проведения экспериментов. Ряд последующих предложений, раскрывая и поясняя эту главную мысль, создает чрезвычайно тесную спаянность предложений. Повторение ключевого слова object (предмет) также способствует связности абзаца, объединяя его в единое целое. Основным средством связи предложений, частей сложного предложения являются союзы и союзные слова. Это прежде всего причинные, сравнительные, условные союзы, что объясняется самим содержанием научного текста, обращенного к выявлению причинных взаимоотношений предметов и явлений (*так как, потому что*).

Итак, рассмотренный материал позволяет сделать следующий вывод: строгая логическая организация научного письма говорит об отсутствии случайности и стихийности его композиционной оформленности. При этом важно отметить, что композиция научного письма обуславливается взаимодействием ее внутренней структуры, представляющей собой предметно-логическую организацию высказывания, и внешней структуры, т.е. архитектурного деления текста научного письма на абзацы, представляющие собой самостоятельные сверхфразовые единицы, причем акцент делался на структурном аспекте текста, т.е. на формальном способе членения и соединения отрезков текста.

Э.П. НОВОСЕЛЕЦКАЯ

ОБ ЭВОЛЮЦИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВСТАВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В АНГЛИЙСКИХ НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ XVIII—XX ВВ.

Функционирование вставных конструкций (ВК) в процессе эволюции научной речи представляет интерес для изучения в связи с тем, что возникновение и развитие ВК (в рамках более широкой категории вводности) связаны с процессом совершенствования языка, отражающим развитие общественной мысли¹ и выразившимся (в данном случае) в стремлении преодолеть противоречие между многоплановостью мыслительной деятельности и ограниченностью языка как системы линейной².

Характеризуя эволюцию языка в целом, тенденция к совершенствованию определяет также и развитие его функциональных систем, в частно-

¹ См.: Самоварова Д.С. Развитие вводного предложения в английском языке. Канд. дис. Л., 1954, с. 32.

² Жученко Д.И. Интонационная организация вставных конструкций. Канд. дис. Киев, 1973, с. 175; Скробнев Ю.М. Стилистические функции вводных элементов в современном английском языке. Канд. дис. Благовещенск, 1955, с. 35—36.

сти научного стиля³. Исследования по эволюции научной речи⁴ выявляют в качестве основного направления развития научного стиля усиление его стилевой специфики. Как пишет М.Н. Кожина, "идет процесс концентрации средств выражения по пути кристаллизации, чистоты выражения специфически стилового в научной речи"⁵.

В данной статье предпринимается попытка выявить некоторые особенности функционирования ВК в английских научных текстах XVIII–XX вв. и определить, в какой степени эти особенности связаны с процессом кристаллизации научного стиля английского языка⁶.

За основу выделения ВК был взят пунктуационный критерий: наличие скобок и двойных тире. Такой подход оказался возможным благодаря тому, что, по свидетельству авторов работ по английской пунктуации⁷, этим знакам по всем указанным ниже периодам присуща функциональная общность – скобки и двойные тире: а) выражают синтаксическую изолированность ВК в тексте; б) вычленяют информацию, имеющую вторичный, подчиненный характер по отношению к основной, включающей части высказывания.

Материал исследовался по трем условно выделенным временным средам: I – вторая половина XVIII в.; II – вторая половина XIX в.; III – 60–70-е годы XX в. Анализ подвергались труды английских ученых по четырем отраслям науки – лингвистике, философии, физике и химии. По XIX и XX вв. анализировались монографии и статьи (представленные в равном объеме), по XVIII в. – помимо этих жанров также эссе (essay), трактат (treatise), лекция (lecture), диссертация (dissertation). В работе применялся количественно-качественный метод исследования. Общий объем исследованного материала – 60 000 предложений (отрезков текста от точки до точки) по 20 000 на каждый из исследуемых периодов.

³ См.: *Будагов Р.А.* Что такое развитие и совершенствование языка. М., "Наука", 1977 (гл. IV).

⁴ См.: *Кожина М.Н.* О понимании научного стиля и его эволюции в период научно-технического прогресса. – В кн.: *Научно-техническая революция и функционирование языков мира.* М., "Наука", 1977; *Она же.* К вопросу об эволюции стиля научной прозы в период научно-технической революции. – В кн.: *Функциональные стили речи в синхронном и диахроническом аспектах.* Пермь, 1978; *Разинкина Н.М.* Развитие языка английской научной литературы (лингвостилистическое исследование). М., "Наука", 1978; *Швецова О.А.* Угасание эмоционально-оценочных элементов как фактор ригоризации научного стиля речи (на материале английской научной речи). – В кн.: *Стиль научной речи.* М., "Наука", 1978.

⁵ *Кожина М.Н.* О понимании научного стиля. . . , с. 196.

⁶ Актуальность выдвинутых в статье задач акцентируется тем, что среди многочисленных работ, посвященных изучению ВК, нет диахронических исследований в аспекте функциональной стилистики.

⁷ *Faulkner C.W.* Writing good sentences. A functional approach to sentence structure, grammar and punctuation. New York, 1957, p. 65, 279; *Fowler H.W., Fowler F.G.* The King's English. Oxford, At the Clarendon Press, 1940, p. 279; *Lowth R.* A short introduction to English grammar. London, 1775, p. 207; *Murray L.* English grammar adapted to the different classes of learners with an appendix. London, 1853, p. 269; *Smith K., Steele L.G.* Proper punctuation. Garden City–New York, 1962, p. 181; *Wilson J.* Treatise on English punctuation. Boston, 1856, p. 168–170, 186.

В результате анализа материала был выявлен корпус функционально-семантических типов ВК⁸. Под функционально-семантическим типом ВК мы понимаем отношение между значением ВК как элемента вторичного плана высказывания⁹ (а следовательно, и текста) и значением той единицы основного плана текста, которой ВК подчинена, с которой она связана. Предметом рассмотрения в данной статье явились те функционально-семантические типы ВК, количественные показатели которых претерпевают изменение в ходе эволюции стиля, а именно ВК, использующиеся для выражения ссылочности, идентификации, характеристики, вариативности, дублетности, экземплификации, логической акцентуации и интенсификации, авторского "я", развивающей (дополнительной) информации, ракурса (угла зрения)¹⁰.

Отметим прежде всего, что состав значений ВК¹¹ не изменился в течение XVIII–XX вв. Количественные показатели свидетельствуют о явно выраженной тенденции к увеличению общего числа ВК в каждом последующем периоде сравнительно с предыдущим: в выборке из текстов XVIII в. – 952, XIX в. – 2192, XX в. – 4661. Картина эволюции функционирования ВК четче вырисовывается при сопоставлении по периодам количественных характеристик отдельных функционально-семантических типов ВК.

Особенностью употребления ВК является неравномерность количественных изменений одних значений ВК по сравнению с другими в ходе эволюции стиля, в результате чего происходит перераспределение значимости отдельных функционально-семантических типов в системе значений ВК каждого периода. В связи с отмеченной тенденцией представляется интересным сопоставить по периодам распределение функционально-семан-

⁸ Существуют различные функционально-семантические классификации ВК. См., например: *Седун Е.П.* Синтаксис вводных образований в современном русском языке. Канд. дис. М., 1955; *Шапиро А.Б.* Основы русской пунктуации. М., Изд-во АН СССР, 1955; *Шеболева И.И.* Общая характеристика вставочных конструкций в современном русском литературном языке. – Учен. зап. Ростовского гос. пед. ин-та, Ростов н/Д., 1955, вып. 4/141; *Котляр Т.Р.* Вставочные конструкции в современном английском языке. Канд. дис. М., 1962; *Ташалиев И.* Вставочные конструкции в современном узбекском литературном языке. Автореф. канд. дис. Ташкент, 1972; *Долгова О.В.* Формы и функции парентетических внесений в английской научной прозе. Канд. дис. М., 1976. Однако для целей нашего исследования возникла необходимость осуществить новую попытку описания функционально-семантических характеристик ВК в рамках определенной функционально-стилистической системы. С помощью предлагаемой системы значений нам удалось выявить некоторые тенденции эволюции функционирования ВК в английских научных текстах XVIII–XX вв., хотя полученные результаты имеют предварительный характер.

⁹ См.: *Жученко Д.И.* Указ. соч., с. 175; *Кобрин Н.А.* Предложение со вставной предикативной единицей в современном английском языке. Докт. дис. Л., 1975, с. 63.

¹⁰ В связи с трудностями, возникшими при наименовании некоторых функционально-семантических типов ВК, обращаем внимание на условный характер терминов, используемых в работе.

¹¹ Здесь и далее термины "значение ВК" и "функционально-семантический тип ВК" употребляются как синонимы.

тических типов ВК в зависимости от частоты употребления каждого из них в системе значений каждого периода.

Среди функционально-семантических типов ВК выделяются три наиболее репрезентативных в количественном отношении и характеризующихся одинаковой последовательностью употребительности внутри каждого из анализируемых временных срезов: ВК со значениями ссылки, характеристики и идентификации.

Под ссылкой нами понимаются ВК, указывающие на предыдущую или последующую часть текста, источник информации, структурные (невербальные) компоненты текста в виде графиков, чертежей и т.п., например: The Abbé Nollet's machine (Plate IV, fig. 2) resembles the greatest number of the electrical machines that were used about the time that the Leyden phial was discovered (Priestley I, p. 2); The whole must be lined with a proper lute (to be described afterwards) to the thickness of two inches (Black, p. 323).

ВК со значением характеристики предполагают качественные и количественные характеристики веществ, предметов и явлений, анализируемых в научных текстах, например: Or, to put it in a transcendental form, he holds that the experience of (objective) events is only possible if we presuppose the law of causation (Mind, p. 500); . . . the cavity of the long tube was filled up with cold tallow and the screw that closed up its end (which was $\frac{1}{2}$ inch long, and but a little more than $\frac{1}{10}$ of an inch in diameter) was pressed down against its leather collar with the utmost force (Rumford, vol. IV, p. 402); Carbon monoxide was passed through a solution of complex (II) (0.3 g) in benzene (50 ml) during 7 h. (Dalton Tr., p. 1079).

ВК идентификации поясняют значения тех элементов высказывания, которые в пределах данной ситуации общения могут, по мнению автора, затруднить понимание текста читателем. Как правило, это касается иностранных слов, символов неязыковых знаковых систем (например, химических формул, математических индексов, фонетической транскрипции), новых терминов, окказиональных выражений и т.п.: By opposing the two cues of what they call disjuncture (i.e. the separation of syllable centres) and intensity they established to their satisfaction that the information from intensity was irrelevant. . . (Tr. Phil. Soc., p. 116); Usually, codes with a very limited capacity. . . have a discrete use of signs — that is, one sign can easily be separated from the other or another — and therefore they need no or very few rules for their use (Darbyshire, p. 8); For the nitrido-complexes, PR_2PH ($R = Me, Et, Pr^n$; or Bu^n) always yield six co-ordinate complexes. . . (Dalton Tr., p. 1077).

По всем трем периодам в научных текстах наиболее распространенным видом ВК является ссылка (в выборке из текстов XVIII в. — 198 из 952 ВК в целом, XIX в. — 623 из 2192, XX в. — 1712 из 4661), далее следуют ВК со значением характеристики (XVIII в. — 144 из 952, XIX в. — 292 из 2192, XX в. — 981 из 4661) и ВК со значением идентификации (XVIII в. — 112 из 952, XIX в. — 260 из 2192, XX в. — 554 из 4661). Как следует из приведенных выше цифровых данных, в процессе эволюции

стиля происходит интенсивный рост количества этих функционально-семантических типов ВК, в результате чего выявляется их всевозрастающая значимость на фоне общего массива ВК. Так, в XVIII в. ВК рассматриваемых функционально-семантических типов составляют 47,6% общего количества ВК, в XIX в. — 53,6%, в XX в. — 69,1%. Таким образом, в XX в. ВК со значениями ссылки, характеристики и идентификации формируют основной фонд функционально-семантических типов ВК в научных текстах.

Рассмотрим, как в ходе эволюции научного стиля изменяется соотношение количественных показателей других функционально-семантических типов ВК в системе значений каждого периода.

В научных текстах XVIII в. за приведенными выше функционально-семантическими типами ссылки характеристики и идентификации следуют ВК со значением авторского "я", к которым мы относим оценочные, интимизирующие и тому подобные ВК (8,3% общего количества ВК), например: *Mild fixed vegetable alkali (which at first surprised me much) caused no precipitation. . . (Higgins, p. 302); I have used it above six months (how much I leave the reader to imagine) without seeing the least reason to make any alteration of consequence in it. . . (Priestley I, p. 112); Quicksilver, therefore, has less capacity for the matter of heat than water (if I may be allowed to use this expression) has. . . (Black, p. 81).*

Менее употребительными являются значения:

1) экземплификации (4,4% общего количества ВК), например: *On the same principles we may, I think, account in a satisfactory manner for the preservation of several kinds of fruit — such as apples and pears, for instance — which are known to support without freezing a degree of cold which would soon reduce an equal volume of pure water to a solid mass of ice (Rumford, vol. I, p. 146); If the plate of glass be covered with a slip of writing-paper, painted with lampblack and oil, or with a slip of oiled silk (such as frequently used for garments) the charge passes over these substances without leaving the smallest trace on either of them . . . (Ph. Tr., 67, p. 91);*

2) дополнительной (развивающей) информации (3,8% общего количества ВК), например: *By means of the sparingly inflected language alone. . . can the fundamental principle of universal grammar (and the nature of language in general) including the relation and correspondency between the nature of the signs capable of being employed for the expression of them, have been developed with that clearness of which they are susceptible (Bentham, p. 342); At one time, when the wire was not melted, but turned blue by the explosion (in which case it generally assumes a dusky red, which lasts but for a moment) there was a small dispersion from part of the wire. . . (Priestley, II, p. 338);*

3) логической акцентуации и интенсификации (3,7%), например: *Low and thick fogs (especially when as they rise the air above them is free from moisture) carry up to the exploring wire an electricity which will give small sparks repeatedly. . . (Adams, p. 431); Thus it is, that, in respect of the complexity — this constant and unavoidable complexity, — the express-*

ion of the mode of being of the intellectual department agrees with the expression of the volitional department of a speaker's mind (Bentham, p. 321);

4) авторского угла зрения, ракурса, в котором рассматривается содержание высказывания, включающего ВК (3,6%), например: The plane of the pulley, however, is not directed to the middle of the upright axis, but a little on one side, so as to point (at a mean) between the surface of the bigger barrel and the less (Ph. Tr. 66, p. 460); Here it appears that the three weights or forces A, B and E, any two of which (by the construction) to each other inversely as their distances from the third, will sustain each other. . . (Ph. Tr. 53, p. 114);

5) сопутствующих обстоятельств (3,2%), например: If I hold the bottle by the coating, and present the knob to the prime conductor, charging it positively (the bottle being in a proper state) a small spark of light first appears upon the edge of the cork in the neck of the bottle. . . (Ph. Tr. 67, p. 104); They are made with the most simple apparatus, and in the most simple manner more being requisite for the purpose than a few sticks of sealing-wax (one of them being reserved as a test) to the ends of which the substances to be examined are to be fixed or tied as occasion may require. . . (Ph. Tr. 67, p. 118).

В XIX в. количественное соотношение функционально-семантических типов ВК (за исключением первых трех, рассмотренных выше) изменяется: большой удельный вес приобретает значение дублетности (7,1% общего количества ВК)¹², т.е. выражение одного и того же явления в разных системах обозначений (при этом от значения идентификации, выступающего в пояснительной функции, дублетность отличается объективирующей функцией), например: This colossal iceplank, 1398 feet long and 22,600 feet thick (or deep), I will then suppose to be laid down in an uniform rectangular channel at a slope of $4^{\circ}52'$ . . . (Phil. Mag., p. 43); . . . a solution containing both cupric sulphate (CuSO_4) and ferrous sulphate (FeSO_4). . . (Bailey, p. 21); . . . 2 grains in 1,000 septems ($1/10$ th of a gallon) of water (J. Chem. Soc., p. 67).

Далее можно назвать функционально-семантические типы авторского "я" (4,4%), экземплификации (4,2%), логической акцентуации и интенсификации (4%), авторского угла зрения (3,7%).

Несколько реже употребляются ВК со значениями дополнительной (развивающей) информации (2,6%) и выбора (вариативности) (2,1%), например: . . . it is natural to prefer giving to a new object a name which at least expresses its resemblance (or contrast) to something already known. . . (Farrar, p. 253); In such cases we have no nitrates (or next to none) to contend with. . . (J. Chem. Soc., p. 50).

В XX в. происходит новая перегруппировка значений ВК: выдвигаются по частоте употребления ВК со значением экземплификации (6,7%), затем следуют функционально-семантические типы дублетности (3,9%), дополнительной (развивающей) информации (3%), выбора (вариативности)

¹² В XVIII в. ВК со значением дублетности выявлены в единичных случаях.

(2,4%), авторского "я" (2,3%), логической акцентуации и интенсификации (1,9%), ракурса (угла зрения) (1,7%).

Итак; данные по трем периодам свидетельствуют о том, что в ходе эволюции научного стиля происходит отбор типов ВК за счет перераспределения их значимости в системе значений ВК каждого периода. Так, в XX в. после значений ссылки, характеристики и идентификации, которые, как уже отмечалось, составили основной фонд значений ВК, на первый план выдвигаются ВК экземплификации и дублетности, которые вместе с основными тремя значениями образуют пояснительно-объективирующий "слой" научного текста, в то время как значения оценки, логической акцентуации и интенсификации, реализующие субъективно-эмоциональный план текста, становятся менее значимыми по сравнению с предыдущими периодами.

В результате представляется возможным сделать вывод о "консолидации" в процессе эволюции научного стиля тех функционально-семантических типов ВК, которые реализуют наиболее характерные черты научной прозы, а именно: ясность, точность, объективность, полноту изложения. В противовес этому явлению ВК, соотносимые с личностным и эмотивным планами научного стиля, отодвигаются на периферию текста.

Эволюция функционирования ВК проявляет себя также и в том, что постепенно усиливаются различия в количественном отношении этих единиц в текстах гуманитарных и естественных наук. Рассмотрим этот процесс несколько подробнее.

Количественный анализ употребления ВК в научных текстах XVIII в. в основном не выявляет заметных различий между естественными и гуманитарными циклами наук. Исключение представляют собой два значения: характеристики и сопутствующих обстоятельств, где количество ВК в естественных науках преобладает над таковым в гуманитарных. Возможно, в этом проявляется наметившаяся уже в XVIII в. тенденция к большей "фактографичности" и полноте описания в естественных науках, что связано с конкретностью и материальностью объекта описания.

Процесс дифференциации в употреблении ВК в гуманитарных и естественных науках более четко выявляется на материале XIX в. Тексты гуманитарных наук этого периода демонстрируют более частотное сравнительно с естественными науками употребление ВК со значениями экземплификации, логической акцентуации и интенсификации авторского "я".

Количественные различия, характеризующие употребление ВК приведенных выше значений в гуманитарных и естественных науках, свидетельствуют о наличии следующих противопоставлений: неоднозначность — однозначность (соответствует значению экземплификации), эмоциональность — аэмоциональность (соответствует значениям логической акцентуации и интенсификации), личность — неличность (соответствует значению авторского "я"). Безусловно, что оппозиции нельзя принимать в качестве абсолютных характеристик употребления ВК в гуманитарных и естественных науках, это, скорее, показатели большей или меньшей степени отмеченности гуманитарных текстов, с одной стороны, и естественных — с другой, членами приведенных выше противопоставлений.

В XX в. увеличивается состав функционально-семантических типов ВК, которые употребляются в текстах гуманитарных и естественных наук дифференцированно. ВК со значениями дополнительной информации, вариативности, авторского угла зрения более широко употребляются в текстах гуманитарных наук, чем естественных. В использовании этих видов ВК реализуется противопоставление неоднозначность — однозначность, выявляющее роль ВК в различении текстов разных циклов наук по степени точности. Противоположная тенденция, т.е. количественное преобладание ВК в текстах естественных наук по сравнению с гуманитарными, наблюдается у групп ВК со значениями характеристики (в основном за счет количественных характеристик в статьях по химии) и дублетности (преимущественно за счет обозначения одной и той же величины или явления единицами разных систем, что отражает многомерность, структурность объекта изучения). Вероятно, и в этих показателях находит выражение бо́льшая степень точности, объективности изложения в текстах естественных наук сравнительно с гуманитарными.

Обобщая особенности функционирования ВК в гуманитарных и естественных науках по всем трем периодам, представляется возможным сделать вывод об активизации употребления ВК в ходе эволюции научного стиля для дифференциации текстов этих двух циклов наук по степени точности (в большей мере выраженной в естественных науках) и эмотивности и личностности (более типичных для гуманитарных наук).

В заключение отметим, что анализ функционирования ВК в научных текстах XVIII—XX вв. выявил тенденцию развития научного стиля к кристаллизации, идущей по линии все более строгой ориентации в выборе языковых средств на специфику целей и задач общения в сфере науки. Представляется возможным выделить два направления процесса кристаллизации научного стиля применительно к функционированию ВК:

1) по линии консолидации функционально-семантических типов ВК, выражающих специфические черты научного стиля — ясность, точность, полноту изложения, объективность, в то время как ВК, соотносимые с такими признаками стиля, как эмотивность, личностность, становятся периферийными в научном тексте;

2) по линии внутрестилевой дифференциации, выразившейся в возрастающих в процессе эволюции научного стиля различиях текстов гуманитарных и естественных наук по степени употребительности в них ВК, соотносимых с такими стилевыми чертами, как точность, эмотивность, личностность.

В итоге хотелось бы обратить внимание на то, что результаты, выявленные в ходе анализа эволюции функционирования ВК, весьма симптоматичны. Они обнаруживают, что в эволюции употребления такого, казалось бы, частного средства, как ВК, весьма ярко проявляются общие стилевые тенденции развития научной речи, такие, как рост объективности и точности изложения, снижение выражения эмоциональности и экспрессивности, стремление к замене личной манеры изложения на

непичную¹³. Изменения в употреблении ВК согласуются с этими тенденциями и тем самым участвуют в общем процессе кристаллизации научного стиля. Все это, кроме того, подчеркивает системность¹⁴ функционального стиля (в частности, научного) и системность самой его эволюции¹⁵.

Принятые сокращения

- Adams — *Adams G.* An essay on electricity. London, 1792.
 Bailey — *Bailey G.H.* The tutorial chemistry, pt II. London, University Tutorial Press, 1897.
 Bentham — *Bentham J.* The works of Jeremy Bentham, vol. VIII. Edinburgh, William Tait, London, 1863.
 Black — *Black J.* Lectures on the elements of electricity. Edinburgh, 1803.
 Dalton Tr. — Journal of the Chemical Society. Dalton Transactions, London, 1974, N 10.
 Darbyshire — *Darbyshire A.E.* A description of English. London, 1967.
 Farrar — *Farrar F.W.* Chapters on language by the rev. Frederick W. Farrar. London, 1865.
 Higgins — *Higgins W.* The life and work of William Higgins, chemist (1763–1825). Oxford, Pergamon Press, 1960.
 J. Chem. Soc. — Journal of the Chemical Society, London, 1879, vol. 35.
 Mind — Mind. A Quarterly Review of Psychology and Philosophy, London, Macmillan, 1878, vol. 3, N 12.
 Phil. Mag. — The London, Edinburgh and Dublin Philosophical Magazine and Journal of Science, London, 1872, vol. 43.
 Ph. Tr. 53 — Philosophical Transactions of the Royal Society of London, London, 1762, vol. 53.
 Ph. Tr. 66 — Philosophical Transactions of the Royal Society of London, London, 1776, vol. 66.
 Ph. Tr. 67 — Philosophical Transactions of the Royal Society of London, 1777, vol. 67.
 Priestley I — *Priestley J.* The history and present state of electricity with original experiments. New York, 1966.
 Priestley II — *Priestley J.* Experiments and observations on different kinds of air and other branches of natural philosophy, connected with the subject, vol. II, New York, 1970.
 Rumford — *Rumford B. Th.* Collected works of Count Rumford, vol. I, IV. Cambridge (Mass.), 1968–1970.
 Tr. Phil. Soc. — Transactions of the Philological Society, 1960. Oxford, 1961.

¹³ См.: *Лантева О.А.* Внутрстилевая эволюция современной русской научной прозы. — В кн.: Развитие функциональных стилей современного русского языка. М., "Наука", 1968; *Сиротинина О.Б.* и др. Изменения в языке научной прозы. — В кн.: Вопросы стилистики, вып. 3. Саратов, 1969; *Швецова О.А.* Указ. соч.

¹⁴ См.: *Кожина М.Н.* О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. Пермь, 1972; *Митрофанова О.Д.* Язык научно-технической литературы как функционально-стилевое единство. Автореф. докт. дис. М., 1974.

¹⁵ Системность эволюции последовательно прослеживается в указанной работе Н.М. Разинкиной.

СОДЕРЖАНИЕ

I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СТИЛЯ НАУЧНОЙ ПРОЗЫ

<i>В.Л. Наер.</i> К описанию функционально-стилевой системы современного английского языка. Вопросы дифференциации и интеграции	3
<i>Е.С. Троянская.</i> Общая характеристика лексики стиля немецкой научной речи	13
<i>И.З. Новоселова, И.Ф. Турук.</i> Дискурсивный анализ научного текста	39

II. СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СВЯЗНОСТИ В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ

<i>М.П. Котюрова.</i> Об эволюции выражения связности речи в научном стиле XVIII—XIX вв.	45
<i>Е.А. Зверева.</i> Грамматические и лексико-грамматические конструкции, выражающие прямонаправленную связность текста (на материале английской научной прозы)	60
<i>С.В. Абрамова.</i> Выражение связности текста в научной литературе на испанском языке (сравнительно с русским)	66
<i>А.П. Бакарева.</i> Структура предложения как средство связи между самостоятельными предложениями в научном тексте	74

III. СТИЛИСТИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАУЧНОГО ТЕКСТА

<i>Е.А. Рейман.</i> Конкретизаторы глагола в английских художественных и научных текстах	81
<i>Л.В. Славгородская.</i> О функции адресата в научной прозе	93
<i>Р.К. Терешкина.</i> К вопросу об авторской речевой индивидуальности в научных текстах	103

IV. ОСОБЕННОСТИ УСТНОЙ НАУЧНОЙ РЕЧИ

<i>Н.М. Краевская.</i> Ситуация как фактор дифференциации типов устной речи (по материалам советской лингвистической литературы)	113
<i>Т.П. Скорикова.</i> Некоторые особенности ритмико-интонационного членения устного научного текста	132
<i>А.Ю. Константинова.</i> К вопросу о выделении и интерпретации предложения и высказывания в устной научной речи	148

V. ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ СТИЛЯ НАУЧНОЙ ПРОЗЫ

<i>Л.А. Строительева.</i> Композиционные особенности текстов научно-эпистолярного жанра XVII в.	160
<i>Э.П. Новоселецкая.</i> Об эволюции функционирования вставных конструкций в английских научных текстах XVIII—XX вв.	171